

IV, e, 6y.

312

P05

0-45

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русскѣй Земли.»

Владимірѣ Мономахѣ.

1861

СЕНТЯБРЬ

6 С-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

Кіровоградська обласна
бібліотека імені
Д. І. Чижевського.

ИНВ № 994464

2
Г

ОСНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 21 дня, 1881 года

Ценсоръ Ст. Лебедевъ

1881

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОСНОВА,

ЮЖНОРУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

будеть издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: стихотворенія, повѣсти и разказы на южнорусскомъ языкѣ, а также на великорусскомъ, но изображающіе жизнь и природу южнаго края.

II. ИСТОРИЯ. Жизнеописанія. Древности. Акты историческіе и юридическіе. Старинныя записки.

III. НАРОДОПИСАНІЕ. Языкознаніе. Современный, общественный и частный, бытъ.

IV. ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ.

V. ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

VI. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ.

VII. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ и распоряженія, относящіяся къ южнорусскому краю.

VIII. РАЗБОРЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СОЧИНЕНІЙ и указатель всѣхъ вообще книгъ и статей, также музыкальных и художественныхъ произведеній, предметомъ коихъ будетъ южнорусскій край.

IX. ОБЛАСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; переписка; вопросы; замѣтки и вообще мелкія статьи ⁽¹⁾.

(¹) Не входя теперь въ объясненіе каждого изъ этихъ отдѣловъ, припомнимъ для желающихъ ближе познакомиться съ нашимъ взглядомъ на дѣло Основы, что подробное объявленіе было напечатано въ октябрьскихъ номерахъ *С. Петербургскихъ и Московскихъ вѣдомостей*, *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*, разослано при *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* и приложено въ 1-й книжкѣ Основы.

Предметъ *Основы* остается тотъ же: всестороннее и безпристрастное изслѣдованіе Южнорусскаго края и Южнорусскаго народа. Направленіе *Основы* также не измѣнится. Оно заслужило общее одобреніе, и намъ остается только повторить главные начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакція: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности, и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясненія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни.

Руководящею идеею *Основы* будетъ просвѣщеніе въ народномъ духѣ. Редакція, отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ то же время считаетъ вреднымъ и космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главные жизненные силы изъ родной почвы, — которыя богатѣютъ не столько заимствованиями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени. Признавая значеніе каждой народности въ общей жизни человѣчества, мы всего больше должны стараться уразумѣть *наши* національныя особенности, *наши* природныя, ни у кого не заимствованныя, средства существованія; мы должны стремиться къ тому, чтобы занять между другими народами такое же мѣсто, какое занимаетъ дѣятельный семьянинъ въ кругу прочихъ членовъ семейства. Пока человѣкъ не созналъ себя и не опредѣлилъ ясно своихъ отношеній къ другимъ людямъ, до-тѣхъ-поръ онъ — существо безличное. Тѣже самое можно сказать и о цѣлыхъ народахъ. Всякій народъ только съ того времени становится необходимымъ членомъ человѣческой семьи, когда, посредствомъ всесторонняго самопознанія и полного проявленія нравственныхъ силъ своихъ, начнетъ вносить въ общую жизнь человѣчества такой вкладъ, какого другой народъ не вноситъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ необходимымъ и *общеполезнымъ* — дальнѣйшее развитіе украинскаго народнаго языка и словесности, которая уже заявила свое право на вниманіе просвѣщеннаго общества, представивъ нѣсколько произведеній, замѣчательныхъ по красотѣ образовъ, по достоинству чувствъ и мыслей — общечеловѣческихъ и, въ тоже время, возможныхъ, по своему внутреннему и вѣншнему характеру, только въ одномъ Украинскомъ народѣ. Вопросъ — *быть или не быть* нашей словесности? еще недавно составлялъ предметъ спора для многихъ; но его

разрѣшила утвердительно сама жизнь, неподдающаяся никакой предвзятой теоріи. Никто теперь не скажетъ, что украинской словесности *нѣтъ*, какъ, бывало, говорили и писали прежде. Одного Шевченка, признаннаго великимъ поэтомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ, достаточно для того, чтобы убѣдить самыхъ закоренѣлыхъ старовѣровъ въ томъ, что украинская словесность существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Но еще не умолкли послѣдніе звуки перваго нашего *Кобзаря*, а уже мѣсто его заступаетъ другой, въ поэзіи котораго слышится новый строй народнаго стиха, является новое содержаніе и новая сила. Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* мы сообщаемъ мелкія его стихотворенія, которыя, надѣмся, пріятно удивятъ нашихъ читателей; но у насъ есть въ запасѣ цѣлыя поэмы того же автора, соотвѣтствующія этимъ начаткамъ.

Украинская проза также дѣлаетъ успѣхи рѣшительные и расширяетъ область своего выраженія почти съ каждымъ мѣсяцемъ. Безпрестанно являются новые дѣятели украинской словесности, кругъ преданныхъ ей людей увеличивается быстро. Все убѣждаетъ насъ, что вопросъ о ея существованіи есть вопросъ жизненный, порожденный не мечтателями, а самою силою вещей. Поэтому-то она и вызвала къ энергической дѣятельности столько талантливыхъ людей; поэтому она и въ обществѣ читающемъ находитъ себѣ такое сочувствіе. Итакъ, съ увѣренностію, что приносимъ своимъ изданіемъ пользу существенную, что дѣлаемъ дѣло, нужное не для однихъ Украинцевъ, но для всего Славянскаго міра, мы будемъ продолжать его по мѣрѣ нашихъ силъ, въ ожиданіи новыхъ и новыхъ помощниковъ. Особенное вниманіе людей мыслящихъ обращаетъ на себя оживившаяся русская народность въ Галиціи, гдѣ она до-того была задавлена, что Нѣмцы и Поляки начали уже печатно утверждать, будто *Руси* въ Галиціи нѣтъ вовсе. Говоря языкомъ украинскимъ и живо сочувствуя нашей словесности, Галицкіе Русины, въ настоящемъ году, начали издавать собственную литературно-политическую газету *Слово*. Въ школахъ у нихъ вводится преподаваніе на родномъ языкѣ; русинскій же языкъ начинаютъ употреблять и въ судопроизводствѣ. Даже въ своей одеждѣ, Галицкая молодежь старается быть *руською*, но никакъ не нѣмецкою, или польскою. Пробужденіе долго дремавшихъ моральныхъ силъ, которыя обнаруживаются теперь съ такою своеобычною, пророчить Русскому міру существованіе еще болѣе самобытное, менѣе и менѣе подчиненное вліянію чуждыхъ народностей, хотя и связанное съ ними общечеловѣчески. Многіе образованнѣйшіе Великороссіяне дѣйствительно смотрятъ на оживленіе украинской словесности съ чувствомъ тро-

гательнаго для насъ доброжелательства; мы слышимъ отовсюду, что даже языкъ украинскій сдѣлался предметомъ изученія для многихъ просвѣщенныхъ людей. Многіе уже понимаютъ, что Русская Земля до тѣхъ поръ не проявитъ себя всесторонне, пока въ ея огромномъ пространствѣ не затрепещетъ жизнью все, что способно къ жизни. Поэтому, работая на украинскомъ полѣ, *Основа* работаетъ для всего рускаго міра и притомъ, какъ специалистъ, котораго замѣнить нечѣмъ. Вотъ нашъ взглядъ на наше дѣло. Надѣмся, что это — взглядъ всѣхъ друзей просвѣщенія, всѣхъ истинныхъ почитателей самаго мудраго законодателя — жизни, неподкупный судъ котораго, въ нашемъ литературно-народномъ дѣлѣ, есть единственно вѣрный судъ.

Неможемъ не радоваться, что съ такой точки посмотрѣли на дѣло *Основы* лучшіе русскіе журналы, и считаемъ своею обязанностью выразить имъ нашу громадскую признательность.

Переходя къ болѣе частнымъ обстоятельствамъ нашего вѣстника, скажемъ, что первое время его существованія необходимо должно было быть — и было — очень труднымъ. Программа наша, съ перваго начала, не могла быть выполнена удовлетворительно во всѣхъ частяхъ ея. Вполнѣ сознавая недостатки *Основы*, мы употребимъ все стараніе — устранить ихъ въ будущемъ году, и надѣмся представить — современную южно-русскую летопись, вѣсти изъ Русинской Галиціи и съ Юга вообще, разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ и разные этнографическіе, историческіе и юридическіе матеріалы — въ такой полнотѣ, что они составятъ какъ-бы новый отдѣлъ *Основы*. Но и въ настоящемъ году, не смотря на скудость нѣкоторыхъ отдѣловъ, редакція всё-таки имѣла столько рукописей въ своемъ распоряженіи, что обѣщанное ею количество листовъ оказалось недостаточнымъ, такъ что, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, она, вмѣсто обязательныхъ 108 печатныхъ листовъ, выпустила около 160 листовъ. Такимъ образомъ, при томъ запасѣ матеріаловъ, какой *Основа* уже имѣетъ, и при возрастающемъ числѣ трудящихся и готовыхъ для нея трудиться, назначенное число листовъ для книжки оказывается недостаточнымъ, и съ 1862 года каждая книжка *Основы*, для выполненія нашей программы, необходимо должна заключать въ себѣ неменѣе 15 листовъ. По причинѣ сопряженнаго съ этимъ увеличенія издержекъ, бывшихъ и въ этомъ году весьма значительными, мы должны увеличить и подписную цѣну нашего изданія.

Чтобы познакомить съ содержаніемъ *Основы* тѣхъ, кто не могъ до-

сельъ читать ее, представляемъ перечень статей, помѣщенныхъ въ девяти вышедшихъ книжкахъ:

Анны Барвинокъ (псевдонимъ): Съ Волыни.

Антоновича (В.): Чтѣ объ этомъ думать?

А. Нечуй-вѣтеръ (псевдонимъ): 1) Съ дороги, 2) Сирѣтскій жалъ; 3) Не було змалку — не буде й до 'станку.

Бьлухи-Козановскаго (М. А.): 1) О молотильной машинѣ съ локомотивомъ; 2) О рабочемъ скотѣ и о хворобѣ.

Волокитина (Н. Н.): О естествознаніи на Югѣ.

Гоголя (Н. В.): Замѣтки и наброски для драмы изъ Украинской исторіи.

Дымскаго (М.): Хоролъ.

Жемчужникова (Л. М.): 1) По поводу выставки въ С. Петербургской академіи художествъ; 2) Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе (съ рѣчами, говоренными у гроба); 3) Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ (съ портретомъ); 4) Объясненія къ рисункамъ *Живописной Украины*, издаваемой авторомъ.

Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину изъ Петербурга.

Иванишева (Н. Д.): О провинціальныхъ дворянскихъ сеймахъ въ Юго-Западной Руси.

Историческіе и юридическіе акты.

П. Казюки (псевдонимъ): 1) О публичныхъ лекціяхъ Н. И. Костомарова; 2) Півпівника.

Ка-па (псевдонимъ): Мои воспоминанія.

Костенецкаго (Я. И.): 1) О руководствѣ къ пчеловодству г. Краузе; 2) Письма о Пчеловодствѣ.

Костомарова (Н. И.): 1) О федеративномъ началѣ въ древней Руси; 2) Отвѣтъ иностраннымъ публицистамъ по вопросу о Руси; 3) Двѣ народности (черты нравственныхъ различій въ племенахъ: Великорускомъ и Украинскомъ); 4) Черты народной Южнорусской исторіи; 5) Гетманство Выговскаго; 6) Воспоминаніе о двухъ малярахъ (одинъ изъ нихъ — Шевченко); 7) Слово о Сковородѣ; 8) Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго; 9) Черноморскіе казаки.

Кузьменка (П. С.) Не такъ ждалося, да такъ случилось.

Кулика (В. С.): Дѣ-що зъ Полтавы.

Кулиша (П. А.): 1) Хмельницина; 2) Старосвѣтское дворище; 3) Другой человекъ; 4) Характеръ и задача Украинской критики; 5) Обзоръ Украинской словесности: I. Климентій, II. Котляревскій, III. Артемовскій-Гулакъ, IV. Гоголь; 6) Исторія Украины; 7) Украинскія Незабудки; 8) О повѣсти г. Кузьменка; 9) Передовые Жиды; 10) стихотворенія: Народня Слава; Солоніяца; Кумейки; Съ того свѣту; Зъ-за Дунаю; Чтѣ мнѣ и тебѣ, жено?

Лавровскаго (П.): Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину, о Малорусскомъ языкѣ.

Лазаревскаго (А. М.): Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конискимъ?

Л-б-цева (Ө. Г.): Объ ярмаркахъ (до сѣльскихъ парафіялъ).

Левченко (М. М.): 1) Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ; 2) Запѣтка о Русинской терминологіи.

Линейкина: Гимназическая переписка (прежнія педагогическія понятія и порядки).

Ломуса (псевдонимъ): Русалка, стихотворный переводъ изъ Мицкевича, на украинскомъ языкѣ.

М. (И. В.): Географическое обозрѣніе края, населеннаго Южнорусскимъ народомъ.

Макарова (Н. Я.): Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ.

Максима-Чорного (псевдонимъ): Съ другого берега Днѣпра.

Максимовича (М. А.): 1) Письма о Богданѣ Хмельницкомъ; 2) Запѣтка о пѣвцѣ Митусѣ.

Марка-Вовчка (псевдонимъ): 1) Три долі; 2) Не до пари; 3) Два сини; 4) Ледащия.

Межова (В. И.): 1) Библіографія крестьянскаго вопроса въ Южнорусскомъ краѣ; 2) Историческая бібліографія.

Мизко (Н. Д.): Воспоминаніе о Соленикѣ.

Мордовцева (Д. Л.): 1) Дзвонарь; 2) Салдатка.

Недорозумѣніе по поводу слова »жидъ«.

Номиса (псевдонимъ): 1) Тітка Настя; 2) Різдвяні святки; 3) Отрывки изъ автобіографіи Бѣлокопытенка; 4) О крѣпостномъ населеніи въ Россіи; 5) Багата кутя; 6) Святый вечір.

Носа (С. Д.): 1) Хуртовина; 1) Зъ Непитаи-Города.

Необачного (псевдонимъ): Знайдений на дорозі листъ.

Олельковича (Митра): 1) Антінъ Танський; 2) Жидівська Дяка.

Основащенка (Квитки): Листъ до Шевченка.

Побратима (псевдонимъ): Концертъ 27 апрѣля.

Познанського (Б): Листъ зъ Дударівъ.

Пестержецкаго (А. Л.): 1) О крестьянахъ старинной Югозападной Руси; 2) О народномъ языкѣ.

Стороженка (А. П.): 1) Закоханний чортъ; 2) Стехинъ ригъ; 3) Матусине благословення; 4) Страшна Баба.

Свячченка (псевдонимъ): Вовчиця.

Сухомлинова (М. И.): О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи.

Сьрова (А. Н.): Музыка южнорусскихъ пѣсень (съ нотами 6 пѣсень для пѣнія и фортепьяно).

Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнаго края.

Памятное дѣло.

Т. (Г.): О народности въ религіозной жизни.

Хоречко (псевдонимъ): Липовыя пущи.

Хуторянина (псевдонимъ): Листи съ хутора: 1-й и 2-й, о городской и сельской жизни; 3-й о значеніи Шевченка, какъ народнаго поэта; 4-й о сельскомъ ворѣ. Всѣ четыре письма на украинскомъ языкѣ.)

Чубинскаго (П. П.): Погуковщина.

Чужбинскаго (А. С.): Изъ Украины.

Шаповала (К.): Зъ подорожника.

Шевчета (Т. Г.): 1) Посланіе славному Шафарикові; 2) Чернецъ (Семень Палій); 3) Москалева Криниця; 4) Невольникъ; 5) Черниця Марьяна; 6) Мелкія стихотворенія; 7) Дневникъ.

Юзефовича (М. В.): Объясненіе по поводу издаваемыхъ Кіевскою Комисією древнихъ актовъ.

Стихи на украинскомъ языкѣ: Гг. Витавскаго, Гльбова, І. Галки, Галузенка, Кузьменка, Кулика, Конискаго, Навроцкаго, Петрова, Руданскаго, Тавоми-Мокрицкаго, Чубинскаго и друг.

Мѣстная переписка, объясненіе южнорусскихъ словъ, встрѣчающихся въ Основѣ, и другія статьи.

Имѣя въ виду статьи, находяшіяся въ распоряженіи редакціи, она можетъ обѣщать, что слѣдующія книжки Основы не уступятъ занимательностію содержанія вышедшимъ.

Надѣмся, что многіе профессора и учителя мѣстныхъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній также примутъ съ будущаго года живое участіе въ Основѣ, какъ единственномъ изданіи, программа котораго обнимаетъ все стороны южнорусской жизни.

Всѣхъ сообщавшихъ и желающихъ сообщать въ Основу вѣсти изъ разныхъ сторонъ Юга, усердно просимъ увѣдомить объ условіяхъ, выполнение которыхъ должно быть обязательно для редакціи: необходимо установить опредѣленные отношенія заранее, дабы избѣжать впоследствии напрасныхъ недоразумѣній.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ, для городскихъ: въ конторѣ Основы при книжномъ магазинѣ Д. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Пав. Давыдова, П. И. Крашенинникова, Н. Г. Овсянникова; въ Москвѣ: у И. В. Базунова; въ Кіевѣ: у В. Г. Борщевскаго; въ Полтавѣ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака; въ Таганрогѣ: у К. Д. Данилова; въ Одессѣ: у Ал. С. Великанова, и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** адресуютъ:
Редактору Основы, Василію Михайловичу Бьлозерскому, въ С. Петербургѣ, у Круглазго рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.

Цѣна за 12 книжекъ, каждая не меньше 15 листовъ, 10 р. 50 к. безъ пересылки, — 12 р. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Для своевременнаго распоряженія о напечатаніи надлежащаго числа экземпляровъ, редакція проситъ поспѣшить подпискою.

Подписавшіеся и послѣ выхода девяти книжекъ Основы получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Редакторъ В. Бьлозерскій.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ,

И ОБЪ ИЗДАВАНІИ

ЖИВОПИСНАГО СБОРНИКА И РИСУНКОВЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Изданіе *Живописной Украины* будетъ также продолжаться и въ 1862 году. Условія подписки слѣдующія: для подписчиковъ, получающихъ *Основу*, цѣна остается таже, т. е. 4 р., городскіе подписчики платятъ 6 р., а подписчики иногородные, не получающіе *Основы*, платятъ за годовое изданіе 9 р.; исключеніе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если иногородный подписчикъ выписываетъ не менѣе десяти экземпляровъ: тогда цѣна остается прежняя, т. е. 6 р. за каждый экземпляръ. Подписка принимается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и на *Основу*; иногородные *исключительно* подписываются въ редакціи *Основы*.

Прошу гг. подписчиковъ высылать мнѣ разнаго рода рисунки, типы, одежды и т. д. и сообщать письменно свои замѣчанія относительно моего изданія. Это доставитъ мнѣ возможность узнать вкусъ общества и исполнить справедливыя его требованія.

Съ 1862 года, я выпускаю, кромѣ настоящаго изданія, — другой альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ *Живописный Сборникъ*, въ гораздо-большемъ размѣрѣ, — куда войдутъ не одни Малороссійскіе сюжеты и типы, но и Великорусскіе, а также фантазіи, пейзажи и проч. Вообще программа *Ж. Сборника* — самая обширная и не стѣсненная никакой особой народностью. Цѣна будетъ объявляться печатно, по мѣрѣ выхода рисунковъ.

Кромѣ этого, я приготавливаю къ изданію *рисунки изъ народной архитектуры* Великорусской и Малороссійской, съ объясненіями, а потому покорнѣйше прошу всѣхъ, кто интересуется и кто занимается этимъ предметомъ, высылать мнѣ, чрезъ редакцію *Основы*, рисунки, какъ цѣлыхъ зданій и построекъ, такъ и частей ихъ и подробностей, равно и замѣчанія свои о русской народной архитектурѣ.

Левъ Жемзужниковъ.

КОБЗАРЬ.

XXXIV.

ЧАСТИНА ПОЭМЫ:

ЧЕРНІЦЯ МАР'ЯНА.

Эта поэма, какъ можно догадываться, написана была Т. Гр. Шевченкомъ вслѣдъ за *Катериною*. Черновой, неполный, подлинникъ ея писанъ почти весь карандашомъ. Поправокъ почти нѣтъ въ рукописи, но оригиналь, очевидно, содержитъ въ себѣ первый набросокъ. Отъ-этого нѣкоторые стихи не дописаны, въ другихъ не соблюденъ размѣръ; нѣкоторые состоятъ изъ повтореній, а въ одномъ мѣстѣ, черта, проведенная отъ слова *оддамъ*, которымъ начинается неизвѣстный намъ стихъ, показываетъ, что авторъ былъ намѣренъ дополнять и совершенствовать свою поэму. Много въ ней стиховъ слабыхъ, много мѣстъ растянутыхъ, но, какъ набросокъ, поэма эта весьма замѣчательна; она дышетъ свѣжею силою молодого еще таланта, и есть въ ней мѣста высоко-поэтическія. Указывать ихъ мы не будемъ, предоставляя читателю удовольствіе отыскать самому лучшее между слабымъ и прекрасное между хорошимъ. Я списалъ ее съ оригинала, часто очень нечеткаго и сбивчиваго, собственноручно, и нѣкоторыя мѣста редактировалъ, замѣняя, по-возможности, авторскую работу, что и означено въ примѣчаніяхъ.

П. Кулишъ.

У неділю на вігоні...
Дівчата гуляли,
Жартували зъ парубками,
Де-які співали —
Про досвітки, вечорніці
Та якъ біла мати,

Щобъ зъ козакѣмъ не стояла...

Звичайно — дівчата,

То про своє все й співають,

Якѣ про що знає.

Ажъ ось, съ хлопцемъ старій сліпець

Въ село шкандибавъ;

Въ рукахъ чоботи; на плечахъ

Латана торбіна

У старого. А дитина,

Сердешна дитина,

Обідрана, ледве, ледве

Носє ноженята...

Безталанний синъ Катрусі.

»Дивітця, дівчата,

Кобзарь иде, кобзарь иде!»

Та всі, яко мога,

Хлопцівъ кинули, — побігли

Зострічать сліпого.

»Діду-серце, голубчику!

Заграй намъ що-небудь:

Я шага дамъ; я — черешень;

Я напою медомъ;

А тимъ часомъ одпочинешъ,

А ми потанцюємъ.

Заграй же намъ яку-небудь!»

— »Чую, любі, чую!

Спасібі вамъ, мої квіти,

За слово ласкаве.

Загравъ би вамъ, та бачите —

Справи нема, справи.

Учбра бувъ на базарі —

Кобза зопсувалася,

Развалилася...»

— «А струни?»

— »Тільки три осталося.»

— »Та хочъ на трѣхъ яку-небудь!»

— »На трѣхъ? Охъ, дівчата!

И на одній колись-то гравъ,

Та ба, вже не грати!
 Постривайте жъ, мої любі,
 Трошки одпочіну...
 Сядьмо, хлопче.
 Посідали.
 Розв'язавъ торбину;
 Вийнявъ кобзу; разівъ зб два
 Ударивъ по рванихъ...
 »Що бъ вамъ загра́ть?... Постривайте...
 Черніцю Мар'яну...
 Чи чували, чи не чу́ли?...
 Слухайте жъ, дівча́та,
 Та кайтеся...
 Давно́ ко́ли́сь
 Була́ собі ма́ти;
 Бувъ и ба́тько, та не ста́ло, —
 Оста́лась вдово́ю...
 Ой оста́лась удово́ю ¹,
 Та й не молодо́ю, —
 Изъ вола́ми, изъ воза́ми,
 Зъ мало́ю дочко́ю.
 Росла́ дочка́ Мар'яно́чка ²
 Віросла, якъ па́нна,

¹ Этого стиха недоставало у Шевченка, очевидно, по недосмотру. П. К.

² Этотъ и слѣдующіе стихи, очевидно, не были читаны авторомъ послѣ перваго наброска, и потому въ нихъ много разъ нарушена мѣра. Шевченко, безъ сомнѣнія, выправилъ бы ихъ лучше, нежели это сдѣлано мною; но чтобы не придать ему собственнаго вкуса моею редакціею и сберечь мелкія, по необходимости сглаженныя мною черты, помѣщаю его стихи точь-въ-точь. (То-же сдѣлано мною и дальше). П. К.

Росла́ дочка́ Мар'яна,
 А віросла, якъ па́нна,
 Чернобріва, уродлива,
 Хочъ за пана гетьмана.
 Ста́ла ма́ти гада́ти
 Та за́тя едва́ти,
 А Мар'яна не до па́на
 Вихо́дила сто́яти, —
 Не до па́на товсто́го,
 Уса́того, старо́го,
 До Петруся, въ гаю, въ лу́зі,
 Що-вече́ра свято́го.

Чорнобріва, уродлива —
Хочь би й за гетьмана.
Стала мати міркувати
Та зїтя еднати,
А Марьяна не до пана
Ходїла стояти, —
Не до пана уса́того,
Сідбо́го, старо́го, —
До Петрусї, що-вечора,
Вечора свято́го.
Розмовляла, жартувала,
Обнімала, мліла,
Въ раю жила... а йноді
Плакала, німіла.
»Чого плачешь, мой пташко?«
Петро́ запитає.
Вона́ гляне, усміхнєтця:
»И сама́ не знаю.«
»Мо́же, думаєш, по́вину?«
Ні, мой рибчи́но.
Буду ходи́ть, буду люби́ть,
По́ки не заги́ну.
Хиба́ було́ ко́лі въ світі,
Щобъ́ ті, що коха́лись,
Розви́шлись, не взяли́ся, —
Живи́ми оста́лись?«
— »Ти жарту́єш, мій голу́бе!
Ти чувъ, що співа́ють...
То кобза́рі вигадую́ть;
Бо, сліпі, не зна́ють, —
Бо не ба́чять, що є брові,
Чорні́ й ка́рі очи
И висо́кий станъ коза́чий,
И гнучкі́й дівочи́й, —
Що є ко́си, чо́рні ко́си,
Коза́цька чупри́на, —
Що на мо́ву на Петро́ву
Въ глухі́й домови́ні

Усміхнуся... скажy ёмy:

»Орле сизокрілий!

»Люблю тебе я на тiмъ свiтi,

»Якъ на сiмъ любила.«

Отакъ, серце, обнимiмось,

Отакъ цоцiлюю!

Нехай вкупi заховаютъ...

Умру — не почую...

Не почую... «

Обнялися,

Обнялися, змiли.

Отакъ вони любилися,

На той свiтъ хотiли ¹,

Щобъ на той свiтъ переступиць,

Та не по їхъ стало...

Що-вечора сходилися,

И мати не знала,

Де Мар'яна до пiвночи,

Съ кимъ вона гуляла.

»Вонó малé, ще дитина,

Нiчого не знаé.«

Угадала старá мати,

Та не все вгадала;

Знать, забула, що колись же

Самá дiувала ².

Угадала мати... Мар'яна — дитина,

Не знала, якъ трéба на сiмъ свiтi житъ,

Думала нi люди, ані домовина

Съ Петромъ не розлучать — умiла любить ³.

Думала, що тiльки кобзарi спiвають,

¹ Вмiсто этого стиха было сперва написано:

Ота(къ) и хотiли.

П. К.

² Эти два стиха написаны были сперва такъ:

Знать, забула, що мицiло, —

Чи не дiувала.

П. К.

³ Этотъ стихъ у Шевченка такъ:

Съ Петромъ не розивать — умiла любить.

П. К.

Бо сліпі, не бачать карихъ оченіть,
 Що тільки лякають молодіхъ дівчатъ...
 Лякають, дівчата, правдою лякають...
 И я васъ лякаю, бо те лихо знаю...

Бодай на сімъ світі ніколи не знать
 Того, що я знаю!... Минуло, дівчата, —
 Сэрце не заснуло — я васъ не забуду;
 Люблю васъ и досі, якъ дітиокъ мати;
 Бѣду вамъ співати, поки не загину...
 Тойді, мої любі, якъ мене не стане,
 Згадайте про мене, про мою Мар'яну, —
 Я вамъ съ того світа сэрцемъ усміхнусь...

Усміхнуся...»

Та й заплакавъ.

Дивились дівчата,
 Не питали, чого плаче,
 Та й на що питати?
 Минулося — помагало
 Ласкаве дівоче
 Щире слово...

»Вибачайте...

(Утеръ сліпі очи)

Вибачайте, мої любі!

Нехотя журюся...

Такъ отъ, бачите, Мар'яна

Зъ убгимъ Петрусемъ

Що-вечора розмовляла,

А мати не знала.

Дивувалась: »Що се такє

»Мар'яну спіткало?

»Чи не пристріть? Сяде шити —

»Не те вишиває;

»Замість Гріцц, задумавшись,

»Петруся співає¹;

¹ Гріццемъ называється пѣсня;

а Петрусемъ —

Ой не ходи, Грицю, на ті вечорниці,

Полюбила Петруся,

Та й сказати боюся.

П. К.

» Часомъ сонна розмовляє,
 «Подушку цілує...»
 Мати сниться їй: «Мійлася:
 Дівала — жартує;
 Потімъ бачи(ть), що не жарти,
 Та й каже Мар'яні:
 » Треба старостівъ намъ ждати ¹,
 » Та, мамо, й одъ пана.
 » Ти вже вибери — не врбку,
 » Уже й дівала;
 » Я вже думаю, що бачишъ ²,
 (Насилу сказала),
 » Що вже й заміжъ, коли тее...»
 — «А за когó, мамо?»
 — «Хто вподоба, то (я) й оддамъ.»
 Співав Мар'яна:
 » Минулася твої дбля,
 » На-віки минула...
 » Чомъ ти вчора, якъ вернула,
 » На-вікъ не заснула?
 » Було бъ легше вь домовині
 » Одинокій спати.
 » Тойді, може бъ, надъ тобою
 » Заплакала мати.
 » Теперъ мати не заплаче,
 » Та й не заспівавъ;
 » А лиха ще буде, буде,
 » Поки заховать!»
 Отакé-то, мої любі,
 Бувá на сїмъ світі:
 Одна дочка у матері,
 Та й тїй тяжко жити...

¹ У Шевченка зтотъ стихъ такъ:

Треба буде старостівъ ждати.

² Зтотъ стихъ написанъ былъ сперва такъ:

Я вже думаю, що й тее...

По садочку походяа,
 Слізонький втираа;
 Поглядаа на сонечко,
 Печё, а не ся.
 Стоить собі середъ неба,
 Мовъ смієцца зъ неї:
 Воно не зна, що Мар'яна,
 Рада бъ...
 Заховатьца одъ...
 Щобъ не... знову
 Тії мови, що вже чула,
 Проклятої мови.
 Воно не зна, що якъ зайде
 Спочити за гаємъ,
 Петрусь вийде на долину,
 Петрусь заспіваеть,
 Петрусь її роспитаеть,
 Якъ братъ заговорить,
 Коцілує, роспитаеть
 Про лютее горе.
 Не знала Мар'яна, чого серце мліє,
 Чогó плачуть очі... на що ёго знать?
 Хилитця тополя, куди вітеръ віє...
 Тяжко одинікій на степу стоить.
 Утомитця вітеръ — тополя спочине:
 Отакъ и дівоча мине хуртовина.
 Тяжко одинікій въ степу зустрічатъ,
 А ще гірше любій попередъ знать,
 Дё и якъ спіткае лихаа годіна.
 Несподівано Мар'яна
 Зостріла недоблю;
 Співала-було, а іноді
 Дає слезамъ волю.
 Самá не зна, чогó плаче;
 Може, серце й чує,
 Та не вміє розказати
 Про те, що віщує.

Разъ увечері Мар'яна,
 Якъ мати заснула,
 Пішла слухати солов'яка,
 Мовъ зрѣду не чула.
 Вийшла въ садокъ, послухала,
 Самá заспівала,
 Та й замовкла, нідь яблуню
 Тихесенько стала,
 Заплакала, якъ Мар'яна
 Безъ матері плаче...
 Петро стоїть передъ нею —
 Нічого не бачить.

»Оддай мені, мой мамо,
 »Та не за старого,
 »Оддай мені, моє серце,
 »Та за молодого.
 »Нехай старий бурлакѣ,
 »Грѣши заробляє,
 »А молодий мені любить,
 »Долі не шукає,
 »Не шукає, не блукає,
 »Чужими степами.
 »Свої волі, свої вови,
 »А міжъ парубками,
 »Якъ мавківка на вгорі,
 »Цвіте-процвітає.
 »Має поле, має волю,
 »Та долі не має.
 »Его доля — мої брови,
 »Мої карі очі;
 »Моє слово — панство-царство,
 »Нічого не схоче.
 »У кайданахъ, мой сиза,
 »Та не сиротою,
 »Тільки, мамо, що(бъ) плакати,

»Щобъ співать зо мною.

»Оддай...

— »Діточко мій, Мар'яно!

»Оддамъ тебе за пана

»За старого, багатого,

»За сѣтника Івана.»

— »Умру серце мамо,

»За сѣтника Іваномъ.»

— »Не вмирати, будешъ панувати,

»Будешъ дітокъ годувати.»

Мати галка, мати чорна,

Літаючи, кріче;

Чорнобріва дівчинонька,

Ходя гаємъ, плаче.

Летить галка черезъ балку

Въ степу погуляти,

дівчина нудить світомъ, —

Ні съ кимъ розмовляти.

Не пускає її мати

Вранці до криниці,

Ні жита жать, ні лёну брать,

Ні на вечірнійці,

Де дівчата съ парубками

Жартують, співають,

Та про мене, чорнобріву,

Нішкомъ розмовляють:

»Багатого дочка батька,

»Шляхецького рѣду...»

Тяжко, мамо, важко, мамо...

На що дала врѣду?

На що брови змалювала,

Дала карі очі? —

Усе дала, тільки долі —

Долі дати не хочешъ.

На що мене годувала,

На що доглядала?

Піки ліха я не знала,
Чомъ не заховала?

Не слухала старá мати,
Лягла спочивати,
А Мар'яна заплакала,
Ледві пішла съ хати.

»Злякалася«, дума мати:
»Нехай переплаче!»

А Мар'яна за слезами
И світу не бачить.

Пішла въ садокъ... серце мле,
Якъ згадає пана.

Серце моє, рибко моя!
Мар'яно, Мар'яно!

Постривайте... заспівала —
Пішла луна гаємъ, —

Не про Гріця, — про Петруся,
Такъ и виливала.

Заспіваеть, опинитця,
Послуха та знову, —

Ажъ голосокъ утомівся.
Петрової мови

Не чутъ, нема, не гукає,
Не кличе: »Мар'яно!

»Де ти, пташко? вилинь, серце,
»Серденько кохана!»

Нема Петра, не чутъ Петра...
Не вже жъ то покинувъ

Сиротю чорнобріву
При лихій годині?..

Побачимо... А тимъ часомъ
По-надъ темнимъ гаємъ,

Якъ русалка жде місяця,
Мар'яна блукає.

Не співає чорнобріва,
Тяжко, тяжко плаче...

Ой вернися, подивися,

Зрадливий козаче! хитрий козаче!
 Утомилася би Марьяна, —
 Утоми не чую,
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузі
 Ходячи ночую.
 На східъ сонця червоніє,
 Ховаютьця зори;
 Іде дівчина до хати,
 Несє своє горе.
 Пришла въ хату — спала мати;
 Глянула на неї:
 «Ой якъ бй ти, мамо, знала,
 «Якою змією
 «Окрутила моє серце,
 «Рідної дитини!»
 Та й упала на постѣлу,
 Якъ у домовину!..

Т. Шевченко.

Мы не теряемъ надежды добыть эту поэму въ подлинномъ, обработанномъ видѣ. Говорили намъ, что экземпляръ ея хранится у издателя альманаха *Синь*, г. Корсуна, которого убедительно просимъ сообщить намъ эту драгоценность.

Ред.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывокъ.

16 июля.

Послѣ заката солнца заштилѣло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ-оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ уныніи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданіи обѣда, принялся за свою ветчину подорожную. Копченный продуктъ мой съ каждымъ днемъ умалается. Еще нѣсколько дней ожиданія—и отъ него останутся ни-къ-чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, копченный продуктъ можно пополнить. А если придется прогуляться черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Урала? тогда чтѣ? Аппетитъ въ торбу, а зубы на полку, или, во избѣжаніе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растригою—попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальными грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Косъ-Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бороною, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говоритъ, «батюшка! Мы», говоритъ, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чѣмъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный зсауль облобызалъ мою руку, и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, кака я и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Рамѣ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ-Дарьи. Въ Рамѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаѣннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отвѣтись въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣ оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ-нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлся бы такъ легко съ этими изуверами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набить острогъ бѣглыми солдатами—ихъ минимыми пресвитерами, и, не смотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чиновные козаки... Непонятная закоснѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйдъ-весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К-въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. Но всѣ, даже самые умѣренные фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Последней догадки, или предположенія, капитанъ К-въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н-го, о невозможности такого чисто-историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе, — и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангишлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нечего. Но смѣтливый капитанъ К-въ нашолся, сказавши: «ну, чтожъ? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскулапъ рылся въ своемъ уметвенномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на пароходѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П-на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М-скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по-поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость, — какъ ему, такъ и мнѣ хорошо памятную. И. М-скій, своимъ живописнымъ слогомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его, — и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбнулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда-то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все-таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко-любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, заслышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ-оборота направо, и до пробитія зари обошелъ вокругъ укрѣпленія. Несвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожъ, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: въ продолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтилъ ихъ въ Лубнахъ, во время успенской ярмарки, — Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго — въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣплого лирика въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберницы помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что наградилъ я его большимъ огурцомъ и рѣдькой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждѣ: къ утру отошелъ къ зюйд-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизляру. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 июля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины, — какъ присылаютъ за мной Б-ва просить на чашку кофе: нашъ Филать чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздорованья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ-словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ усть такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро; кромѣ флотскихъ — командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ рассказчицы) молодого человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ-то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто — политическіе педанты, потому что говорили о вліяніи на дѣйствующую туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что помоложе, блондинъ съ длинными волосами а la-мужикъ, можетъ-быть и дѣйствительно только ученый, потому что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной полынь и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милые собесѣдники даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранивши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онѣ о нашемъ бонтонѣ, о славкахъ здѣшняго дамскаго общества?—

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумеется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онѣ изъ меня душу вытянутъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полсутки отойди онѣ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешественникахъ, и, благодаря коменданту, онѣ въ-половину пояснили это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главного двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ — чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку; а другой—учитель словесности при Астраханской гимназій, пользующійся свободнымъ каникулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому-что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романтическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. По новостъ, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онѣ сообщили, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началъ Триестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что онѣ—сей будущій великій администраторъ—ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, нѣкоемъ баронѣ

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ. Что будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое доверитъ порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 июля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходить вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значить я сдѣлалъ безъ присѣту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубитѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарскій лачугѣ нашелъ М. Лазаревскаго, Левицкаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У стѣны моими зъ вѣтромъ говорили.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — *Петруся*, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю, мамо, Петруся,

Поговору боюся, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Грицы, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнилъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, П. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою, а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П—ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскочила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, и снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертѣлся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полноцѣсномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Анжело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатрапъ* и *Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непременно исполню этотъ удачно — проэктированный планъ. Жаль, что я плохо владею русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непременно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на пропешествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрапу* и *Дервишу*? Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины — безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли, — ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были — тѣмными бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (название почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ — *тише поѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная неизвѣстность!

20 июля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ*; такъ пишется онъ въ Библіи. Онъ не оставилъ посебѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрить Норову) онъ почитается такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сряду глоталъ пыль, и валился въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свички*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и сальнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свички, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурочить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пирятинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напоивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ гениальнаго артиста *Соленика* въ роли Чупруна (*Москаль-чаривникъ*): онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отличались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли:

Не пылить дорога,

Не дрожать листы...

Подожди немного —

Отдохнешь и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли великій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромнѣ, купилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—ною, выѣхалъ изъ этого омута на *Роменскій шляхъ*... Вотъ и все, что я на досугѣ припомнилъ о Роменской армаркѣ по поводу Ильина дня.

20 июля, — день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, такъ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣтъ—олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелухнулся. Мертвая тишина...

21 июля.

Записавши Роменскія воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ-офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9-мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспиталя Б—ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 июля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Залѣскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіялковскимъ, пили чай и лимонку и на-выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 июля.

По-случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сиевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимонки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому—что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощью друзей моихъ Б-но и Г-на, я возстаю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляетъ меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отсрочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками-друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстъ отдалятъ отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастья, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н-и И-ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего челоуколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотрадномъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастье, вся моя свѣтлая будущность суть ваше негнѣимое добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ Н-и И-нѣ я не могу теперь писать: все, что бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искренняго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23-го іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіалковский, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ капитанмусъ, къ обыкновеннымъ щамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрѣпленіи), а Фіялковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ аппетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообедали, какъ дай Богъ всемъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіялковскій забавно подтрунивалъ надъ К-омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К-хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіялковскаго, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ нравится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумеется, сказалъ, что очень нравится. На что Фіялковскій страшно захохоталъ, и громогласно назвалъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П-цкаго за то, что онъ купилъ эту книгу, а К-а *донельтовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К-хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіялковскому прочитатъ вслухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіялковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазіи*. Что? спросилъ Фіялковскій наивно изумленнаго Кулиха. П-кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Насмѣшки Фіялковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К-ни. Этотъ безсовѣтный пьяница, ради рѣмки лимоновки, не постыдился подойти къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незваннаго гостя чайникъ и бутылку съ лимоновкой. Вѣжливость за вѣжливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а нѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за сальнымъ огаркомъ въ вонючей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетику Либельта: что бы онъ изъ нея сдѣлалъ? Навѣрное — напильотки. И это естественно. Для человѣка-матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетика, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теорій, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 июля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозой; около огорода въ запруженную балку налилосъ съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что мы и пробовали съ И—емъ А—чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой ложинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К—въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубаталіону о моемъ увольненіи, за что я нижайше благодарилъ господина коменданта.

НАРО́ДНЯ СЛА́ВА.

Нема́ въ мене́ ро́ду,
 Нема́е дружи́ни,
 Ані бра́та-това́риша
 На всій Укра́їні.
 Ду́ма сумови́та—
 То́ моя ро́дина;
 Сёрце оди́но́ке —
 Вірна́я дружи́на;
 Сте́пи, го́ри и доли́ни —
 Това́риство-побрати́ми.

Роспу́щу я свої́ ду́ми,
 Та й не позби́раю:
 Ростекли́ся, суму́ючи,
 По рідно́му кра́ю.
 Одъ Лима́ну до Есма́ні
 Жовті́е пше́ниця;
 Я, безри́дний, оди́но́кий,
 Всю́ди чу́жені́ця.
 Одъ Лима́ну до Есма́ні
 Моги́ли чорні́ють;
 Ой жнуть лю́де, ри́дъ изъ ро́домъ,
 И на́да́льше сіють...

Ой по тихъ моги́лахъ, у-го́ру висо́кихъ,
 По тихъ гробови́щахъ, у зе́млю глибо́кихъ,
 Лежи́ть мого́ ро́ду безъ лі́ку.
 По тихъ степа́хъ, по го́рахъ Дніпро́вихъ,
 По ба́лищахъ и луга́хъ Низо́вихъ
 Жи́вє є́го сла́ва одъ ві́ку до ві́ку.

Ой вста́нь, сла́во,
 Уста́нь ра́но,
 Вийди, сла́во,
 Изъ тума́ну...

Ти безрідному — родина,
 Одинькому — дружина,
 Товариство — на Вкраїні,
 Одрядонька — на чужині.

СОЛОНЦЯ.

Дума.

(1596).

I.

Іду племь чистимъ,
 Гляну окомъ бистримъ—
 Филіютя жовті ниви
 Житомъ колосистимъ.

Уродило жито,
 Та нікому жати: ¹
 Пішли наші хлібороби
 Списами орати,—

Списами орати,
 Трупомъ засівати... ²
 Ой які-то будемъ жнива
 Съ того сіву мати!

II.

Крикне товариство:

»Наливайгу, друже!

Не вневняйся, сізый брле,

На лейстровихъ дуже; ³

»Бо ті лейстровії

Віросли въ невблі:

Ой не вдержать протівъ вітру

Корогві у полі.»

III.

Буйний вітеръ віє,
Наганяє хмари:
Чи то Турки наступаютъ,
Чи хижі Татарі?
Ой не Турки, не Татарі,
Християнська сила,
Мовъ хмарами гримучими,
Таборъ обложила.

Стали недоляшки
Поручъ изъ Ляхами,
Обгорнули Наливайцівъ
Леєстровиками.

Україно рідна!
Чи се жъ твої діти
Кругомъ шанці покопали,
Щобъ на своїхъ бити? ⁴

»Ой хто изъ Жолковськимъ,
Тому панувати,
А хто стане зъ Наливайкомъ,
Тому погибати.«

Повабились наші
На мову лукаву,
Затоптали, закаляли
Козацькую славу.

IV.

Ой ви, Наливайці,
Молоді орлята!
Ой порá вамъ гостей вашихъ,
Порá привітати.

Блиснула гримниця
Изъ чорної хмари:

Повалились—покотились
Пішаки й рейтаре.

V.

Кригне панъ Жолтовський
На панське військо:
»Не стинайтесь, пані браття,
Зъ Наливайкомъ близько.

»Роскидайте, браття,
Шовкові намети,
Извивайте усю шляхту
На гучні бенкети.

»Будемо гуляти,
Пива, меді пити,
А козаківъ Наливайцівъ
Голодомъ морити.«

VI.

Бенкетує шляхта,
Играючи въ карти,
А козаки лейстровики
Додержують варті.

Поскидала шляхта
Панцери й шишаки,
Бо козаки лейстровики
Вірні, якъ собаки.

VII.

Кинувсь Наливайко
Одъ броду до броду;
Сюді трудно й туді трудно—
Нема переходу!

Кинувсь Наливайко
Одъ валу до валу:

»Ой оддайте, менé, брaття,
Ляхамъ на поталу!«

VIII.

Чогó, чогó славна
Солониця стала?
Що козакі Налива́йці
На їй воюва́ли.

Солоніи мляки⁵
Слізми просо́лили,
Що козакі Налива́йці
Воюва́ть не вміли.

Вони́ воюва́ли
Чоти́рі неді́лі,
Одъ безхлі́б'я, одъ безві́ддя
Ру́ки обомлі́ли.

Вони́ воюва́ли,
И кровъ розлива́ли,
Бунчу́к' и шабл́і підъ но́ги
Ворога́мъ покла́ли.

Вони́ воюва́ли,
Та й довоюва́лись,
Що Ляхамъ та недоляшка́мъ
Въ невóлю доста́лись.

IX.

Буйні ві́три, буйні,
Осі́палось жи́то:

Добра до́ля тимъ суди́лась,
Що зъ гарма́тъ побито́!

Нежа́тиі ниви
Въ-нівець оберну́лись:

Тяжкѣ лихо тимъ судилось,
Що зъ війни вернулись!

Сумно дощі, сумно
Зерно прибивають:
Ой безъ батьківъ маленькі
Дітки виростають.

Виростайте, дітки,
Въ щасливу годину,
Ой рятуйте—визволяйте
Ще разъ Україну!

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМЪ: «СОЛОНІЦЯ.»

1.—Стр. 26, ст. 6.

*Уродило жито,
Та нікому жати:*

Въ народной пѣснѣ о походѣ на лівню поется:

*Посіляли, поорали,
Та нікому жати:
Пішли наші козаченьки
Лівню копати.*

2.—Стр. 26, ст. 10.

*Пішли наші хлібороби
Списали орати.*

Польско-козацкія войны были не только борьбою религій съ религією, не только народа съ народомъ, но и стремленіемъ кореннаго народонаселенія старорусскихъ земель отстоять права вольности народной по отношенію къ польскимъ панамъ ⁽¹⁾. Поэтому-то, при всѣхъ мрачныхъ чертахъ своихъ съ одной и

(1) Въ самомъ началѣ войнъ козацкихъ, задача его сдѣлалась очевидна для пановъ, но только паны никакъ не сознавали себя виновными въ томъ, что такая задача явилась въ массѣ Украинскаго простопародія. Гетманъ Жолкевскій, преслѣдуя Наливайку, въ 1596 году, писалъ къ королю: Brzidko asz y spominacz do czego się to swowolenstwo bralo, iakie spominanie maiestatu W. Kro. Mczi, iakie zamisli o Cracowie stoliczi sławniej W. Kro. Mczi, rozbieziu, witraczeniu stanu szlacheckiego... (Zrządla do Dz. Pólsk., przez M. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego, I. 72).

другой стороны, эта борьба достойна вдохновенія поэтовъ и изученія мыслителей. Въ последнее время, нѣсколько польскихъ перьевъ, не весьма впрочемъ сильныхъ, вооружились за достоинство аристократическихъ представителей старой, давно поконченной борьбы. Не входя съ ними въ діалектическіе диспуты, приведемъ имъ свидѣтельство о господствующихъ классахъ въ Рѣчи-Посполитой ихъ же писателя, современника Наливайка и Хмельницкаго. Онъ много разъ путешествовалъ по Европѣ; современники прозвали его, за разнообразія его свѣдѣнія, Польскимъ Варрономъ, а извѣстный польскій писатель нашего времени, Юліанъ Бартошевичъ (*Hist. Literat. Polskiej*, str. 383) признаетъ за нимъ рыцарское правдоуміе: *Prawość miał rycerską*. Этотъ писатель, по имени Симонъ Старовольскій, въ знаменитой книгѣ своей: *Reformacya Obyczajów Polskich* (стр. 103—111), пишетъ: *Czworakie albowiem u nas zdzierstwo, a zgoła niepohamowane prawem żadnem, znajduje się Polacy moi. Pierwsze starostów i dzierżawców rozmaitych dóbr rzeczypośpolitej, którzy co wiedzieć jakich ciężarów, robocizn i podatków nie wkładają na ubogie poddane królewskie, (a drudzy i swoich własnych ledwie nie ze skóry odzierają) nic na komisye, nic na dekrety królewskie nie dbając. A gdy które go prawem przycisną i inkwizycyami, tedy ci panowie co przy dworze natenczas będą, jeden drugiego ratują, omawiają przed królem jako mogą, przyczyniają się za oskarżonym, chłopcy gromią, strofują, straszą i odpowiadają im, aby koniecznie sprawy odstąpili, i zamilczeli krzywd swoich nieznosnych. A gdy którzy z chłopów rozumniejszych, spodziewając się jakiej poprawy, stoją mocno przy prawie swojem i nie ustają z suplikami do dworu, — wnet ich pozabijają każą, albo potopić, a chudobę jeśli jaką mieli konfiskować, i między szczwacze swoje rozdać, zadawszy chłopu utopionemu, że buntownik był, że opryszek, że złodziejską z pogranicznymi przewodnią trzymał. I taci *quorum os maledictione et amaritudine plenum est*, urzędnikowie, ekonomowie i służkowie wierni, albo raczej zausznickowie panów swoich, którzy *linguis suis dolose agebant*, przywiodą wnet pany do tego, że będą *veloces pedes eorum ad effundendum sanguinem*. — — Другіе здzierstwo jest tak panów wielkich, jako i szlachty miernej zuchwałey, którzy podróże z gromadnemi orszakami czyniąc, nie płacą w gospodach co natrawią, na polu szkody ludziom ubogim czynią, a ich gwardye niekarne przez wsie albo miasteczka jadąc co jeno po drodze potkają — porwą; gęś, kurę, barana, ser, masło, kielbasy, chusty i wszelakie naczynia domowe, chłopu do komory wpadłszy. A panowie, skargę słysząc, albo się skryć każą temu co uszkodził, albo chłopą poszukają i obuszkować każą, że o lada co turbuje jego mości. A tym też sposobem i z rzemieślnikami, i z kupcami wszędzie poczynają, na bóg rzeczy nabrawszy, albo robić sobie co rozkazawszy, nigdy się nie iszczą nikomu, nie płacą, ale zawsze się z prace cudzej i najeść i napić i zбогачić chcą, kaduki upraszając po ludziach co możniejszych, tak zażywota ich co jeno mają wydzierają, jako i dziatkom ich ubogim, po śmierci onych. — — Trzecie здzierstwo czynią w Polsce wszystkie urzędy, przełożenstwa, i sądy tak wielkie jako i małe. — — Czwarte здzierstwo czyni w Polsce żołnierз, który Boga zapomniawszy i sprawiedliwości jego, jest ojczyźnie swej teraz harpią i tyranem nieubлагanym. — — Idzie żołnierз na wojnę, drze, łupi ludzie ubogie, i bracia swoje. Jest na wojnie в obozie, на czaty wysyła на wszystkie strony, jak в неприязнелиськой земли. Z wojny się wraca, drze, бierze, łupi по старему, jakoby to з hoдowanого paganina, i в одной wsi wyjada, з другой wóz skarbny picuje, з trzeciej do domu sweго posyła, а з dziesięcin pieniądze wybiera. I by to jeszcze jedna chorągiew*

brała, a dalej tak plądrując niepostępowała, tedyby jakokolwiek *sustinuissem utique*, ale jedna chorągiew wybraawszy co może wydrzeć ze wsi wynijdzie, a druga tegoż dnia zarazem następuje, trzecia nazajutrz. I tak niemasz tak podlej wioski, tak lichej miejscinki, coby w niej trzydzieści i czterdzieści chorągwi nie brało. Aż się ludzie z niej rozejdą, płacząc, przeklinając i o pomstę ze wszystkiego serca wołając. Этой-то жажды мести и удовлетворяли козаки, которыхъ отдѣльные интересы совпадали съ интересами простонародья вездѣ, гдѣ они ни появлялись. Чтобы дорисовать картину неистовствъ королевскаго и панскаго войска, которое, большею частью состояло изъ благородной шляхты, не говоря уже о ротмистрахъ, хорунжихъ, поручикахъ и прочая, которые были все безъ исключенія чистѣйшей, благороднѣйшей дворянской крови, скажемъ, что въ *Актахъ Западной Россіи* напечатаны документы, которыми одно и то же правительство увольняло одни города на нѣсколько лѣтъ отъ податей и пошлицъ за то, что они претерпѣли татарскій набѣгъ, а другіе—также на нѣсколько лѣтъ за то, что въ нихъ квартировало войско (См. т. 1-й, стр. 347 и 350.) Между рукописями С.Петербургской публичной библіотеки авторъ нашелъ наивныя жалобы отъ войска королю: что когда войско идетъ походомъ и приближается къ какому-нибудь городу или мѣстечку, то мѣшане, узнавъ объ этомъ, заблаговременно ломаютъ мосты на рѣкахъ, запираютъ ворота и защищаютъ отъ него переправы и проходы, какъ отъ неприятеля. (См. *Фоліантъ Польскаго отѣла* рукописей, № 94, стр. 244, 463—469 (годъ 1637) и 711—718 (годъ 1639).)

3.—Стр. 26, ст. 16.

Не впеңилъся, сизий орле,

На лейстрѣнхъ ду́же.

За бунты противъ воеводъ, старостъ и королевскихъ гетмановъ, изъ козакаго реестра выключались все безпокойныя головы. Эти козаки, выписанные изъ реестра, и потому называвшіеся *выписчиками* (*wypiszczyki*), отличались отвагою, какъ люди, которымъ нечего терять, и постоянно враждовали съ реестровыми козаками, которыхъ они ненавидѣли, которымъ завидовали и которыхъ старались поднимать противъ установленныхъ сеймомъ властей, чтобы общимъ возстаніемъ возвратитъ утраченные права и, вмѣсто управления дворянскаго (воеводско-старостинскаго), установить въ Украинѣ управление козацкое, основанное на общей для всего населенія подачѣ голосовъ. Такомъ былъ искони идеалъ общественнаго благоустройства у украинскаго простонародья (1), и ради этого-то идеала помогало оно козацкимъ ополченіямъ, и на козаковъ, часто поступавшихъ съ нимъ варварски, смотрѣло обыкновенно какъ на своихъ защитниковъ.

4.—Стр. 27, ст. 16.

Щобъ на своїхъ біти.

Въ народной пѣснѣ о разореніи Сѣчи поется:

Ой уклонились тому Турасові,

А що підъ нимъ добре жити,

(1) Dyaryusz Okolskiego, str. 81: O jak wiele tego *in bello servitii* znajduje się, którzy życzą, aby odrobina panów i szlachty nie zostawała, aby uszczerbek majestat królewski cierpiał, a chłopski regiment następował!

Ой тільки тее та и неприятно,

Що на своїх треба бити.

З.—Стр. 29, ст. 8.

Солонні м'яки

М'яками називаються мочары в низинах. Трава росте по нимъ только изрѣдка, потому что они пропитаны горькою солью.

33А ДУНАЮ.

Олександрі Михайловичі К.

Покину, покину

Чужю чужину,

Та на Україну

Собокомъ полину.

Ой хто жъ мене дома

Щиро привітає,

Любо в вічі гляне,

Про життя спитає?

Привітають мене

Вовки-сірмани,

Залиши дорігу

В зеленимъ байраці:

«Гді тобі жити

За тихимъ Дунаємъ:

Ми на тебе, друже,

Давно вже чигаємъ;

Гді тобі здобичъ

У насъ одбивати —

Зъ світломъ доглядати

Убогої хати.

Нехай темна нічка

Хату обгортає,

Наше серце хіже

По-вікъ звеселяє.

Привітають мене

Яструби зъ орлами,

Роспустівши крила
 По-надъ городами:
 «Ой ми тобі любо
 У вічі заглянемъ,
 Твої очі-зорі
 Изъ лоба доста́немъ.
 Годі прозира́ти
 У далекі віки,
 Голубіти въ серці
 Надії великі.
 Прѣдки твої въ шляхти
 Хаті відбивали, —
 Своімъ тіломъ въ полі
 Вовківъ годували, —
 Панянські роброни
 На унучи драли, —
 Лисиці зъ їхъ трупу
 Серце видали, —
 Очами-зорями
 Далеко сягали, —
 Яструбі зъ орлами
 Очі їмъ клювали:—
 Ой то твої доля,
 Ой то твоя воля;
 Втікай на чужину
 Изъ рідного поля!
 Тобі рідъ-родина —
 Чужая чужина,
 Наша люба здобичъ —
 Сла́вна Україна...»

П. Кулішъ.

РУСА́ЛКА.

Мицкевичова баллада.

Ой що жъ то за хліпець,
 Хорóший, вродли́вий?

Що то за дівчина крїй ёго?
 Ходять надъ водою
 Тихою ступою, —
 Світить молодїмъ срібнобгїй.

Годує дівчина
 Хлѣпця ягїдками,
 Що вь гаю зелєнімъ набрала,
 А вінъ їй голѣвку
 Квітчає квітками...
 Певне жь то кохана пара!

Скоро день погасне,
 Зїйде місяць ясный —
 Вже вони виходять изъ гаю:
 Хлѣпець той — мисливий,
 Стрілець уродливий;
 Хто така дівчина — не знаю.

Звідкіля приходить —
 Не питаї даремне;
 Якъ вона зникає — Богъ знає.
 Мовъ зоря засвітить
 Попідъ гаємъ темнимъ;
 Мовъ іскра вь темноті, згасає.

» Скажи мені правду,
 Серденько дівчино,
 (На що ти зъ ума мене зводишъ?
 Де твої хатина?
 Хто твої родина?
 Зъ якого села сюди ходишъ?)

» Літечко минає,
 Лїстя опадає,
 Холодні зближаютьца нѣчи;
 Не вь гаю, а вь хаті
 Мушу цілувати
 Твоє личко, твої карі очі.

»Коли жь ти безвідня,
 Серденько дівчино, —
 Ходімь до моєї господи;
 Житимемь съ тобою,
 Якъ риба зъ водою;
 Всі матимешь въ мене вигоди.

»Що въ мене достатокъ
 И худоби статокъ,
 Що въ мене и вівці й бжолята;
 Що въ мене світлиця —
 Цареві годитця;
 Моя мати твоя буде мати.»

— »Ой козаче-тумо,
 Горда-лишна думо!
 Не йме тобі моє серце віри.
 Мати говорила,
 Що въ васъ така віра,
 Якъ на сінімъ морі піна.

»Мати говорила,
 Що въ васъ стільки ласки,
 Якъ на тихимъ ставі ряски;
 Солов'ємь співаєшь,
 А серцемь буяєшь, —
 На иншюю мене проміняєшь.»

— »Серденько дівчино!
 Отъ же на колінахъ
 Клянусь тобі місяцемь, зор'ями,
 Присягаю небомъ,
 Землею и пекломъ,
 Що не буде иншої міжъ нами!»

— »Ой місяцю-князю!
 Озвалась дівчина,
 »Я тебе за свідка призиваю.

Якъ слово зламає,
Нехай покарає
Їго твоя сила святая!

Скоро зговорила —
Мовъ віросли крила,
Голубкою поміжъ віття ліне.
Назадъ обернулась,
Лукаво всмихнулась, —
Мовъ та іскра, у темряві гине.

Шкода здоганяти,
Шукати, гукати!
Пішла луна по гаєві сѹмно.
Ніхто не озвався,
Ані засміявся.
Зостаєсь козаць самъ собі дѹмно.

Думає-гадає,
Додому вертає,
Сумѹючи, понадъ сонною водою.
Тіхо, тіхо въ місі,
Хибá тільки трісне
Сухá вітка въ ёго підъ ногою.

По сонній водіці
Проміння блищитця:
Срібнорóгий въ воду зазирає.
Ажъ ось изза гаю
Вітрець подихає, —
Ясна філя по озеру грає.

Чи то жъ забіліла
На озері піна,
Чи то дівне проявилось діво:
Що посередъ піни,
Мовъ би на картині,
З'явилось дівчá уродливе?

Молодєнна, гожа,
 Якъ повнаа рѣжа,
 Покрѣплена раннєю росою,
 То співомъ озвѣтця,
 То сміхомъ залетця,
 Берє очі, вабіть сєрденько красю.

»Бозачє мисливий,
 Хлѣпче уродливий!«
 Озвалася изъ срібної піни:
 »Чого вь ночі блудишь
 И сєрденькомъ нудишь
 По зрадливій, лукавій дівчині?

»Годі сумувати,
 Важенько здихати!
 Ході, сєрце, до мене гуляти.
 Бѣдемъ танцювати,
 Якъ рибонька грати,
 Якъ ластівка, по воді черкати.

»Абб підъ водою
 Ляжемо зо мною
 На мякѣму, лилійному лѣжі.
 Тіхими речами
 Ї карими очами
 Роскажу я тобі про всі дива Бѣжі.«

Зъ воді виринає —
 Якъ сріблѣ сийє...
 Мутить єму дѣшу наготѣ дівоча.
 А вона смієтця,
 Якъ рибонька вьѣтця,
 Якъ голубка, до єго буркоче.

Ой манить словѣми
 Ї чѣрними бровѣми,
 Весєлкою по воді кружляє.

То зновъ поринає,
Лебідкою грає,
Въ срібні брызьки воду розбиває.

Забилосьь серденько:
Підбігъ вінъ близенько,
Хоче свогіть въ воду и не хоче.
А срібная ойля
Ноги йому зміла...
Джуркотить — и підмива — и лоскоче.

Вабить його, тягне;
Серце въ грудяхъ тоне,
Мовъ його до лоня мила пригортає.
И божбу святую,
И тоску німую —
Усе, про все козакъ забуває.

Ринетця у воду;
Пішную урбду
Окомъ, серцемъ и душею обіймає.
Пливе, допливає,
Руки простягає,
И до серця любо дівча пригортає.

Ой гляне-спогляне
На личко рум'яне —
Що за диво, що за нове чудо!
Се жъ його кохана,
Забута пара!
Зникла разомъ зъ очей йому, луда.

»А ти жъ присягався
И місяцемъ клявся!..
Буде жъ тобі кара по заслугі:
Поки місяць світить,
Будешъ ти ходити
Надъ водою у великій тузі.«

Скоро зговоріла —
 Зашуміла філя.
 Підъ водою оббе сховались,
 Де вони гуляли,
 Любо розмовляли,
 Ні жадного сліду не зосталось.
 Тільки, якъ день згасне,
 Зійде місяць ясний
 І загляне въ таємнічі води —
 Изъ озера ріне
 Вродлива дівчина,
 Зустрічъ — хлопець хоробої вроди.
 Вона надъ водою
 Сияє красою,
 А вінъ тужить у темному гаю.
 Хлопець той — мисливий,
 Стрілець уродливий;
 Хто така дівчина — не знаю.

Ломусь.

МАТУСИНЕ БЛАГОСЛОВЕННЯ.

(З оповідань Олексія Петровича Стороженка).

Отцєвська-матчина молитва зо дня моря виймає,
Одь гріхвѣ дѹшу визволяє,
На поді й на морі на поміч помагає.

Народня дума.

Мині частенько доводилось, клопотавшись ремонтомъ, кидатись туди--сюди по Україні до кінських табунівъ.

По дорозі изъ Ромніа до Прилѹки, все, було, становлюся на пічъ у селі К** на вїздімъ-дворі знакомаго мені козака, Тараса Самсоновича Коротая, діда розумного, письменного и добре собі заможного. Повиводивши дітей у лѹде, вінъ поділивъ худобу свою, достатокъ добрий, оставивъ собі тільки самій двіръ уїздний и тихо доживавъ віку зъ своєю дружиною, доброю та клопітною бабѹсею.

Тарасъ Самсоновичъ доживавъ сѹмого десятку лїтѣ, а ще бравий бувъ, кремезний дїдокъ, съ поглядомъ бїстримъ, а волосся ємѹ, біле якъ цвітъ на садахъ, трѹхи до плечей не спадало. На видѹ здавався черезъ те ще свїжїйший. Марьяна Онѹпрїевна, дружина єго, весела, привїтна, грубенька зъ стану бабѹся, ходїла по-мїськїй, такъ, у каптанкѹ, и завязувалась чорною габовою хусткою низько на лобі. Старі жили собі вѣ любїй згоді по старосвїтському звичаю; у розмовахъ съ собою звали однѹ одного по йменю и батькові, та усє на «ви», а не инако.

Старіший синъ вїслужився на губѣрського секретаря, молодший вѣ Роменські кѹпці написався, а дочка, то на панстві вже жила, за дворяниномъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ похвалки вінъ,

чи такъ якось на жартъ, а все було старшого дразнить *Его Благородіє*, меншого—*Господя Купецъ*, а дочку прозвавъ *Нимкеню*—черезъ те, мабуть, що вона у сукняхъ ходила, въ моднихъ уборахъ.

Старий бувъ дуже гострий на языкъ,—важний зъ него бувъ гадуга, охоту мавъ пореготать, а інколи й підсміяти когось, та все примовками смішними, и що бовкне на гумъ, ти берй собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго найдеться приказка. Бувъ у всіхъ на повазі и на ймовірности. Селяне въ сваркахъ и розпрávaхъ не йшли до судівъ и до зёмського начальства, а все до ёго удавалися, и ёго вирікъ приймався безъ озву и апеляції. Нащо вже панити судові, и ті ёго опасувалися: не одного опентавъ вінъ передъ громадою и на чисту воду вивівъ. Більшъ двадцятка годъ служивъ за Голову; гараздъ умівъ законівъ и доброго ладу доводивъ справамъ.

Господя Тараса Самсоновича ділилася скрізними сінцями на дві половини—одна оддавалася для проїзжачихъ підъ номері; у другій живъ самъ.

У мене душа раділа на порбі цего не бучного, але до-велика чепурного, захисного житла. Гарно побіляні стіни викрашалися образками заграничної літографії. Вишарований, вигеблєваний помість лощивъ якъ новий; замість лавокъ роставлено стільці и канапъ підъ баєвими клітчастими чохлами. Въ кутку, підъ божничкою, на столі, окрімъ книжокъ церковнихъ, лежали ще *Письмовникъ Курганова*, *Проповѣди Леванды*, *Лѣствица на небо* и другі тогось розбору книжки, а съ підъ щотівъ дивилася здорова купа губерськихъ відомостей; а божничка-жъ то увічана васильками, кануперомъ, аглицькою мьятою,—такъ и розливалися зъ їхъ пахоці по покбахъ.

Одъ уїздного двору одлягала широка левада зъ ставкомъ, садкомъ, горбодомъ, баштаномъ, а въ-конецъ левади стоявъ хольварокъ, зъ хазйствомъ Марьяни Онупрієвни: пасіка, обора и птишня для дробини, зъ кучками, чи то койцями.

Разъ, на сході Сербня, зъ-ранку, коло одинадцяті години, бричка моя стала підъ цимъ же вїзнимъ дворцемъ. Тарасъ Самсоновичъ сидівъ на лавочці біля дверей и дже зрадивъ, мене побачивши.

— »Занято, неприймаю!« гукнувъ. Шукайте гіншого під'їзду! На що це похóжо?—приїхали не почувати, а тільки попáсувати.»

— »Пильне діло, Тарась Самсоновичъ« казавъ я, вилізаючи зъ брічки; »нужда забороняє переміння.«

— »Ну, Богъ зъ вами! на сей разъ вибачаю; а вдрúге, дáлебі, не пущу!«

Я обінявъ старóго и по-друзькій зъ нимъ чмокнулись.

— »Якъ же тебе Богъ мiлує?« питаю.

— »Дякувати Бóгу—дóбре. — Навідали насъ недáвнечко наші. Господá Купецъ привóзивъ жінку молодóу показувати; а підъ той часъ и Ёгó Благорóдіє зъ сім'єю, и Німкеня зъ чоловікомъ нагодились; спасибі їмъ, зъ тиждень прогостювали. Отъ було вéсело! За тежъ, віри не дастé, якá теперъ нóда! Після ярмарку и тóргу нема! Самъ собі свiджу, якъ бачите.

— »А Марьяна Онупрієвна?«

— »Зовсімъ здуріла. Узяла до себе на розвагу онука. Бачте, не мала баба клопоту, та купила поросі—и вóзитця зъ нимъ, якъ кiтъ зъ оселédцемъ. Бавитця, граєтця въ-кóні. Сказано—старé, якъ малé. А вінъ, собáчий синъ, пудить стару безъ мiлости, що їй вже й такъ запáль и шпатъ вкинулись! Онъ-о́нь—подивітця: ну, не здуріла жъ на старість?

Тарась Самсоновичъ показавъ на Марьяну Онупрієвну, що сáме вискочила зъ-за прицилку. Хочъ якá була вморхана, хочъ якъ задіхалась, а голова набiгъ, та звивáєтця якъ тáя орчикóва, стрибає та брикає; а жвáвий хлопчикъ при здорóв'ю, шостачóкъ на годá, тягнувъ її за по́лскі, припи́лені до капóта.

— »Бóже мiлостивий,« казавъ дáле Тарась Самсоновичъ, хитаючи головою: »якé нависне сéрце—у тихъ бабóкъ! Та гóді мордуватиця,« грiмнувъ дiдъ: подивітця лишéнь, якóго гóстя Богъ намъ пославъ!»

Стара припинилась. На-сiлу духъ звóдила—такъ збiгалась. Угледiвши менé, затули́ла видъ рука́ми, и мiттю кинулась у-двeрi. На порóзi посіяла черевiка, ажъ плóхнувся на рунду́ці.

— »Дiду!« сказало хлопця, показуючи черевiка: »коби́ла розну́валась!«

Зареготались ми.

— «Отъ до чого доїздивсь, собачий сїну!» говоривъ старій, жалючи онука, славноенького хлопчину. «Озьми жъ підкову, да бабу підкуй.»

— «Німєєинь?» спитавъ я, глїючи хлопчика.

— «Ні, се Еґо Благородїя; тажъ и воно, якъ бачите, благородїє собі, хочъ такє, якъ за денежку пістолєть; та все не нашъ братъ, мужикъ. Прєсимо мїлости до хати.» —

Переходивши сїни, ми чули дзвінкий голосъ Марьяни Онупрієвни, якъ вона опоряждала въ пекарні, загадуючи наймичкамъ: — «Рїжъ каплуна, запарюй тїсто, бїжи по раки, унеси масла зъ знімокъ.»

Тарасъ Самсоновичъ приймавъ мене за гостя и нїколи не хотївъ плати за обїдъ та попаси коней, а щобъ не бути виннимъ єму, я що-разу привозивъ гостинчика: книжечку, образочокъ, або цигарки: на се вінъ бувъ здорово ласий и звавъ їхъ головешками. Той разъ я привізъ розмалєвану літографовану картинку: штурму Варшави, та скринечку ліхенькихъ цигарокъ. Старій любовавъ картинку, да чогось усє стогнавъ и кїлився, згадуючи, що я не зостануся въ єго почувати. —

— «Не любі мені ваши подарунки й трόхи» говоривъ мені зъ жалємъ: «годъ не бачились, а заїхали на часокъ; а менїбъ треба багачько зъ вами побалакать, та де-що й розказати—теперъ нічого не почувєте!»

Покїжъ що, старій не вгававъ, и часъ нечутно блїзився до обїду. Хазайка увїйшла до насъ зъ розжєврілимъ відъ огню личчемъ и завітїла насъ до садку, де вони літнєго заспїль часу обїдали.

Обїдъ бувъ споряжений підъ гіллястимъ дубомъ, такимъ, що може єго тромъ не обнять. Навкруги дуба грядочка квасолї та бобу, котрихъ паростя, посплітавшись на тичкахъ, роскїшно повились буйно-ярою зєленню мало-що не до верховїни, и тимъ ще більший робїло холодкъ коло дуба. День бувъ душний, соняшне проміння наче спікало усю зємлю, а підъ дубомъ було свіжо, просторо и відрадостно. Меже двома дерновими лавами стоявъ накрїтий стїлъ, заставляний мисками, горшками, макїтрами.

— «Оце наше гульбище», промовивъ старій.

— «Тутъ літомъ сидїмó увєсь день, а въ хату тїльки спать їдемó.»

Старий прочитавъ гóлосно Отче нашъ, тай узялись ми до смачного обіду.

На закуску натрусили гливъ, дуль, грушóкъ бергамо́ть, сливо́къ зъ дере́вья, якé бу́ло по близу́, наносили зъ башта́ну динь та кавуни́въ.

— «А вамъ, бачу́,» сказа́въ смію́чись хазя́їнъ, «нашъ дубъ спо́добавсь... по всій око́лиці тако́го не знайти.»

— «Чудовий! що́ ви ёму́ лічите ро́ківъ?»

— «Двісті годь кла́сти; ми ёго зве́мъ *Матусине Благосло́віння*; та па́д'яємось коло ёго, коли́бъ ви зна́ли, мовъ коло ма́лої дити́ни.»

— «Черезъ що́ ви ёго зве́те—Матусине Благосло́віння?»

— «Зіста́ньтесь ночува́ть, то роска́жу; а по ва́шому сказа́вши, істо́рія ёго дуже га́рна, и не ка́зка або вига́дка, а щіра пра́вда.»

— «Дру́гимъ ра́зомъ почую́.»

— «Ко́лі не забу́ду. Я збіра́вся роска́зати про ёго Гого́лиши́ному пани́чеві Микола́йнові, та оце й до́сі роска́зую.»

— «А ви й то́го зна́ли?»

— «А то́жъ! зъ са́мого ма́лку, якъ ще ё́го вози́ли до пі́женьскихъ шкі́ль. Все бува́ло вь ме́не стано́влятьця. Розу́мний бувъ хло́пець. Ві́пъ тепе́рь про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, до́бре пи́ше.

Ме́ні про́бу за́кортіло почу́ти про то́го, дуба́; хочъ и пи́льна ну́жда була і́хати, та ду́маю собі—зверну́ти, на ну́жду.

— Що́ жъ, ка́жу, Тарасе Самсо́новичу? Ну́жда и за́ко́нъ зми́няє. Зоста́нусь — роска́зуйте.

Ма́р'я́на Ону́прієвна пі́шла по господа́рстві, а найми́чка дога́длива унесла́ намъ поду́шки; ми прости́глися на дерно́вій ла́ві.

Тихе́сенкйй ві́трець, проліта́ючи крі́зь лис́тя, пові́нувъ на насъ па́хощами резиди́, гвозди́ківъ, та й ми, по до́бримъ обі́ді, не чу́лися, якъ посну́ли, и про дуба́ байдуже́. А про́кінувшись, за́разъ не про що́, якъ про Матуси́не Благосло́влення за́вели рі́чъ. Старо́му, бачу́, то жъ корті́ло. Старови́на—до́вге житт́я—ті́і спо́минки. Ко́му не лю́бо до́вго на сві́ті жити?

«Я бу́ду вамъ такъ роска́зувати, якъ чу́въ одъ сво́го ді́да,» поча́въ старий, за́куривши *голове́шечку*; «а ді́дъ чу́въ одъ пра́ді́да, а мого пра́шура. Ді́ялося це́е то́ді, якъ Богданъ Хме́льницький ря́товавъ ба́ть-

ківцяну. Піднялась різномъ усі Вираїна, — хто здужавъ Ляха зъ лука, зъ оружія підцокнути, або кіємъ оперезати.

Не диво, що въ такій гурбі люду да въ такій справі святій проявилось стільки полковниківъ, старшинъ, лицарства и такі діялися діла, що не чувано першъ ніколи та вже ніколи, мабуть, и не почуємъ. По Корсунській потребі, якъ збурені Ляхи розбіглися по своїхъ замочкахъ, гетманъ щобъ не дати їмъ схаменуться, пославъ на їхъ нечисленну лічу охочого козацтва, що било и грабовало наумір шляхту и негондлівъ. Підъ той часъ межъ козаками и межъ самимъ прбстимъ народомъ, обралися такі ватажки, що постягавши охочого товариша, ажъ на Волинь и на Поділь ходили господарити. Тоді-то виявивсь коло Лубенъ славний по всій Україні лицаръ, якого за лютість та силу прозвали Вовгуремъ — тобъ то вовкъ. Такий бувъ дуженний, що коли розказовати теперечки, якъ вже вовкъ... звелось на агнять, то повернуть, гляді, ще въ казку: а тимъ часомъ, якъ віри не поняти? Той Вовгуръ здержувавъ у млинні шістерню, перекидавъ черезъ Сулу двохъ-пудову гіру и десять разъ обнісивъ коло своєї хати два камені млиновихъ, у десять пудъ камень.

Охотника приймавъ до гурту не иніако, якъ съ прбби. Хто навкругъ хати трічи обнесє каменя, той їмъ товаришъ, а хто шість, той братъ. У тому-то товаристві, въ тихъ Вовгурівцяхъ бувъ, и мій пращуръ, Самсонъ Коротай, — правий Самсонъ. Великий, широкоплечий и страшенно дужий, дарма що молодий козакъ ще тоді бувъ. Вінъ обнісъ кругъ хати каменя шість разъ, зарвався бувъ и сямий разъ нести, да Вовгуръ вже не давъ, зъ опаски, щобъ хлбпець не ввередився.

Набравши такихъ собі сотнягу лицарівъ, Вовгуръ погнався зъ своїмъ загномъ на Волинь. Їмъ страхъ якъ манулось захопіть у свої руки князька Ярему, що здорово держався противъ козацтва, да зъ тимъ не такъ-то було швидко справитись. Ярема бувъ самъ лицаръ, и вісько мавъ добірне. Скрізь, де вінъ перейшовъ, зъ жовнірами своїми, усє огнемъ та мічемъ поплюндрувавъ, не жаловавши ні старої голови, ні малятка.

Разъ, після січи зъ княземъ, загбнъ Вовгурівий становивсь на ночліги підъ пущою, а мого пращура послато на ча́ти, доглядати чи не було де Ляхівъ у захисті. Вже надвечіръ, зїжджає вінъ до криниці, и бачить — набира воду висбка ставна дівчина, и така вже

гарна—прегарна,—хочь воду зъ лиця пий; тільки чогось бліда, якъ той мрець, и очі заплакані.

— »Що ти тутъ робишъ, небого?« спитавъ мій пращуръ.

— »Воду,« каже »беру для матусі«.

— »Дежъ твої матуся?«

— »Тутечки, у лісі; слабує, помірає. Жовніри спалили наше село, убили могъ панотця, брата, матусі ратищемъ бікъ проконали и намъ би була смерть неминуча, да ми поховалися въ пущі и ось четвертий день ризи въ роти не було.

Пращуръ мій, хочъ и Вовгурянець, а бувъ чоловікъ чулий и богобоящий: доставъ изъ торби шматокъ хліба, подавъ дівчині и каже: »веди мене до своєї матусі: може я чимъ-небудь їй у пригоді стану.«

Такъ, зъ півть-верстви перейшовши, застановилися біля дуба. Підъ тимъ дубомъ лежала, — доходила бабуся — Боже мій — покривавлена, зъ попеченими ногами... ліхо таке, Боженьку! Вгледівши пращура, ниніше одживіла, очі їй засяли радісно.

— »Козаче!« мовить глухимъ голосомъ, а ще виразно: »не по своїй волі ти сюди нагодився: самъ Богъ тебе занісъ до насъ порятувати сиротину оцю безпорядну: (скинула окомъ на дочку). Ми козаче, не прѣстого рѣду, и були здавна богаті, да ті ксєндзіі видерли въ насъ добро наше все; одного найдорѣжшого скѣрбу не забрали—віри нашої святої благочестівої. Гіршої випила я за свій вігъ: ще тїжня не вийшло, якъ усьо до дна спила. Передъ моїми вічми вбито могъ чоловіка, замучено сїна могъ... (Страдальна душа до землі припала, на землі заридала). Дожидала я смерти, и за одно Бѣга прохала,—вінь Милосердний почувъ мою молитовъ: ти не покинешъ сиротини, міцна правіца Бѣжа підсилить тебе, оддѣкує.

— »Паніматко!« сказавъ мій пращуръ: »я буду твоїй дочці за рідного брата.

— »Будь їй дружиною: тоді будешъ за бѣтка, матірѣ и за брата.«

— »Нехай же воля Бѣжа бѣде надъ нами!« сказавъ, пращуръ, и вклонились зъ Марусею (такъ звалася дівчина) до нігъ матусі.

Лапала напѣрсного хрестѣ на грудяхъ, щобъ нимъ благословити, а єго вже немає: десь на втікахъ загубила.

— »Чимъ-же«, стала тужити »благословлю я васъ, дітки? що на-незабуди zostавлю!« А делі схопила жолудька, та й прорекла: »Не-

хай же надь ва́ми, діточки мої, благословіння Бо́же спочиває. Возміть отцёго жолудька, посадить у зе́млю, виросте зь его дубь високий, и до́ти, до́кіль вінъ сто́ятиме на землі, до́ки коріння ёго не стру́хне підь землею, и ви и рідь вашъ увсе́ь бу́дете щасливі, че́сні, довгові́чні».

Стара зговори́ла се сло́во та́кимъ тве́рдимъ ду́хомъ, на́че самъ Богъ промовля́въ її уста́ми. И схиливши́сь на ру́ки до Ма́русі, віддала́ Богу ду́хъ. Ма́руся зли́ла сві́ми слі́зми ті́ло ма́тусине, а пра́щуръ ви́копавъ я́му і́й ша́блею. Помо́лилися надь за́мученою, похова́ли, поса́ли на моги́льці жолудьківъ. А вь тій пу́щі крі́вся невели́чкий хуторе́ць, мо́єму пра́щурові́ свідо́мий. Вінъ за́вівъ туди́ Ма́русю, приручи́въ її я́кийсь ба́бі, и по́хавъ.

Що́сь днівъ пі́сля того не вь-скі́лько́хъ, пра́щуръ мій поверта́вся зь по́помъ у́же, спра́вить надь ма́ті́рю по́хоро́нъ хри́стіянський. Ма́руся кину́лась на зу́стрі́чку до ёго зь щі́рою вели́кою ра́дістю. Якъ по́гли́нула на ёго свої́ми я́сними очі́ма, та прости́гну́ла бі́лі руче́нята, то вь мого пра́щура на́че ду́ша заго́рілась и впе́рве то́ді засту́кало ёго се́рце ві́рнимъ коха́ннямъ.

Пі́шли на ма́тусину моги́лу, запечата́ли не́бжичи́цю. Ма́руся зня́ла зь се́бе дука́чикъ зь Бо́жою Ма́ті́рью и поче́пила на мого пра́щура. «Се,» ка́же, то́бі засту́пниця; нехай Пре́чиста оборо́нить те́бе відь у́сякої на́па́сти!

Про́щавши́сь зь Ма́русею на до́вгі ча́си, пре́дко мій подарува́въ їй ту́гий че́ресъ зь черві́нцями, надра́тими одь Ляхі́въ. Война́ ще то́чїлася зь чо́тири ро́ки и на все́й то́й часъ Госпо́дь ви́димо бо́ронївъ мого пра́щура. Одно́го ра́зу Во́вгу́ръ посла́въ на ро́звідъ чо́лови́ка де́сять изь сво́го за́гону; мій пра́щуръ бу́въ вь тихъ де́сятёхъ. Одлу́завши ве́ретовъ зь два́дцятко́хъ и не на́сочивши ні́гдє ля́шківъ, во́ні нега́дки — стано́вилися на но́члігахъ вь лі́сі, та ще, зна́єте, по до́брій ча́рці проти́ сну́ ви́котили, та й посну́ли бе́ць-ко́мъ. Опі́вночи якъ на́че хто обуди́въ поти́хєньку мого пра́щура. Вінъ—зирк! ба́чить, що́ пе́редъ нимъ висо́ка жі́нка, у́ся вь бі́лому, якъ ма́ра сто́їла. Зь о́страху вінъ на́міривъ крича́ти, такъ вона́ по́ману́ла ё́му руко́ю, що́бъ за не́ю йшовъ; му́сивъ послухати́сь, пі́шовъ. Завела́ ёго зь пі́вть-верстви́, а поза́ду їхъ, сту́гомъ за́стуго́пила кі́ньська тупа́, вда́рила пальба́, га́лась підня́вся. Тутъ жі́нка зні́кла, не скажи́—у зе́млю ввійшла́. Сторопі́лий, здере́вняні́в пре́дко мій и не зна́въ що́ ё́му й почи́на́ть. Ажъ чу́є, що́сь у ку́-

п'яхъ затупало, затріщало, передъ нимъ ставъ якъ укóпаний Гнідкó, егó кінъ и вірний товаришъ. Тоді вже прѣдко догадавъсь, хто се его порятовавъ. Недóвго думавши, скóчивъ на Гнідкá та гукнувши на рóзні голосі, помість то вінъ не самъ, порвавсь виручати своїхъ. Жовніри подумали, що то підмóга козака́мъ, та й кинулись у—рóстичь. Таки́мъ побитомъ пращуръ мій вирвавъ одъ неминучо́ї погібелі п'ятéхъ товаришівъ своїхъ, а четвірко наложіли та́кі головáми.

Чотирохлітня розлúкá не прохолоділа въ мо́єму пращурові кохáння, и якъ все утихомирилось, вінъ, ча́су не гáявши, поїхавъ до сво́єї Марусі. Доїзди́ть до тогó хуторця, де вінъ її покинувъ, аж и сліду ёго не ба́чить: все ви́горіло до пня и розпитáтьця ні въ кого. Зажури́вся мій пращуръ и поїхавъ на моги́лу до мату́си. Тільки вона ё́му й зоста́лася. На моги́лі стоявъ висóкий хрестъ и жолудькі ряєні́мъ ку́щемъ розросли́ся, а навкóругъ знáти слі́дъ за́сохлихъ грядо́къ, де—не—где на їхъ ще квіточкі поростáли. Вídно було, що те мíсце зоста́влено и вже зъ дві лі́ти стои́ть безъ до́гляду. Помо́лившись, уда́ривсь питáти Мару́сі. Куди́ при́де, скрі́зь погорі́джа: не було селá, хочъ ху́тора, ці́лого відъ огні́ю. Попо́їздивши кíлька днівъ, наді́бавъ вінъ я́когось сóтника и одъ то́го на́знавъ, що всі жителы́ тогобóчні висели́лись за Дніпро́. Тамъ було́ тоді́ простóро и безпечні́ше. Мій пращуръ ці́лий рікъ ви́їздивъ по новосі́якахъ, уступáвъ до кожні́сенко́ї хáти, скрі́зь роспи́тувався.

— Одногó рáзу заї́зди́ть вінъ до ху́тора новосі́лянцівъ; ба́чить на оди́бі стои́ть та́ка сла́вна хáтка, а кругъ не́ї одóране підъ лева́ду простóре мíсце. Вийшо́въ у сiни,—ні́кого нема́; вінъ черезъ дру́гі двéрі вийшо́въ на горóдъ,—тамъ дíвчина якáсь по́ле грядки́.

— »А чи́й се хáта?» спита́вся вінъ.

— »Хазáйчина,« одмови́ла дíвчина.

— »Де́ж тво́й хазáйка?»

— »Пíшла до Кі́ева на про́шу.«

Отъ вінъ ужé йти дúма, ажъ углédивъ на стороні́ молодéнькій дубо́къ, загорóжений лозбóю; а навкóруги ёго росплóджений горóдчикъ. Могó пращу́ра наче щó торкну́ло.

— »А чо́го се«, ка́же вінъ, »дубо́къ сей въ та́кій у васъ ша́нобі́?»

— «Не скажу», вона йому: »щобо хазяйка його зве Матусине Благословення.»

Тоді він догадався и почавъ роспитувать, яна зъ лица хазяйка, — дівчина чи молодиця?

— «Дівчина» розказує наймичка: »и гарна така що на всю околицю другої нема такої; багачко, славлють, до неї людей слалося, и не прости, а осаули да сотники, та вона и дивитись на їх не хотіла: все когось чекає.»

Почувъ се прашуръ мій, та й зомлівъ одъ радости.

— «Ну», промовивъ, »приймай же мене за хазяїна: я той самий, що вона жде.»

Вступивъ до хати: чистенько, біленько, ажъ духъ радіє. Дівитця: въ кімнатці поміщена постіль на двохъ, на жердці вісять козацька одежа, сорочки тонкого полотна зъ вишиваними комірами; на припечку чоботи червоні, на кілку шапка, а на вікні люлька, не сказавъ би — тутъ живъ козакъ, а не дівчина. Прієдмо мій понуривъ голову: для когось це вона зладінала зодіжъ? се, певно, суджений у неї!.. Такъ-то ти вволила останню волю матусину! такъ оце пам'ятаєшъ обітню влятьбу на непростіглому ще тілі матернєму! Дакъ не буватижъ сему! не мої, такъ и нічії! Вірву зъ коренемъ Матусине Благословення, що його ти неварта; роскіну хату и задавлю тебе підъ нею якъ люту гадину!..

Зірвався зъ серцемъ до того дуба и руку вже простягъ, щобъ його викорчить, та миттю запинився. П'ять роківъ, погадавъ, ми були въ розл'уці, може вона лчила мене за погібшого, а якъ побачить, що живий, то жениха свого одцураєтця. А про те, коли вона его л'учче любить, то Богъ зъ нею; я стану їй за брата.» Потімъ того встромивъ своє ратище біля дуба, да й каже на наймичку:

— «Якъ твоя господи́ня вернетця та побачить се ратище, то сама пізнає, хто его поставивъ. Скажи тільки їй: коли вона мене ще не забула и любить, то нехай прив'яже до ратища червону корогівку; колижъ ні, то нехай ченля білу.»

Самъ поїхавъ на п'шу и звідти визиравъ на леваду. Сидить день, сидить другий день, ни їсть ни п'є, ни спить; на третій знемігся — заснувъ. И приснітця ему матуся, буцімъ попровідила его зъ-підъ високого дуба по зеленій оболоні до церкви. Ледві ступивъ на порігъ церковний, назустрічъ ему Маруся, убрана, якъ до він-

ця, обійняла е́го, поцілю́вала. Прогинувсь вінъ, дивитця—червона корого́вка грає зь вітромъ: се́рце вь ёго заколотилось, трёхи не вискочить; сівъ на коня, та й дмухну́въ до Мару́сі. Стріла ёго на цорозі зь хлібомъ, зь сі́лю, ськлонілася до землі, заговори́ла: «Орле мій, сь—підъ тёмно́й хма́ри відь Бо́га мені насланий, мату́сею призначений, се́рцемъ моїмъ нареко́ваний! за що се ти поневі́ряєшь на́щї лѣбоші?... Все що́ бачивъ у сві́тлиці, все то для тебе, мо́го го́луба сѣзого, наго́товано; про тебе тільки я й думала, и Бо́га бла́гала, щобъ поверну́ли тебе до мене. Уступі́ж до сво́ї ха́ти, госпо́дару мій лѣбий! ста́нь мені сироті́ні та́томъ, ма́мою и бра́тікомъ ріднесеньки́мъ.»

Тутъ мій пра́щуръ ще не мавъ и ча́су гара́здъ огле́дитця зь ті́хъ ра́дошивъ, велики́х, а тутъ Бо́гъ несе́ старе́нького ді́да, про́ситця обно́чувати. Роздиві́лись—той са́мий паноте́ць, що хова́въ мату́сю.

Наза́втре жь і́хъ пере́вінча́въ и вже не пійшо́въ да́лі.

Поблагослови́въ і́хъ Госпо́дь си́номъ одина́чкомъ, щастли́вимъ та довгі́м ві́комъ. Пра́щуръ мій вмеръ на сто и пе́ршімъ ро́ку, а пра́щури́ха на девя́ддєсять-трейті́мъ. Обі́два перестави́лись на одному́ тї́жневі, якъ за ру́ки побра́лись.

Пі́сля то́го всі мо́ї пре́дковья пере́жива́ли за девя́дсять го́дь, тільки ба́тько мій ві́сімдеся́ть-пять жи́въ, и то то́го, що мо́лодо́го ві́ку бага́цко при́нявъ го́ря.

Черезъ сті́льки го́дівъ, мо́литва́ми нашо́ї мату́сі, Бо́гъ насъ не зоста́вляє; ми щасли́ві, довго́вічні и не бу́ло вь на́шимъ ро́ді ні одного неща́сливого чо́лові́ка. Що́ вже вь ту ха́леру! я́къ вона скрі́зь по сві́ту ду́шила безъ ми́лости лю́де́й! до насъ и не доторкну́лась.

Ша́нуємо ве́лико на́шого дѣ́ба и ко́жне зь на́шої сі́мы, ви́рѣжа́ючись вь да́леку до́ро́гу, Бо́гу помо́ливши́ся, при́ходить по́клонитця Мату́синому Благо́словенню и для одво́ду відь себе напа́сти, бере́ зь со́бою жо́лудька́.» —

Дя́кувавъ я старо́му за ёго опові́дання, а тутъ и со́нечко, якъто ка́жуть, при́мерхло—лу́чченъко ста́ло і́хати холо́дкомъ. Попро́щались ми. Поі́хавъ я и все ду́мавъ, якá—то на́ша га́рна старо́вина бу́ла! шчо́то за лю́де, що́то за ду́ши бу́ли вь насъ підъ ту ве́лику ру́їну! Та де́жъ воно́ ді́лося? на́ що попереводило́сь, що́ тепе́рь ма́ло та́кихъ лю́де́й заде́ржалось на сві́ті, прѣ́стихъ и щі́рихъ и богобо́язни́вихъ, якъ отце́й Тарасъ Се́ме́новичъ. Ті́льки й жи́ти намъ спо́минга́ми. Ну,

та дарма. Хочь оди́нь дубъ зоставсь, та ба́гато на ёму жолудівъ... Матуся наша, Вкраїна, не покинула насъ безъ свого благословення. ви Проїхавъ я скільки верстівъ; думки влягались; сонце сіло; и въ голові въ мене тихий по́мрокъ залігъ, — тільки щось несказанне на душі любо мені сяло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село хова́лось за могилами, огриваючись піломъ вечірнімъ, а ще зоривъ вели́чно вскрай не́ба дубъ той старённый — »Матусине Благословення».

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВОРЯНЪ КВАЧЕЙ.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтають въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣетъ городъ Стѣвбуръ, и потому называется Стѣвбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудрено даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Стѣвбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамиліи. Старшій изъ нихъ, Гаврило Петровичъ Квачъ, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его фізіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портилъ ее только чересъчуръ низкій лобъ; но зато на этой фізіономіи находился носъ, дотога прямой и думѣнный, что отъ него не отказались бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщицъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нето—расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта фізіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своими болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважаютъ. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многолюднаго села Бѣртища, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимаютъ одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, нѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти изсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано, — старшій изъ троихъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Мотузочка, человѣкъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Португеза отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвязываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *мотузочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому запросто говорятъ *братъ* и почти со всѣми на ты.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даннаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носить странное прозваніе... Я затрудняюсь даже произнести его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Злѣдій, что по-великорусски значитъ — воръ. Петро Петровичъ Квачъ, прозванный Злѣдіемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручикомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тѣя дѣлились общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой пай пахатною землею. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманнѣйшій планъ жизни. Вступивъ во владѣніе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣковъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочеконниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдились, что воронъ ворону очей не выклюетъ, то ограничились только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Злѣдіємъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаетъ исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: вину вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ «поимки», наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должніи быть, происходятъ отъ древнихъ Спартанцевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новые подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивья, отъ нихъ не безопасны. То, что говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричать телеги въ полнощи, рцы лебеди роспуцени*. Одѣтые непроглядной темнотою ночи, являются они на чужія нивы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, поставляетъ изъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводу. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Стѣбурскимъ уѣздомъ, вообразить, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще стариннаго малороссійскаго добродушія, котораго лучъ

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принять у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственного дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ чловѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговидные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвкѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣніе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнія всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшіе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенію своего благосостоянія. Старшій братъ, отличающійся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удесятирилъ наслѣдственное имущество. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпадалъ только случай прославиться «на полѣ брани», не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Средній, Антонъ, по прозванію Мотузочка, будучи нрава робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенію, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь — часто жениться и за каждой женой брать хорошее приданое. Теперь онъ женатъ на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. «У меня», говоритъ онъ, «было три жены, и всѣ три — ангелы».

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброжелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласіи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга нѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Ряля*, Антонъ у нихъ — *Тоня*, а Петро — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенія между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ оному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманіе на различіе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго триумвирата.

Гаврило — чловѣкъ общежительный, характера открытаго, нрава дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антонъ бо-

лѣе замкнуть въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отличается простотою пищи и питія; если же предается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, именинъ и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робекъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли.... Впрочемъ козаки села Буртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между буртицкими старожилami, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панскія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотническаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Буртищѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что козаки поймали его *на гарячому ечинку*, окунули головою въ дегтяную кадъ и тутъ же прозвали Квачемъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьезномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что бы ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — остриженный и вымытый олією и мыломъ, Квачъ въ короткое время добился званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаковъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженной памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныхъ басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходитъ много между простолюдинами, но никто изъ благородныхъ

людей не обращаетъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобъ у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стóвбурскаго уѣзда, гдѣ всё живутъ почти одни Квачи-помѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случайно попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ черномъ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ *ея превосходительства*. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выразившимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и проникающимъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырасти въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферою. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдовѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную генеральшу съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовольствованнаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердецъ.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ работы о воспитаніи чадъ своихъ, начинающіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устояство дома, въ который съ каждымъ годомъ приливало откуда-то богатство, — и исправниціей домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную фізіономію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человѣкомъ *тузовитымъ*; недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденія дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стѣбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, синимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общежитіи люди (ихъ въ Стѣбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденіямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣнчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столичнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Чтѣ ни говори, но главное достоинство молодой дѣвицы все-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили все эти толки; но они твердо вѣровали въ умѣнье генеральши вести дѣло вос-

питанія и втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья наши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, приучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Ниночка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

Приготовленія исправницы къ радостной встрѣчѣ дочери.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Бѣртищѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивъ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ богомолокъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватірки* ⁽¹⁾ разшитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кілочкахъ, и другія неубранныя подалѣе вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *кянками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унижается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

⁽¹⁾ *Кватірка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать снаружи кватірку въ окнахъ и высматривать, не лежитъ ли что плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Бѣртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антона Петровича Квача, по прозванію Мотузочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Злѣдія. Всѣхъ людей усадили они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для прісмotra за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстныя барыни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жнутъ сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, повинна дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи пирушка. Хозяйина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскраснѣлась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголъ. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ вперед и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и пискъ надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей братьи, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся вереница сбивала бы съ ногъ самого поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ затѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочиваютъ своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жмѣні, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полѣвки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, выпалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усеянныхъ жнецами и полѣвками.

Молодець изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоихъ братьевъ! Взглядъ у него не такъ добродушенъ, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ нѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучать вблизи и вдали заживныя пѣсни. Буртищскіе козаки знаютъ, что не всѣ ихъ полукипки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ беспокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роді, Божє, и на трудящого, и на крадіючого*. Звучать поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наполнила ихъ прекрасными образами, — и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрятъ на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпавшіе на живна люди связаны одними и тѣми же нравами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ столькохъ работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господину:

Ой чіє то поле
Зазвеніло, стбѣ?
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
Антонове поле
Зазвеніло, стбѣ,
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
Женці молодії,
Серпї золотїї...
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
И жїто пожали,
И вѣ копи погнали...
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!

Ой чіє то поле,
Задрімало стбѣ?
Задрімало, задрімало, стбѣ?
Гаврілове поле
Задрімало, стбѣ....
Задрімало, задрімало, стбѣ!

Женці все старіі,
Серпї лубяніі....
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!
Жіта не пожа́ли,
Серпї полама́ли....
Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!

Солнце ласково наклонило сіяющую свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждого дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждого воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ тревожникѣ, отъ каждого коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускающіе на очищенные поля свои отары, хлопаютъ длинными пугами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣ прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почувавъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненіи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпою дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо посматривала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидно... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленіи, и скоро ихъ голоса зазвучатъ у самихъ воротъ исправника:

Чужі пані, якъ пугачи,
Держать люде́й до півночі,
А нашъ соловейко
Пуска́е ране́нько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Степаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ, но вмѣстѣ и съ сознаніемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвиговъ въ такое короткое время, запирается на-
крѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣ-
вушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, по-
средствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ
родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повели-
тельнымъ челомъ исправницы. Прозрачная черная накладка съ
зеленю въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы
ея, и всё это стóитъ ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толч-
ковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ
окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прика-
саться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посто-
ронилась далеко отъ барыни. Криволинь граціозно колеблется
подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни
черезъ дѣвичью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всё пя-
теро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: »Узе мама
умылась!« »Узе мама надѣла криволинь!« и такъ далѣе. Гости,
двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и
расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ
мальчшки и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожи-
даніи хозяйки, гости любятъ новыя литографіи, появивши-
мися на стѣнахъ у исправника, который очень любитъ портреты
въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить
свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную
распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна,
какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она
пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Четотками за ихъ болтли-
вость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣд-
ки, за вѣчно новыя и недоступныя для нихъ наряды; но съ обѣ-
ихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услы-
шите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе
не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ.
Сосѣдки, напротивъ, выросли въ богатомъ домѣ, среди большого
уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать.
До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годня насталъ новый періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичъ воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Аскольдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она уже получила извѣстіе черезъ нарочного, что они поджидаютъ съѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна размѣняться привѣтствіями съ двумя первыми гостями, какъ прикатили *стряпчіе*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицанія по случаю пріѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ происходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество наше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будтобы онъ не выходитъ изъ своей *дѣтской*, какъ называетъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сумеями, что съ горя онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, «какъ лакей». (Лакеи, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутреннего довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они «содержанія національнаго», то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но фizioномія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышь, какъ увѣрили насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подселъ къ хозяйкѣ съ невиданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими пріятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степанида Карповна! говорилъ Иволгинъ, положи торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственные слова его: «Сколько прелестна, столько же и умна!» Умницъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но *прелестныхъ*.... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постояли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только рассказать потомъ, о чемъ бесѣдовалъ у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаніемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, вѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, вѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стряпчій, человѣкъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебныя заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

павида Карповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, котораго знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простаго козака-хлѣбороба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандальномъ обстоятельстве отъ самого профессора, но утаилъ оно отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣніи, какимъ образомъ пронюхали его тайну барышни Четочки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Дѣ, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадаетея иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудешь ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относились. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подойдя къ старшей, которую, какъ онъ зналъ, прочили ему въ невесты, сказалъ, пріятно осклабивъ свою физиономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машинально:

— Извольте!

— Мнѣ не безызвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, ошаставьте наши уши!

Но польки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подъѣзду подкатила огромная кочъ-кареता; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее некогда влюбленъ и чуть было не застрѣмился, когда она вышла змужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они — совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее имен-
но за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ
дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитонъ Павловичъ,
вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ,
который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распростра-
нился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣ-
сень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитонъ Павловичъ, не боитесь Бога!
Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на ва-
шей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгинъ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь велико-
лѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ
днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете
вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ на-
ши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно по-
жить между ними довольно времени, чтобы понять вполне, что
это за воинственный народъ. Многія изъ нихъ одарены самыми
кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала впу-
скаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякаго на-
мѣренія! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма бла-
госклонно о блестящемъ воспитаніи нынѣшней молодежи и тутъ
же прибавляетъ съ добродушной прямою:

— А мы съ вами, Степанида Карповна, въ шестнадцать лѣтъ
едва читать умѣли!

Степаниду Карповну отъ этихъ словъ коробить, и отъ нея
не ускользнулъ полуулыбъ, брошенный госпожей Протазановой
на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ
и дружбѣ.

— Дѣ, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ доче-
рямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріят-
но для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слы-
шали. Я бы желалъ хоть на старость поумнѣть въ просвѣщенной
компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кипяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велить дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ нанковомъ полосатомъ платьѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаетъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

»Погодите, пріѣдетъ моя Нина.... Зададимъ мы балъ, — всѣхъ васъ уничтожимъ!»

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченныя ложечки подъ чернью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удивляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись домашнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерніи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что исправникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понялъ, за что его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣраго жерлебца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты вырастешь, то и тебѣ будутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать, — поди руки вымой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришь?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой пріѣхали барышни Чечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромѣйшей кочъ-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стуконъ, которыми сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хуторскихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и шелканье сопровождало легкое потрясеніе почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ огнямъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежащихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подаль руку пріѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вѣпясь ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуй были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвицы Чечотки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуй были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлали и стряпчіе. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Иволгинъ оказался человекомъ *comme il faut*. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ просилъ

своего друга Гаврила Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространиться о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покраснѣла отъ этой неожиданности, что и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проникательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть впицалась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знала въ дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически напечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ оббѣжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятные ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мірѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жаль стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственно для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ее поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манёвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисей своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что, дочко! сказалъ исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорилъ тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночку въ карету, сказалъ исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карлету, карлету смотрѣть!«

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Нину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шелъ ливрейный лакей, игравшій роль дворецкаго, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвчонокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манёвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простонародная физиономія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Нина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открыть свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ запищала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, позабывъ страхъ, бросились къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтыя очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступить къ ней близко, и только издали кланялись. Но Нина, вовсе неожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски ихъ цѣловать. Это были единственные памятники ея безпечнаго дѣтства. Они одни воскресли въ ней рядъ мел-

кихъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. »Пазька! Улька! Палажка!« восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степанида Карповна бояливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Четотки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что уцѣпились въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почувавъ теплое человѣческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такими приготовлениями, прильнулъ къ ней съ непритворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдные люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то бо-лѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были иѣмыми жалобами на все, что они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степанида Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чувствуетъ народъ противоположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ чаетъ этой противоположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Надобно и честь знать! Ато коли медѣ, такъ и лѣжкой.

Ливрейный лакей также принявъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выйти! сказала жалобно Нина.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ ушли робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенія къ господамъ.

— Ниночка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу придти къ себѣ: зачѣмъ вы назвали этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всё наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлить съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою рассказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Иволгина, который, однакожъ, мнѣ не нравится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, предоброе сердце, и знакомства у него всё такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи нашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разѣйдутся, мама?

— Что ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подѣдутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подаль свѣчи въ тяжелыхъ новѣшенкихъ подсвѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчий не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Иволгину: »Мѣдь!«

Иволгинъ, какъ человекъ, входяій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и стоить массивнаго серебра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянъ. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразить, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полумперіаловъ, а заплатилъ я ровнѣшенько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Ріля? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Нидя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣтъ въ дорогу!

Гости улыбулись простодушною ивституки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *мѣдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчago.

— Суета суетъ! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея поцѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостиной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степанида Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеніи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину посто́бурски.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главные его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Поняли и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Все бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узнавалъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ,

который, выйдя изъ брочки, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышни Чечотки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ институтка, завидѣвъ издали сбрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на поминѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада. Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы официально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшего наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, захавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Бүртище, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея пріѣздъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество влупивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подсѣвшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полного очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Чтѣ касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно пазумялись, какъ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ произойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, заимствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемъ, согласилась съ нею.

Иволгнѣ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и стараясь позабыть, кто его родители.

Стряпчій удивлялся, что ученый профессоръ и человѣкъ, принадлежащій къ генеральскому кругу, говорить такъ просто и даже вмѣшиваешь въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изъ всѣхъ свѣтъ старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпрестанно прїѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своими недавними успѣхами въ музыкѣ, на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роелемъ, и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выбирая въ жертвы своего искусства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ-будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорожныя наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видала изъ своей институтской кѣтки. Веселая рѣчь ея была направлена чѣмъ-то въ родѣ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, попы съ ихъ многочисленными попадьятами и украинскіе ямщики съ ихъ заимствованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комической стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было рассказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: »Любезнѣйшая племянница«, обняла ее предлинными рукавами въ складкахъ и напечатлѣла на ея щекѣ громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ, но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузочка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая некла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Антона Петровича, расцѣловалъ свою родственницу, какъ только было возможно радушиѣ.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но нѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми неистовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу комментарий:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояса. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анюта, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдовъ. А это сыночекъ мой, Оеда, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Оеда душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела-хранителя. Да еще дома осталось двое маленьких, близнецовъ. Ихъ принесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присутствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенить на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Рилъ! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Постой, братику, я имъ покажу при случаѣ, что у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Рилъ, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Анто́на Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не вникали во внутреннія побужденія Анто́на Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ розобрать хорошенько, а слушаешь — и пріятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневы садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — нѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохлатчины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ея не учитъ.

Я уже сказалъ, что Анто́нъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгинъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто рассказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это ни-сколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, захавъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличные ботфорты, доставшіеся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и разнесла гостямъ чай на великолѣпномъ подносѣ накладного серебра, въ залѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злодія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самихъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злодіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіенками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Что ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, нынѣшняя его супруга, увлеклась нѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной нивѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сливался

съ золотомъ ея густныхъ волосъ и возвышалъ красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичъ и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу изъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почтительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему потихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подумать, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ....

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честною компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подойдя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаложенныхъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаймы.

— А что? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благосклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлилъ, что за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣздной глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторскаго общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержать и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Ивана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все переиспытавъ, обо всемъ передумавъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Печай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвязчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщичьей жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдями, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, сгавравшая нетерпѣніемъ показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроены ли у насъ рояль?

— Какъ это можно? Вчера нарочно посылали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. »Я, говоритъ, подражаю Листу!« Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пацъка, а подай ключъ отъ рояля!

Пазька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку издали. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей потные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

Торжество исправника и исправницы.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправничья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей, сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ никого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горестъ. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачило ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробовъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоценностями, надъ которыми разтаха-лись ея подружки и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она воображала, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размы-шленія, а счастливый отецъ, не подозревая, что дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ, что она теперь не узнаетъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался все такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, своею разительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустныя думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обозрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшныя вертепы, въ которыхъ толпятся, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались однѣ только дочери стряпчаго, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣлаго подражателя Листа. Всѣ остальные слушатели, каковы бъ ни были у нихъ сердца, почуяли въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что всѣ они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антонъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то дозволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Чечотки, и всѣ до единого — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповинномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозревая, что значитъ и откуда происходитъ одолеваящая его какая-то тоска, Антонъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, принялся отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *рэвищѣ* ⁽¹⁾, гдѣ флегмати-

(1) *Рэвищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдруг останавливается, роет рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антона Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— По истинѣ скажу, возвысиль голосъ Иволгинъ, когда Нина кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ не хуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ «начальницею губерніи» домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ официальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непременно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: «Посмотрите, говорить, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.» Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: «Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколотъ ее: она выше будетъ имѣть другой видъ», и тотчасъ приколомъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо попятилась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпчего, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роялѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея рояль заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ от-

гуть пройти равнодушно, почувявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

личной прочности, такъ что никакія руки не были для него страшны; но всё же вещь петербургская имѣетъ что-то обаятельное для провинціальныхъ глазъ. А главное — надобно было поразить барышень Чечотокъ, которыя очень тонко и зло смѣялись надъ стряпчими-барышнями, что онѣ еще недавно сами бывало жнутъ у себя на нивѣ, вмѣстѣ съ своею маменькою, дочерью убогой вдовы-попады. Еслибъ Чечотки смѣялись не такъ тонко, то нашлись бы стряпчанки, какъ отвѣчать имъ, и выставили бы имъ на видъ, что лучше собственными руками жать на нивѣ, чѣмъ перехватывать чужія письма и писать подъ чужую руку отвѣты. Вступились бы они и за свою маменьку, сказавши, что хотя она и простая женщина, но зато не рѣзала косъ дѣвушкамъ, которыя ничѣмъ не хуже ихъ, Чечотокъ. Много бы сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженій излилось изъ устъ молчаливыхъ стряпчанокъ на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онѣ владѣли въ совершенствѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что, съ одной стороны, старыя дѣвы клевали ихъ въ сердце очень искусно, а съ другой — надобно было возражать имъ на языкѣ иностранномъ, руссійскомъ, который употребляется нашими невоспитанными въ пансіонахъ панночками только по праздникамъ, когда къ нимъ являются изъ уѣзднаго суда подражатели Листа, или армейскіе офицерики, скучающіе до сумасшествія посреди простолюдиновъ. Старшая стряпчанка была въ этотъ вечеръ истинная страдалница; да и все семейство стряпчихъ какъ-то приуныло, увидѣвъ, что Иволгинъ все свое вниманіе и услужливость посвящаетъ новой царицѣ красоты, дочери исправника. Что касается собственно стряпчаго, то онъ грустилъ еще больше оттого, что невозможно было составить пультку, такъ какъ исправникъ никогда не смѣлъ развернуть зеленого стола въ присутствіи Конашевича, зная, что онъ тотчасъ уѣдетъ. Но Конашевичъ и безъ того ужъ засидѣлся: визиты его рѣдко бывали такъ продолжительны. Онъ всё поглядывалъ на своего гостя, Нечая, и очевидно, для него только оставался въ этой толпѣ долѣе обыкновеннаго; а когда увидѣлъ, что Нечай слишкомъ дорогою цѣною покупалъ удовольствіе видѣть свою ученицу, онъ перекинулся съ нимъ паркою словъ, и оба взяли за шляпы. Ихъ, по обычаю нашей уѣздной жизни, упрашивали остаться, если не для нихъ, то для ужина; но оба они оказались людьми неуживающимися, ухватиться больше бы-

ло не за что, и хозяйева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ помы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сынокъ, — у насъ тысячи душъ нѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучший, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясѣ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душевѣка, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всё буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднялъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправница у своей дочери съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такова, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогого для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значитъ, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всё еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое цѣнила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ иномъ свѣтѣ, и не томила бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратить въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленіи отъ роднаго дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣжденій, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣды надъ языками сосѣдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли, у котораго притомъ есть въ виду наслѣдство, имѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣніемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ барининомъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фениксъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышленій исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьезному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разсѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьезнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долготѣнную жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаша, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться невникнувшему въ ихъ характеръ читателю.

Син двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣсненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекорь отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и имѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалѣзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги ввѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщинѣ, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ разговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Мироновичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ закипала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стрипціе, ненадѣявшіяся привлечь къ себѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія попасть въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяина, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современем выйдет отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Каптуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣжепросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія наизусть печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, что если этакъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтей въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Каптуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались всѣ лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подсѣлъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими обшлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироновичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрялъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самою безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одни съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на престоуръ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутивъ между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спѣшила сойти по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

внизу сыро и непріятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его заросляхъ, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очерету и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшего ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дѣвчатами и вслушивалась попеременно то въ этотъ таинственный говоръ, то въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дѣвчатъ, то въ ихъ фантастическіе и страшные рассказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея нѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на имянины, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовольствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Галл*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ именемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старья и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подбострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставляютъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не даютъ покаместъ шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ насмотрѣться даже на дивное свѣтило небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется человѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвластная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производитъ на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому человѣку въ такой торжественной красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшать ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разъездъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою нижнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ все свое вниманіе на блюда, разносимыя неумоимою Пазыкою и ливрейнымъ лакеемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшалъ всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгинъ, помѣстивъ противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напиткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ разсказалъ ей, что хотя онъ лишень удовольствія проводить семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дѣтская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рять у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтьми своими называетъ онъ боченки съ *дулівою*, *сливянкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него готовится большое количество, но подъ конецъ зимы, къ великому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаемыя въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подъ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбръ до невѣроятности, такъ что подъ конецъ ужина Нина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, братіку! що ти тамъ брѣмешъ?*

Ужинъ идетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Нины всё беспокоится, что дочка мало кушаетъ. Этимъ Нина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обовхъ дядюшекъ, серьезныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли измѣрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемымъ въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Нина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвица Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое-то вдохновенное, что никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что у нея кипитъ въ душѣ. А кипѣло у нея въ душѣ много, много всякихъ горячихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотою и, въ самолюбивомъ ослѣпленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришли ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта послушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенья, называла вообще сопунами: онъ прѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумѣнія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкою забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Да, у людей высшего просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого попользованія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицею, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честной компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовала отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, посреди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головою, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Четотка, отличавшаяся всё еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожей Протазановой острогамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой нѣжной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголъ и позабытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ множество. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполнѣ. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любить горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапаютъ его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонять отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ онѣй высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа измѣны, которую дозволялъ себѣ Иволгинъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелькъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какимъ самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгину, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ изломанными прялками, днищами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгинъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгину, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванные души... Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправичьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила на вѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы труд-

нѣе было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвицы Чечотки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суетливомъ и лѣнливомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хищномъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природою красоты, естественной граціи, ума и сердца, — сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своею любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, — онѣ мало-помалу потеряли все, что можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою своего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу Иволгинъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: »Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе«.

Иволгинъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственнаго развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Чечотки были достойными представительницами женскаго. И такія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ ужинъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что у тебя такая заспанная фізіономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Чечотокъ. Другіе гости, какъ напримѣръ стряпчій, или

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣе простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы немного пригладилъ свою кучму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взъерошены).

Или:

— Что у тебя, Кузька, за скверная мужичья натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышня Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣе натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ расплылась? Всѣ только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсѣмъ выломанномъ господами, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на что.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдамаки, какъ онъ, всегда найдется, что снести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попятился бы къ порогу, неизвестно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже клѣпотъ изъ армяка вырвалъ?

• Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсю народнаго языка:

— Вырви себѣ носъ, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твоего бѣтька бері! Но кла-а-потъ... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велѣли бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспанныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываньи лошадей въ брички, коляски и кочъ-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено изстари въ коренныхъ дворянскихъ фамиліяхъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своими людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышни Трещотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Конашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечеринкѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то непріятно звучитъ въ ушахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливыхъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ каррикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ, исковерканный, съ какой стороны ни возьмете его, и особенно былъ страшенъ и неловокъ въ обращеніи съ господами.

Иволгинъ, какъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что изъ Малороссіянина никогда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человѣкъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, неимѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: »Эхъ ты, безгосподчина!« Но меньшая барышня Четотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ маллороссійская скверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгину): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здѣшніе* дворяне! (Она никогда неговорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгинъ, затаившись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленному впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Чечотка обвела торжественно глазами все общество, остановивъ ихъ всего выразительнѣе на Нинѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгинъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгинъ, не безъ гордаго чувства во взорѣ, остановилъ глаза на Нинѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ стариннымъ великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и присматрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгину представился прекрасный случай рассказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгина, по имени Стѣпка, малый повидимому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгинъ поставилъ въ уголъ докуренную трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, не только отставные, но и служащіе корнетъ, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершенно рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и нѣкотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на ямщичкомъ языкѣ *малиновый* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

II. Кулишъ.

(Продолженіе обѣщано.)

СЬ ТОГО СВІТУ.

Варооломееві Шевченкові.

Не хотіли панські діти
 Мою воленьку вволіти, —
 Щобъ менé тамъ поховали,
 Де бъ одраду сёрце мало,
 Де бъ мучене моé тіло
 Тихо тліло, не боліло,
 Де бъ мо́я ду́ша убóга
 Злінула ко́лись до Бо́га.
 И проха́въ я, и блага́въ я,
 И на ко́бзі ви́грава́въ я, —
 Шко́да спі́ву ко́за́рського!
 Шко́да сло́ва ко́зацького!

Не хотіли паненя́та
 Послу́хати мо́го бра́та,
 Щобъ мені́ по́четъ вчи́нити —
 Кита́йкою ма́ри вкри́ти,
 Черво́ною кита́йкою, —
 Заслу́гою ко́зацькою.
 И проха́въ вінъ, и блага́въ вінъ,
 И хо́лопствомъ до́река́въ вінъ:
 Занедба́ли паненя́та
 До́река́ння мо́го бра́та!

Не хотіли, та вчині́ли —
 Кита́йкою тру́ну вкри́ли,
 Та й ві́слали до моги́ли,
 Де спі́ва́въ я, сумува́въ я,
 Зъ Дніпро́мъ — бра́томъ розмовля́въ я.
 Не хотіли, та вчині́ли —
 Спочива́ю на моги́лі,
 Паненя́тамъ на до́саду,
 Товари́ству на одра́ду,
 Украї́ні на пора́ду.

Спочиваю, дожидаю,
Долі—долі виглядаю...

Годі, браття, сумувати:

Ще не вмерла наша Мати!

II. Кулішъ.

Примѣчаніе. Когда умеръ Шевченко и возникъ вопросъ о перевезеніи его тѣла въ Украину, нѣкоторые изъ Украинцевъ настаивали, чтобы похоронить его въ Києвѣ, тогда какъ въ завѣщаніи поэта сказано, чтобы его похоронить въ степи, надъ Днѣпромъ. Этихъ нѣкоторыхъ почитателей воли покойнаго называли паненятами и панскими дѣтьми, т. е. людьми, не понимающими жизни Шевченка и духа его поэзіи.

КУМѢЙКИ.

Дума.

(1637.)

I.

Закипіла на Вкраїні

Страшенна тривога,

Якъ на шляхту піднялася

Сірѡма убога.

Піднялася за оранди,

За жидівські дуди,

Що терпіли—не стерпіли

Убогіі люди.

Руйнували сіромáхи

Кірчми малевáні;

Де спітали—порубали

Рандáрські ридвáни.

Почалá сірѡму шляхта

За жидів карáти,

Забірала всю худѡбу,

И ґрунті и хáти.

Розлетілось по Україні
 Безхатнєе птаство, —
 Затрусилось по будинкахъ
 Вельможнєе панство.

II.

»Ой Потопцький, батьку панський,
 Рушай на Вараїну!
 Зупини кварцянимъ військомъ
 Повшєхну руїну.«

Роспустили орлі крила,
 Зъ орлами злітались:
 То кварцяне військо съ панськимъ
 До-купи з'їжджались.²

Течє річка міжъ каміннямъ,
 Ріссю прозивають;
 По тій річці середъ ночі
 Огнища палають.

Червоніють чорторії,
 Підмивають кручі.
 Втаборились сіромахи,
 Потопцького ждучи.

III.

Ой не довго піджидали —
 Кіоники заржали:
 Вони нашимъ неминує
 Ліхо віщували.

Зійшло сонце у тумані,
 Ревнулі гармати:
 Не по однімъ козаченьку
 Заплакала мати.³

Ой розбивъ зъ гармать Потоцький
 Таборъ, мовъ кошару; ⁴
 Розігнали Ляхи нашихъ,
 Якъ вовки отару.

Ой мостили на Росаві
 Мості тулубами,
 Засівали чисте поле
 Гу́сто головами.

IV.

Никли трави жалощами,
 Гнулось древо съ туги: ⁵
 Дознавали наші предки
 Тяжкбі наруги.

Кого били—потопили
 Въ глибокій Росаві,
 А кого судомъ судили
 Въ далекій Варшаві.

Осудили недобитківъ
 На великі муги:
 Розійшлися по Україні
 Каліки безрукі. ⁶

Огласили изъ Варшави:
 »Дивітеся, люде!
 Хто вставатиме на шляхту,
 То всімъ тее буде.« ⁷

V.

Нехай буде, нехай буде,
 Коли Божя воля,
 Щобъ росла въ бояхъ кривавихъ
 Українська доля!

Нехай знають на всімъ світі,

Якъ ми погибали

И, гинучи, свою правду

Крѣв'ю записали.

Записали — прочитають

Неписьменні люди,

Що до сѣду изъ шляхѣтствомъ

Згѣди въ насъ не буде.

Поки Рось зовѣтця Рѣссю,

Дніпрѣ въ морѣ лѣтця,

Пѣти серце українське

Зъ панськимъ не живѣтця. *

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДУМѢ: «КУМЕЙКИ».

1.—Стр. 54, ст. 21.

За жидівські дуди,

О дудахъ или дудекъ упоминаютъ нашъ Самовидецъ и польскій историкъ Грондскій (Historia Belli Cosaco-Polonic). Это была плата арендатору отъ

* Подъ словомъ *Ляхъ* издревле подразумѣвалось понятіе — панъ, т. е. человекъ, воображавшій за собою какое-то родовое право на своевольство. Отъ этого въ нашихъ народныхъ думахъ къ слову *Ляхи* всегда прибавлялось прописки — *мостивѣ панѣ*. Украинская народность не чуждается никакого племени, никакого сословія. Это доказано свободнымъ вступленіемъ каждаго, кто бы онъ ни былъ, въ запорожское братство. Хмельницкій, въ перелаславскихъ переговорахъ съ Адамомъ Киселемъ, говорилъ, что въ Украинѣ свободно могутъ проживать и владѣть землями всякіе магнаты, только бы подлежали общему праву, т. е. отреклись отъ своихъ родовыхъ предразсудковъ. Но, сколько наши козаки ни убѣждали Поляковъ и собственныхъ ополеченныхъ земляковъ «железными доводами», эти господа остались глухи къ голосу человечности и къ народному праву. Мы понимаемъ это такимъ образомъ, что для Поляковъ отказаться отъ своихъ панскихъ тенденцій — было все-равно, что отказаться отъ исторической будущности. Почему же наши не-панскія тенденціи должны были быть для насъ менѣе дороги? Отречься отъ нихъ ради братства съ *Ляхами*, *мостивѣми панами*, для насъ то же, что отказаться отъ своей будущности. Вотъ почему Украинцы могли сказать имъ:

Поки Рось зовѣтця Рѣссю,

Дніпрѣ въ морѣ лѣтця,

Пѣти серце українське

Съ панськимъ не живѣтця.

поселянина за рожденіе дѣтей. Названіе ея произошло отъ монеты, называвшейся попросту *dudek*. Она соответствовала нынѣшнимъ 18 копейкамъ; но, по замѣчанію Грондскаго, Жиды, медленною выдачею квитка и разными унаследованными отъ предковъ и обратившимися въ ремесло ухищреніями, умѣли увеличивать эту плату по своему усмотрѣнію, такъ что народъ, и безъ того съ негодованіемъ окупавшій рожденіе дѣтей, терпѣлъ отъ нихъ не только моральное, но и матеріальное бремя. Польско-украинскіе паны, нуждавшіеся постоянно въ деньгахъ, старались упрочивать за собой арендную плату отъ Жидовъ, и потому узаконивали въ своихъ имѣніяхъ всѣ жидовскія выдумки, карали смертью ослушниковъ и грубіановъ, а нерѣдко предоставляли и самимъ Жидамъ-арендаторамъ право жизни и смерти надъ *хлѣбами*. Ни что до такой степени не ожесточало противъ шляхты нашихъ хлѣборобовъ, какъ жидовскіе грабежи и притѣсненія, и потому, каковы бы ни были у козаковъ побужденія къ войнѣ, но помогавшіе имъ хлѣборобы и ремесленники управлялись только жаждою мести за жидовскія пестовства.

2.—Стр. 53, ст. 13.

*То кварцiane вѣйсько съ панськимъ
Докупи звѣжджалося.*

Силы польскаго государства состояли, во-первыхъ, изъ войска, состоящаго на жалованье, которое выдавалось по четвертямъ года, *кварталъ*, — почему и называлось *кварцiane*; во-вторыхъ, изъ наемныхъ нѣмцевъ; въ-третьихъ, изъ ополченій панскихъ, которыми паны защищали пограничья отъ Татаръ и воевали другъ съ другомъ, и, въ-четвертыхъ, изъ козаковъ украинскихъ, получавшихъ небольшое жалованье и содержавшихъ свою артиллерію изъ отведенныхъ имъ на Украинѣ волостей.

3.—Стр. 53, ст. 30.

Три стиха этого куплета взяты изъ народной пѣсни:

*У городі у Глухові
Ревнулі гармати:
Не по однімъ козаченьку
Заплакала мати.*

4.—Стр. 56, ст. 2.

*Ой розбивъ звъ гарматъ Потѣцькій
Таборъ мовъ кошару;*

Самымъ употребительнымъ у козаковъ способомъ защиты былъ *таборъ*. Иногда во время пораженія своего они успѣвали *отѣборитись* меньшимъ таборомъ, т. е. сомкнуть вокругъ себя четырехугольникомъ возы въ нѣсколько рядовъ, и тогда опять дѣлались страшными для враговъ. Такъ было и подъ Кумейками. Когда Потоцкій разорвалъ таборъ, въ которомъ возы скованы были одинъ съ другимъ цѣпями, и врѣзая въ него съ конницею, козаки, занимая Потоцкаго свѣчею и ружейною перестрѣлкою, *отѣборились* наново, занявъ меньшее пространство. Этимъ они спасли себя отъ окончательнаго пораженія и ночью отступили къ Боровицѣ, гдѣ еще разъ проиграли битву.

5.—Стр. 56, ст. 11.

*Нікіль трави жалоцями,
Гнулось древо съ туги:*

Изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: »Ничить трава жалошамъ, и древо съ тугою къ землѣ приклоняшася.«

6.—Стр. 36, ст. 21.

Розійшился по Вкраїні

Каліки безрукі.

Такихъ безрукихъ калікъ встрѣчали еще недавно въ Западной Украинѣ, какъ памятникъ *Колівещини*. Обыкновенно отрубали осужденнымъ правую руку и лѣвую ногу, и въ такомъ видѣ пускали ихъ на всѣ четыре стороны для устрашенія народа. Это было послѣднее повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые побудили Украину соединиться противъ магнатскаго владычества. Руководимые питомцами современной инквизиціи, польскіе паны воображали, что наводятъ на нашихъ предковъ ужасъ безчеловѣчными казнями, тогда какъ этимъ-то именно и поддерживали они въ нихъ жажду мести, ненасытившуюся до послѣднихъ столкновеній Украинцевъ съ Поляками. Желая опозорить, въ глазахъ толпы, предводителей ея публичнымъ терзаніемъ ихъ тѣлъ, паны придавали имъ величіе мученичества, заставляли забывать всѣ ихъ недостатки и память ихъ дѣлали священною для потомства. Это мы видимъ всего яснѣе на Гонтѣ, съ котораго сняли съ живаго кожу и проч. и проч. (ужасно даже пересказывать), а народъ тутъ же воспѣлъ его смерть въ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ не умолкаютъ, внушая простолюдинамъ презрѣніе къ мучителямъ и негодованіе на ихъ злѣйство. Вѣрный духу своего народа, Шевченко возвелъ Гонту, «мученика праведного» какъ онъ его называетъ, въ апотеозъ величія, и ни одна душа не усомнилась въ истинѣ словъ его, потому что по-этомъ управляло правосудіе сердца, котораго никакими проповѣдями и политическими доводами невозможно разубѣдить въ его чувствахъ, хотя они въ-отношеніи къ какому-нибудь стлѣльному факту и могутъ быть ошибочны.

7.—Стр. 36, ст. 23.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни о казни Гонтѣ:

Панъ реймѣнтаръ похожає:

»Дивітеся, люде,

Ой хто тілько збунтуєтца.

То всімъ тее буде!»

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

V.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья третья.

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особенности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суетвѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполнѣ заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по крайней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, — относительно Гоголя, увлекался въ грубыя ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось знанія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на-вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучалъ. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій* Гоголя, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался «безконечно прекраснѣе», тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо-историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохновенія и, снявъ съ Тараса Бульбы козацкія кобенякъ, драпировалъ его

плащомъ гомеровскихъ героевъ. «Поэтъ (говорить Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пловецъ* Бульбы (въ томъ-то и горе, что онъ съѣхалъ на гомерическую пѣснь, въ разсказѣ часто ошибочномъ, но всегда полнымъ образомъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованныхъ) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонирующаго даже съ тѣмъ козацествомъ, до котораго могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современниковъ), но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ—и обнаружилъ больше прежняго незнаніе исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю (!) жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты челоуѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракулство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозревая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда-либо впадалъ талантливый критикъ) подробности битвы Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, *potabene*, онъ вовсе не происходили) и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣньи его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнута лиризмомъ (который—прибавимъ отъ себя—и затмилъ достоинства перваго ея изданія). ⁽¹⁾

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинскаго о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судъ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искусствѣ, но это вовсе не значить, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлыя области мыслей, или вовсе имъ нетронутыя, или затуманенныя условными, такъ сказать, городскими понятіями о челоуѣческомъ об-

(1) См. Соч. Бѣлинскаго, VII, 219—220.

ществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежитъ этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанию, смотрѣлъ на свои первыя повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинскаго, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности, какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинскаго не тѣ основанія, какихъ ищетъ въ нихъ — и не находитъ — современный намъ читатель. Развернемъ, наприимѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Купала*, и спросимъ другъ у друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Купала* вносить въ общественный капиталъ понятій о жизни живописныя черты времени, исчезнушаго незамѣтно для общества, — характеръ мѣстности, для него неизвѣстной, или извѣстной мало, — картину нравовъ и обычаевъ, оставшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительныя для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше — служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходитъ. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ разсматривать, какъ упомянутую, такъ и другія повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которыя Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждаго повѣствованія), и наконецъ — по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*?

Гоголь начинаетъ свой разсказъ такъ:

«Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) — нашего села и не узналъ бы никто.»

Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Иоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, новаго для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводиться между козаками дворянство, подражавшее изъ всѣхъ силъ пересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда козаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право, такъ сказать, *наклонулось* въ ячкахъ, которыя положили петровскіе Нѣмцы въ навозныя кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ козацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобъ онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ даетъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстнаго времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою. Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самый опытный читатель уловитъ осязательную точку соприкосновенія свободного вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или анненскимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ, начиная съ польскаго владычества до временъ жизни самого автора. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напримѣ-

мѣръ, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, — пожалуй хоть во времена Наливайка:

»... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то сямъ, то тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность: тогда козаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводить порядочною хатою. Какого народу тогда не шталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало!» (1)

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ созерцанію давно прошедшаго, темнаго для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не переноситъ насъ ни въ какую опредѣленную эпоху и является какимъ-то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнительей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ разскащиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему разсказу картину даннаго времени, — мы вправѣ ожидать отъ его разсказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не бесполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобныя ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ разсказомъ: иначе — въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого-то насилія, сдѣланнаго авторомъ благо-

(1) Сочиненія и Письма Гоголя, I, 41—42.

родившей части нашего ума. Напримѣръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Долахъ* ⁽¹⁾, прежде всего описываетъ уединенныя пещеры въ меловой горѣ; которыя какая-то отшельница рыла въ теченіе сорока лѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладетъ въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при болшей внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившагося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которыя произведены имъ въ нашемъ воображеніи, и уже полъ коонецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что онъ писалъ въ послѣдствіи, было обработаніе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Ивана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Разсматривая вторую повѣсть Гоголя подъ условіемъ раскрытія передъ нами чего-то новаго для насъ, подъ условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствія — грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видишь въ немъ молодаго говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающаго не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, побрякиваетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и проч. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его рассказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура-дѣлчка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ пищу въ рассказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говоруновъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариковъ-пасичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой

(1) См. Основу, кн. 1.

простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгоистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и прибѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, разсыпаетъ передъ вами такъ называемыя мѣстныя краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это правилось во времена Гоголя и правится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы поселяне являлись передъ нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгулемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ-то, съ нынѣшнимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать рассказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь ужъ не можетъ нравиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ—и конечно вовсе безъ умысла—такъ, какъ обращался во времена оны иной владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному—другому изъ рабочихъ оставить пѣснину, приодѣться почище и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что такое человѣкъ; не броситься же ему на шею уничиженнымъ братьямъ, прося прощенія за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ—другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не всѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть истинность въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и скорбился бы ихъ изображеніями во глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о полненькихъ щекахъ козачки, которыя были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, о ротикѣ, который «кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни», о подѣлуяхъ, которые молодежь неосторожно влѣпляетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывалось плохими театрами прежняго времени; это немного лучше бѣлилъ, румянилъ и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка вырастаютъ цвѣты красоты ненаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ

въ разсказъ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что и какъ дѣлается потомъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскихъ повѣстей. Додумался онъ до многого прозаически грубаго только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фризovýchъ шинеляхъ, чѣмъ о полненькихъ щекахъ; а въ украинскихъ повѣстяхъ изъ простонароднаго быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или аффектацію, или каррикатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ-бы случайно, какъ-будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохому ему извѣстнымъ обрачкамъ его, онъ придавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскія уклоненія отъ натуры, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а какъ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія—вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлались строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ-особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда упадокъ въ томъ, что было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ гениальною восприимчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и имъ. Поэзія просто-

народной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ-будто поютъ, а иногда и просто-напросто—словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусью, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; Расскажи ему все: любила бъ его карія очи, цѣловала бъ его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя», и т. д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, какъ говорить любящая поселанка—Украинка; онъ только слышалъ, какъ она поетъ.

Дивно поэтическимъ народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, но нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которыя онъ написалъ не по вдохновенію глубокаго уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компиляторы, стихи народныхъ пѣсень украинскихъ въ великорусскую прозу. «Воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говорить у него влюбленный паробокъ), гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди козачкія косточки, и вихоръ высушитъ ихъ.»

На нашъ вкусъ, въ разсказѣ дьячка,—это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это—мертвые слова, произносимыя автоматомъ.—диссонансъ въ общемъ тонѣ разсказа; но, во времена оны, многіе, если не всѣ, думали, что наши дѣвчата и паробки именно такою декламациею выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ разсказъ въ кругу хуторскихъ гостей пасичника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Гоголь, и относительно мѣстныхъ, національных или народныхъ сторонъ жизни, оказывается для насъ повѣтвователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ—кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, нарумянить его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перифразированную

пѣсню. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственно родного, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто пріобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ нажить ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Мы попадались очень умные люди, которые слышать не хотятъ объ иной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глупый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до-того, что сказалъ разгорячась, въ присутствіи многихъ слушателей: »Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какою изобразилъ ее Гоголь; но онъ, какъ гениальный писатель, изобразилъ ее такою, какою она должна быть и, конечно, будетъ.« Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждаго живого читателя! такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше—дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечер наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего нами сказаннаго, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т. е. съ глубокимъ уразумѣніемъ смысла каждаго такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіеся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой-нибудь таинственный, странный обрядъ и т. п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой-то номенклатуры, бросается въ глаза яркою пестротой, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ-нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ разскащику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющаго читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя — у того Гоголя, который, впоследствии, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе

жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, всѣ лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, еслибы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докончить ее, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумѣнія художническаго въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ цѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линиями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ настраиваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Коржъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петръ, колдунъ и колдунья, — всѣ эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгаго рисунка, хорошо обдуманнаго и провѣреннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего-то лучшенкаго, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, еслибы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такія слова, какъ *хата, оселедець, рушникъ, кобза*, то всѣ мы призадумались бы, что это за народъ: Испанцы, Греки, Молдаване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, впоследствии, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честная братія наша, во времена *Юрія Милославскаго*: онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ такое, чего не имѣетъ никто изъ всѣхъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадалъ бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій общаго житія.

Не проникнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относится, упустивъ изъ виду этнографію и все, что отъ нея зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человѣческаго. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ-то неопредѣленныхъ общественныхъ

обстоятельствахъ, посреди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящія свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣми самыми или иными именами, не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнью куколъ, которыя движутся передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроется ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала* мы относимъ къ бесполезнымъ произведеніямъ фантазій, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библіотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Нескій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественныя произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приносить намъ пользу отрицательную, — именно ту, что на нее мы можемъ указывать, какъ на дѣтское марапанье неопытнаго въ искусствѣ генія, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима наука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ — въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ-особенности, при совершенномъ отсутствіи народоизученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни комъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорожку, посреди всѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснѣе, неумѣренныя похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, стоить не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первыя повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусствѣ, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его послѣдними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсюду.

ду (и именно—во всемъ, что Гоголь *зналъ*, на что онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродить въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатока участіе, подобное тому, съ какимъ человѣкъ сформировавшійся слѣдить за жизнію молодого человѣка, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

П. Кулишъ.

1 октября, 1861 г.

С. Петербургъ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ,

I.

Се така баба, що чортъ їй на маховіхъ вілахъ чоботи оддававъ.

Жило въ селі таке чесне и тіхе подружжя; не тільки не лаялись, и сварки міжъ ними ніколи ніякої не було; якъ кажуть:

»Любилися, кохалися, якъ голубівъ пара.«

Янголі, глѣдючи на щасливе їхъ життѣ, радувались и втішались, а чорту було не понутру,—найбільшъ одъ того, що не можна їмъ ніякъ увійти до нихъ у хату. Чого вже вінъ не робивъ, якъ біля їхъ не захожувався, щобъ вони хочъ полаялись! нічого не вдіявъ. Досадно чорту. »Що тутъ,« думає, »робити?« Далі згадавъ, що въ сімъ же селі є преїхїдна баба, зъ біса хїтра й лукава; отъ вінъ, не довго думавши, и прийшовъ до неї за порадю.

— Будь ласко, бабусенько, каже, — допоможіть міні въ моєму ділі, а я вамъ за се оддичу.

— Добре; кажи, чого тобі треба?.. не першому, такому жъ чорту, якъ и ти, я въ пригоді стала.

— Ви не знаєте оттє гаспідське подружжя, Якова й Катерину, що въ душі вонѣ въ мене сидїть?

— Знаю; а що?

— Чи не можна, якимъ-небудь побитомъ, розвести сю гѣмонську пару? Хочъ би принаймні полаялись.

— Чомъ не можна? А що ти міні за се дасї?

— Що душі твоєї завгодно.

¹ Народъ нашъ—великій и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно-свѣжія и здоровыя зерна для дальнѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону его рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической простоты и граціи. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ. *Ред.*

— Червоні чоботи зь срібними подківками!..

— Добре, хоч зь золотими!

Згоділись, а чортъ віри не йме. »Якъ-такі,« думає: »я и чортъ, а нічого не вдіє, атó щобъ вона, чортъ батька зна що такé, баба, та зробила!«

Дурний, хоч и чортъ! и того не знає, про що давно вже люде ка-жуть: що вь старої їхидної баби дэсять чортів сидить, та ще й на двадцять сідала гуляють; що—де чортъ не справитця, туди бабу пішле!

Тільки баба випровадила чорта, зразу натягла на себе кожу-шанку и побігла до церкви. Ще й у одного дзвона не дзвонили, а вона вже стоить на бабинцю и христитця и поклони б'є, а сама поглядує. Стали люде до церкви збиратись. Тільки вгледіла Якова, зразу до ёго и підскочила.

— Ой жаль міні тебе, чоловіче!—каже, схиливши на бікъ голову: — дуже жаль! Не знаю, якъ тебе й вірятувать, яку тобі и порадоньку дати!..

— Чого тобі треба від мене? пита Яківъ.

— Охъ, мій голубе! велике, превелике горе тебе чека, нещасливого!..

— Якé горе?

— Жінка тебе не любить; зрадила небога, закохалася вь Се-мена Прудкого, и налагодилась тебе зь світа зігнати, зарізати!..

— Скажéна бабо! щó ти кажеш? скрикнувъ Яківъ. — Та вь мене жінка тиха, якъ горлиця; вона мене любить — душі вь собі не ч'є!

— Мій голубе сизий! не йми жь міні віри, коли не хочешъ, тільки слухай, щó я тобі казатиму, та й роби, щó самъ знаєшъ...

— Кажі.

— Сегодні, якъ вернесся сь церкви додому, жінка стане тобі ськати вь голові... Гледі жь: якъ побачишъ ніжъ, швидче вськакуй, щобъ вона не перетила тобі горлянки!

— Тьфу на твого лисого батька! скрикнувъ Яківъ, ажъ перехрестився.—Якé неподобне вигадує! Нехай воно на твоєй голові ок-шйтця!.. та одъ неі скорішъ у церкву.

А чортъ, перекинувшись горобцемъ, слуха, та зь радости ажъ підскакує, та хвостикомъ вертить. Бачить диявольский синъ, щó бі-сова баба гарздъ-такі засмутила чоловіка; бо війшовъ у церкву и не перехрестився.

Съ церкви метнулася баба до Катеріни; полетівъ за нею и чортъ.
»Побачимо«, дүмає собі, »щобъ дальшъ буде!«

Катеріна, випровадивши свого чоловіка до церкви, побраєтця біля печи, весела й щаслива, якъ пташечка, а пісня такъ и виливаєтця изъ самого серця: сказано—любить, щаслива, весела. И не схаменулася небόга, якъ лихо затуркотило у віконце.

— Хто тамъ? пита Катеріна.

— Се я, обізвлася баба.—Відчинй.

Війшла баба въ хату, збіднилась, хліпа, мовчки сіла на лаві, и на добрий-день не сказала.

— Чогό се, бабүсю, ви такі смутні? пита Катеріна.

— Серденько моє, дитинко моя люба! каже баба, важко зітхнувши,—не питай мене: не зъ добрими вістями я до тебе прийшла... Лүчче бъ мині старіи и не дожить до сії лютої бідоньки.... И зновъ розпустила патіки и заголосила на всю хату:—Пропала ти донечко, на-віки пропала!.. Не любить тебе твій Яківъ: причарували єго до себе зліи люде, одвернули єго одъ твого серця!..

— Оттакє вігадай! каже молодїця, засміявшись.—Та такої вірної дружїни, якъ мій Яківъ,—нехай здоровъ буде—на всьому світі не знайти!

— Охъ лишенько моє! такъ и я дүмала, та не такъ вонό вийшло. Слухай, серце: Позавчора приходила до мене удова Бистріха—щобъ їй добра не було! — и просіла зілля. »На що тобі?« питаю. Не хотіла спершу казати, а тамъ и призналася: »Закохалась,« каже, »у Якова, Катерїниного чоловіка...причарувати. Вінъ дуже любить свою гладку жінку.« Я й не дала: сказала, що въ мене нема того зілля. Сегодні оцє идү до церкви, зиркь — ажъ твій Яківъ ходить біля Бистріхиної хати, якоесь чүдно дивитця и голову понуривъ. »Охъ міні лишенько!« дүмаю: »чогό се вінъ такий? щось не благополүчно!« Скорішъ у хату до Бистріхи; питаю, а вона усміхаєтця, та й каже: »Ажъ у Пєтрикахъ достала того зілля.« Якъ ножемъ мене въ серце штрикнула. Де бъ то не достала? тільки глінула я на бідоліху, заразъ и пізнала, що вже єму дадено. Не счүлася, якъ оцє и до тебе прибігла... Охъ міні лихо тяжкєє! пропала жъ ти, мой гбрілчико, на-віки пропала!..

И зновъ заголосила на всю хату.

Слүха молодїця, и вже не смієтця: склепилися үстонька й по-

сипіли; сама—якъ крѣйда; на очахъ тремтять слѣзи; вся труситця и ханѣетця за стілѣ, щобъ не впати.

— Бабусенько, нѣнечко моя! заголосіла Катеріна, облившись гіркими,—вирятуй же мене нещасливу, вирятуй мого бідного Якова! Якъ вінъ мене покине, то й я світъ покину, сама на себе руки наложу!

— Виряту, моє серденько, виряту, не дамъ злій личині верховодити надъ вами! тільки, мой голубонько, треба якъ найшвидче одворожувати, поки ще твій Яківъ не перепивъ недопійла, поки супротивникъ не засівъ єму въ потилиці... Чи нема въ тебе гострого ножа?

Молодиця скоренько подала бабі ножі. Отъ вона пошептала, пошахрувала надъ нимъ, та й каже:

— Озьми жъ сего ножа, и якъ вернетця одъ Бистрихи твій чоловікъ, то поськаєшъ єму въ голові, а якъ засне, то симъ ножемъ одріжешъ у єго прядку волосся и оддасі міні, то я зразу розібью ті чари якъ чортівній матері, и приверну твого Якова зновъ до тебе!

Катеріна ажъ руки цілує у бісовій відми та дякує, а чортъ, сидючи на вікні, все чує, и весело бѣ то єму, и страшно: »Не бісова баба!« думаетъ, »Якажъ лукава та їхідна! Съ такою и нашому братові не безпечно.«

Потіюпала вража баба додому, тільки поглядує на свої діряві черевіки, та думаетъ, яка-то вона гарна буде въ червонихъ чоботяхъ! А бідна молодиця, въ своїй хаті, місця собі не приберє; и руки ламле, и гірко плаче; серце кров'ю обливаетця.

И Яківъ смутний повертаєтця додому. Хочъ и не поніавъ бабі віри, однакъ важко стало на душі, одъ одної чутки, що въ єго дружина невірна. Понуро війшовъ у хату и зъ підлоб'я глядить на жінку. И Катеріна не привітає єго; не кинулась, якъ завжди, єму назустрічъ; стоїть, якъ у землю вкопана.

»Що сталося зъ моєю жінкою?« думаетъ Яківъ, пильно на неї дивлячись.

»Се не мій Яківъ«, думаетъ молодиця: »такимъ поглядомъ вінъ на мене ніколи не дививсь!

Посідали,— одне до другого слова не промовить: у обохъ тяжко, важко на душі. Далі Катеріна й каже:

— Якове, може бѣ я тобі поськала въ голові, поки страва упріє.

Ажъ здригнувся сердешний Яківъ, почувши ее, ажъ груди йому заложило.

— Добре... ледві промовивъ сердешний и подумавъ собі: «Мабуть, не брехала баба.»

Охъ, щось же не добромъ у сій щасливій хаті вище! Янголі ховаються за образи, а чортъ вийшовъ у сѣни и за клімку вже берѣтця.

Росѣясе Катерина голову Якову и пригладуєтця и прислухаєтця, чи не заснувъ вінъ; а сердешному чоловікові не до снання: серце въ его на шматки розриваєтця. Ажъ ось, здаєтця їй, що вже вінъ заснувъ. Отъ вопа тихенько й виймає зпідъ себе пожа, а Яківъ хапъ її за руку!

— Жінко!... що се?... и закіпило...

Янголі, запліснувши оченята, тікають съ хати, а чортъ ускочивъ у хату, заразъ собі и кубелечко звивъ у пічурі.

Не зовсімъ-такі й збрехала вража баба: не жінка зарізала чоловіка, а чоловікъ жінку.

Лежить молодича, якъ скошена квіточка: съ пробітимъ серцемъ, вся підпилила кров'ю, а безталанний чоловікъ рве на собі волосся, б'єтця въ сиріу землю... Пропало лове життя на світі! пропала й душа!.....

Понісъ чортъ вражій бабі чоботи, та вже теперъ и йому страшно до неї підступити,—дарма, що чортъ. Отъ вінъ настромивъ на махові вила чоботи, та такъ їй и оддавъ, щобъ и не доторкнутися до гаспедської відми.

Відсілі жъ то й вироїлась приказка: Се, мовлявъ, така баба, що чортъ їй на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ.

Олекса Стороженко.

1861 г. С. Жемчужина.

II.

Жидівська Дяка.

Сему вже годівъ вісімъ, якъ приїхавъ — чи де въ чорта приїхавъ! пішки приїзъ — Жидъ Лейба... Мо ба́чили на базарі новий двіръ, ще й вінна зеленимъ розмалевані. Теперъ забагатівъ ледящо, а тоді такий приїшовъ обідраний! Жидівка замурзана, жиденя-

та гóлі... Прийшовъ, та й нанівъ хату у старбі Москóвки. Грóші, які вѣ ёго були, попере́водивъ. Осівъ заті́мъ, щобъ люде́й підма́нювати та обдúрювати; та ба́чить, що нема́ за що й рукъ зачепіти, крути́всь-крути́всь, — иде́ до За́вирю́хи. А я підъ той часъ до Макси́ма на́верну́вся. Дивлю́сь: Жидъ убі́гъ та вѣ но́ги За́вирю́сі: »Та́кий-ся́кий до́брóдію! по́ки жи́тиму — дя́кувати́му: ви́зволь изъ бі́ди — по́зичъ три карбо́ванці:« Помóршився Макси́мъ: »Пропа́дуть«, дúма, »грóші. Лúчче вже сво́му бра́ту помо́гти, ніжъ Жи́дові.« О́дначе — сказа́но, щі́ра ду́ша — и Жи́да пожа́лувавъ, давъ ё́му три карбо́ванці. »На́«, ка́же. Лёйба зно́въ у но́ги. »Я вамъ«, ка́же, »и процéнтъ одда́мъ и грóші верну́.« — »Не трéба ми́ні,« ка́же За́вирю́ха, »тво́їх процéнтівъ, а грóші одда́си, якъ бу́дуть«.

Чи зъ Макси́мово́й лё́гко́й ру́кі, чи вже такъ Жи́дові поща́сти́ло, тільки піджи́въ на́шъ Лёйба: вже й корівка вѣ ёго, и коні́чокъ па́ра; купу́е, пере́купóвуе, прода́е. Ста́въ Лёйба не той, що бувъ, що бу́ло уся́кому по́переду вклóнитця. При́йде бу́ло чо́ловікъ за цвя́шками, жінка за ми́ломъ, дівча́ за го́лкою, хочъ би и вно́чі, — скóчить, бі́жить, двéрі відчи́на́е, ненáче вінъ и не спить ні́коли; а́то́ вже почáвъ корчму́ держа́ти, вже й челя́дка у ёго, и на́йма́ть. Ві́нъ ору́дуе ни́ми якъ хо́че, а са́мъ и зъ подушо́к не ви́ла́зить. На щó вже разъ — са́мъ пан-оте́ць зайшо́въ до ёго за чі́мсь, а вінъ ле́жить — не вста́е, та ще до сті́ни пі́кою, а до панотці́, ви́бача́йте, вáдомъ.

За́вирю́сі все жъ грóшей не дда́е. Не гара́здъ и трéба Макси́мові́ їхъ, та корти́ть ё́го, що ле́дащо Лёйба лю́дьми горду́е, а ё́му не́ верта́е грóшей. Каза́въ Макси́мъ Лёйбі́ не разъ, а мо́ й де́сять разъ, такъ усе́ одма́га́етця: то »підожди́«, то »черезъ ти́жні́ку верну́, бо тепе́рь нема́. Хи́ба то́бі«, ка́же, »за́разъ трéба?«

Вѣ на́съ у го́роді́ на Параскі́ я́рмарокъ, са́ме передъ весі́лля́ми; такъ лю́де и і́дуть. По́їхавъ и я зъ Макси́момъ... Спасі́бі́ Бо́гу, що хочъ не на одні́мъ во́зі, а́то́ бъ, мо́же, й ми́ні лі́хо бу́ло. Бі́лі Лозо́вої корчмі́ зупині́ли ми ко́ней, а са́мі зайшли́ по осьму́сьці. Вѣ ко́рчмі́ люде́й ба́гато: и на́шъ бра́ть коза́къ я́рмарку́е, и моска́лі й каца́пи ла́ютьця, а вѣ кутку́ хурщи́к изъ чу́мако́мъ бі́тисъ заво́дятьця. Ві́пили ми по ча́рці, иде́мо зъ корчмі́ до вози́въ, щобъ да́лі і́хати, ажъ и Лёйба тутъ на во́зі сиди́ть; а ві́зъ парокі́шний, а на ё́му пуді́въ мо́ со́рокъ бо́рошна вѣ ми́шкахъ.

А — неха́й Богъ прости́ть, мо́' черезъ ме́не чо́ловікъ про́ца́в —

кажү до Завірюхи: »Бачь, Жидь аніхтемський тобі грóшей не віддає, а скільки вь ёго борошна! Иди та візьми одинь мішокъ. Вь ёму не буде більшъ за сімъ пудъ.« А борошно тоді було по два вісьмигрівеника. »Хочь що-небудь«, кажү, »вернешь.« Максимъ послухавъ, та й каже Жидові: »Ти мині, Лейбо, ще віненъ грóші. Дай мині одинъ мішокъ, то й будемо квіти.«

А Лейба: »Що, що? Се ти мене грабуватимеш? Мо не я тобі, а ти мині ще віненъ. Треба у книгу подивітись.«

Не втерпівъ Максимъ, пхнувъ Жіда. Той зъ возу й покотівся. Самъ узявъ мішокъ зъ борошномъ, положивъ на свій візъ, та й поїхавъ собі.

Идемо ми зъ Максимомъ по ярмарку, ажъ иде назустрічъ Лейба, якийсь панокъ и два москалі.

— Ти Завірюха? питає панъ Максима.

— Я, каже Максимъ.

— Зв'язіть ёго, каже панъ.

Здивувався Максимъ: бачить, що напастъ.

— Я й самъ підү, каже.

— Не можна, каже панъ:—розбійниківъ треба вязати.

Потягли москалі Максима.

Приїхавъ я додому, кажү Максимісі: »Такє й такє ліхо: по-павъ твій чоловікъ черезъ Жіда увъ острогъ.« Вона й почала голосіти: »Ой лишенько моє!« каже: »зв'атимуть мого чоловіка острожникомъ!«

Не знала небóга, що ще й не такє ліхо буде.

— Гóді, кажү,—тобі, Катре, плакати! (Вона мені ще й родичка доводитця.) Біжі, кажү,—швидче до Стєхи: може, Филімонъ Стєпановичъ визволять.

То пакъ до станового. А Стєха вь ёго за хазійку жила. Сиротю змалку зосталася; по чужіхъ людяхъ у наймахъ жила; приймала усякого горя. А нічого казати: дівчина добра, до роботи охóча. Теперъ за Остапомъ Лопуцькомъ, москалемъ. Така прегарна молодіця, що не треба й кращє. Стала вона за наймичку у станового: де ні робіти, то робіти. А вінъ не на те її наймавъ. Почала вона одъ ёго тікати, а вінъ пішле розсільного, той и приведе. »Ти«, каже становий Стєсі, »поїдналася на рікъ,—гóду ще нема. Якъ годъ минє, тоді й одійдешь.« Однече ще до гóду почала Стєха и становимъ орудувати, и станомъ заправляти. Инша бъ на

її місці велику бѣ силу грѣшей придбала, то людеї обдираючи, то самого підкрадаючи, а вона — гріхъ казати — не обіждала нікого, жаліла — такий свого брата; за те її теперъ усяка людина поважає.

Пішла до її Катря. А вона, ще дівкою бѣвши, зо Стѣхою и на юлиці и на грищі гуляла, та ще й сестри доводять: мой дочка обохъ хрестила.

Роспитала Стѣха, чого прийшла Катря. »Підожди«, каже, »середенько; піду побалакаю, — що вінъ скаже.« Незабаромъ, разомъ изъ Стѣхою, вийшовъ и становий. »Ти«, каже Катрі, »Стѣшина сестра; треба для тебе у городъ шатнутись — визволити твого чоловіка. Може ще можна: слідствия не було. Колибъ не те, що новий исправникъ, — мені бѣ се діло и за ухомъ не свербіло: Семенъ Семеновичъ послушавъ би мене.« А далі й питає: »Що жъ мені за клопоти буде? Давай пять карбованцівъ, тагъ поїду.«

Катря була ажъ п'ятнадцять наготовила. Дивитця, що Стѣха моргає їй, — оддала становому пять карбованцівъ. Підвѣда, якъ день, якъ нічъ, у стані готѣва. Становий сівъ, та й поїхавъ. Ось якъ Стѣха нимъ орудувала, дагувати їй!

Катря хотіла додому йти, тагъ Стѣха не пустила. »Що тобі«, каже, »дома робити? тільки сумуватимешъ. Гуляй у мене, поки вернетця. До города не далеко; у нічъ и звернетця.« Почала частувати Катрюсю и чаємъ, и наливкою, а Катрі ні що на душу не йде; усѣ плаче та вздыхає. Дивлючись на її, спогадала й Стѣха своє гірке життя, що всяке ганить, осужає, дарма що вѣ вічі добрі. А зі щі? Хибі вона винна? Не було вѣ її ні батька, ні матері, — нікому було оборонити, або наустити. Інші ще думають, що їй добре жити, а того й не знають, що Филимонъ Степановичъ по́ти її слѣха, поки не вп'єтця; по́ти й жа́лує; а якъ п'яний, то зразу б'їтись та глумувати.

Замість того, щобъ гуляти, проплакали цілу нічъ дівчина зъ молодницею. Передъ світомъ приїхавъ становий. Вийшла відъ єго Стѣха така невесѣла та понура. »Не сумуй« каже Катрі: »може, ще Бігъ допоможе. Бувъ Филимонъ Степановичъ у справника, — нічого не вгадивъ: такий запеклий! Казавъ панъ, щобъ ти сама іхала до справника, тільки щобъ хабарі єму не давала, бо вінъ не бере.«

Справникъ у насъ тоді бувъ новий; тільки що зъ Петербургу іїхавъ, а єго пані за справника й постановили. То у насъ були

справникі пузаті та старі, усё найбільшъ зъ офицерівъ, а сей ще зовсімъ молодій бувъ, худенький, чорнявий. Такъ, вінъ, здається, й добрий бувъ: зъ усімъ побалакає, ніколи не лаєтця; бітись — не бився... А Катринъ чоловікъ черезъ ёго пропавъ... Такé діво!

Приїхала Катря до справника.

— Чогó тобі треба? питає лакей.

— Мні́ треба, каже Катря, — твого па́на побáчити.

— А щó дасі?

— Щó жъ ва́шої мило́сті да́ти? каже Катря, та й ви́ймає тро́яка; ще думає, що ба́гато дає.

Лакей подивився, похита́въ голово́ю, та й ка́же:

— Ска́зала́сь, чи щó? Де́сять карбо́ванцівъ, а́то й годъ па́на не побáчишъ! За́разъ у шію про́жену, не пу́шу й до-ві́ку. Я зна́ю — ти За́вірюшина жінка, твій чолові́к ба́гаті́рь.

Му́сила Катря да́ти ёму́ де́сять карбо́ванцівъ. За́разъ и до справника і́ по́клика́ли. При́йшла вона́. У справника сиді́ть якийсь па́нъ, офице́рь.

— Чогó тобі, *голубушка*, на́да? питає справникъ.

Катря й розка́зала ёму́, я́къ и за щó узя́ли і́ чолові́ка.

Справникъ похováвъ ру́ки у кишéні, та й почáвъ ході́ти по сві́тлиці.

Офице́рь усé на Катрю дівитця, а да́лі й ка́же справникові:

— Чогó ви, Влади́меръ Микола́евичъ, дума́ете? Нехáй би вона́ у васъ днівъ зó три погуля́ла: ба́чите, я́ка га́рна! А чолові́ка бъ ви́зводили.»

Подививсь справникъ на Катрю, почервоні́въ увесь, я́къ ре́внэ: *вонъ!*

Катря зъ сві́тлиці: думала, що се і́ вінъ же́нэ. Справникъ зу́пинивъ і́. «Се», ка́же, «я не на те́бе, а на сё́го па́длеця́ кажу́. Не чу́єте ви, чи щó? Вонъ! Щобъ ва́ша но́га бі́льшъ у ме́не не була!»

Офице́рь полу́павъ-полу́павъ очі́ма, за ша́пку та й за двéрі.

— Не мо́жу, *голубушка*, посо́бити я тобі, ка́же справникъ.

— Слѣ́дствія я зро́блю по за́кону, а ти клопочі́ въ уі́зному су́ді. Тамъ, мо́же, твого́ чолові́ка й ви́звоять; тільки при́пасай гро́шей: воні́ до і́хъ ла́сі.

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

ОДЪ НАЙДАВНІЙШИХЪ ЧАСІВЪ. (*)

ПЕРЕДНЕ СЛОВО.

Пишучи *историю Украины*, дбавъ я не про однихъ тихъ, що по исторіи, мовъ по далѣкихъ сторонахъ, проходять и тільки самі її дива оглядають. Мусивъ я не мѣнше й на тихъ оглядуватись, що историчнимъ живописаннямъ не вдовольняють, и всѣй рѣчи самі по жерѣламъ историчнимъ доходятъ. Не подоба жъ би була мені, ведучи свою повѣсть, разъ-пóразъ зупинятися и мої доводи до уваги товариству подавати. Тимъ я свою роботу на двѣ части ділю, и що тільки менѣ въ повѣсти мало бъ зупинити, або її надто широко розводило, — все те въ приписки позадь своїхъ книжокъ пускаю. За однимъ же заходомъ тутъ я й жерѣла историчні вказую, съ которыхъ моя повѣсть вичерпана. Пишучи жъ наибólьшъ для того товариства, що въ великихъ городѣхъ не проживае, постановивъ я собі — не то жерелó вказувати, та тутъ же зъ ёго й виписку приточити, котора або мою рѣчь

(*) Предлагаемая первая глава истории Украины сообщена намъ авторомъ по нашей неотступной просьбѣ. Намъ хотѣлось показать началомъ этого обширнаго труда почтеннаго нашего сотрудника, въ какой степени языкъ украинскій способенъ къ строгому научному изложенію столь-важнаго предмета, какъ исторія. Самъ авторъ не признаетъ еще этой главы оконченою ни въ литературномъ, ни въ ученѣмъ отношеніи. По окончаніи перваго тома его исторіи, говоритъ онъ, весьма можетъ случиться, что эта глава будетъ написана вновь. Какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что читатели наши прочтутъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ.

Ред.

в'ясняє, або ширше діло оповідує. Тимъ способомъ, вкупі зъ своєю *Исторією*, ніби ще й хрестоматію виписокъ подамъ я гостинця на Україну. Въ насъ бо по маленькихъ городяхъ, селахъ и хуторахъ хибá десяту долю тихъ книжокъ—та й то на тисячі верстахъ—изнайшóзъ би, котóрі истóрикъ до свого діла поперечитує. Тимъ—то нашъ братъ Українець, вийшовши зъ вищої школи на повітову службу, чи на господарство, найбільшъ тільки самими журналами пробува́єтця и, коли достатку не має, то до-віку тихъ книжокъ не зустрине, въ котóрихъ листокъ, чи два листки міжъ сотнею, або й сотня листків міжъ тисячею, про ёго рідну сторону оповідають. По собі знаю, зъ якою, бувало, жадобою коло книжокъ истóричнихъ приписки перечеитуєш, котóрими себе писателъ перелъ товариствомъ оправляє. Іноді було й про самого автора зъ ёго розумованнямъ байдуже, а ёго приписки нові мислі въ голові засідають. Такъ же, може, інший читателъ, заглянувши мимохідь у мій текстъ, нечитанимъ ёго покине; маючи жъ свій, некупований розумъ, по моїхъ випискахъ пійде, и, чогó здобути більше нігде,—залибкі тутъ повичитує. Багато бо єсть такихъ книжокъ, до нашого діла потрібнихъ, [котóрихъ ні за які гроші не доскочишъ, котóрихъ іноді на всьому світі пять, або шість екземплярівъ и єсть по бібліотекахъ далєкихъ. Щó жъ сказати про рукописні жерела истóричні? Тутъ ужé трéба притьмомъ сво́ю повість широкими приписками поза́дъ книжки доповняти. Такъ же воно́ й бу́де въ мене, и, певно, ніхтó за те на мене не порéмствує.

Мүшу жъ тутъ іще словцє додати: що які бъ ні були въ мене виписки, всі вони друкуватимутця тільки про людей таму́щихъ, котóримъ нічого вже сь чужо́ї мови на нашу перекладавати, або старі, забу́ті слова новими приписками в'ясняти. Котóрі книжки б́удуть у мене підъ рукою въ перекладі, а оригіналівъ не ма́тиму, сь тихъ я б́уду перекладною мовою виписувати; якъ же тільки можна б́уде приточити виписку зъ оригіналу, то вже мүшу перекладъ геть одсунути. Трапляєтця бо часомъ такъ, що перекладчикъ не збагнє, якъ воно́ тамъ іменно сказано, и словомъ своїмъ противъ оригіналу схи́бить ⁽¹⁾.

(1) Два такихъ случáї неда́вно мні, за моїмъ діломъ, наверну́лося. Въ *Києвськихъ Памятникахъ*, въ томі 1, третей нумерації, на стр. 70, козакі, попавши́въ Полякамъ у руки, одвітують на розпрóсі, по перекладу сь Польского, такъ: «...при первой потребности, какъ скоро паны гетманы были схвачены и войско было разбито...», а самі Поляки записали козацькі слова такъ: «...w pierwszej potrzebie, kiedy P. P. Hetmanow poymano, u woysko zbito...»

А випискі роблятьця почасти въ такихъ случаяхъ, що не то що, а й саму ходу річи треба узяти до уваги.

Ще одне слово. Піднявшись *Історію України* написати, мѣшу я догодити землякамъ, которі Україну своєю кохають и шанують. Що жъ, якъ не ту вони въ мене старовину побачать, котору звикли собі по книжкахъ виображати? Звикли въ насъ на історію України крізь наше козацтво споглядати и кругъ козацтва все рідне дієписання обертати. Тимъ часомъ саме козацтво було тільки буйнимъ цвітомъ, а іноді й коліщимъ бодякомъ середъ нашого дикого степу. Росло въ насъ де-чого багато й опрічъ козаччини, и все те, що росло, цвіло, умірало и наново въ иншому виді родилося, все те історію нашої України стаповить. Тимъ-то усяку силу мѣшу я зарівно вважати, котора тутъ зъ иншими силами боролася, а пильнувати найбільшъ того, що въ давні часи для часівъ дальшихъ учинилося, та й до насъ попереходило. Не скрізь козаччину треба намъ на давнину дивитися, а зъ давнини на ближчі до насъ віки, а въ нихъ и на козацтво споглядати. Давню історію України Татарщина намъ перебила. Після Татарщини нові порядки по Україні постали, и тільки пам'ять про князівъ та їхъ усобиці зосталася. Густимъ туманомъ покрилися ті віки дотатарські, и наука не багато вдіяла, той туманъ розганяючи. Тимъ-то перейдемо ми у двоохъ, у трьохъ главахъ ті літописні споминки, та вже тоді своєю річчю на всю ширину пієтимо, якъ до Литви й Ляхівъ доберемося.

Отсе жъ, поблагословившись, зачинаємо своє оповідання, товариству на вжитокъ, молодімъ до читання, старійшимъ до розумного рахування. «Се начемъ повесть сію.»

Напустивъ би історикъ туману своєю випискою съ перекладної річи; а зъ оригіналу всякий тямущий побачить, що тутъ іде діло не про якусь *потребу*, а про воєнну потребу під Корсунемъ. — Другий случай: Святославівъ оселедець памятає все по Карамзині (*Ист. Г. Р.* изд. 2-е, I, 192), а самъ Карамзинъ довідався про його чубату голову одъ Лева Дікона, котрий, мабуть, бачивъ Святослава на свої очі. Історію Лева Дікона переложивъ на Московську мову Д. Поповъ и надрукувавъ року 1820. У тому перекладі про Святославу чуприну написано такъ (стр. 97): «Голова у него была совсѣмъ голая, по только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода». Тимъ часомъ у п. Соловьева, въ *Истории России* (т. I, стр. 139) читаємо: «Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшего по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхож-

ГЛАВА І.

Сь-поконь-віку Поляне громадськими вічами правувались. — Данину Козарамъ платили. — Князькій-Русь Новгородську земаю опанували. — Подпірняцину під свою руку нахилили. — Князькій полідною и сѣднѣю даниною користувались, и сь Гречькою землею торгували. — Вбйвшись у силу, князькій громадське право почали зневажати. — Поділивши земаю міжъ своїмъ родомъ, усобицями її пустощили. — Тимъ часомъ увесь Руський миръ підъ нїмъ до-купи збїрався и самъ зь собою почавъ обїзнаватись. — Гречька віра ше й більшъ тому допомогла и Польнську людськість по всіхъ Руськихъ сторонахъ роспростѣрла.

Якѣ була зь давніхъ часівъ доля нашого рідного краю, зазнаємо тільки за тисячу роківъ. Въ ту давнину, до котрої не сягає наша писана пам'ять, мусило перевернутись на Україні людей багато, а якъ вони звались, намъ и того не переказано. Тільки прослідокъ їхъ по давніхъ кладовищахъ невіголосоихъ знаходимо, та божїща їхъ кам'яні по степовихъ могилахъ стоять нїмѹючи. Мусили жъ ті недовідомі намъ народи жити въ нашому краї перехожими зь міста на місто скотарями. Певно, вони одїнь одного проганяли, одїнь у одного—хто дужчий—одбивали найкращі паші підъ свої табунї, гурті, отари: певно ще тоді землі въ нашому краї не орано. Якъ же степова подпірняська обширь вбїлась у хлїборобство, тоді вже, мабуть, одїнь людъ на сїй обширі загнуздівся, и вже кочовники не подѹжали єго зь розкішної ролі, оба-поли Днїпра, зігнати. Зовемо ми народъ сей—звідкіля бъ вінъ ні взявся—Українськимъ, бо давно вже вінъ живе на узгранїччі двохъ великихъ народівъ, не мїшаючись ні зь однімъ, ні зь другимъ, ані свого обличчя, ані свого дѹху не одміняючи. Назвався сей народъ Русь, сь того часу, якъ почали надъ нимъ захожі зь Балтїцького побережжя князькі-Русь панувати. Якъ же ще нїякого князювання на подпірнящині не заводилось, згап нашихъ предківъ сусїде Полянами, що вони въ поляхъ кохались; а вони своїхъ близькихъ сусїдъ звалп—абѣ Деревляне, що жили по пущахъ, абѣ Сїверїне, що къ півночі одъ нихъ по Десні, по Сїйму, по Сулі порозсѣлювались ¹. Далѣкі жъ сусїде въ Полянѣ були—кѣ півночі: Дреговичи—поза річкою Припеттю; Крївичи—у верхів'яхъ Днїпра; захожі Славїне безъ прїзвища—коло Ильменя озера; Радївичи—по ріцї Сожї; Вїтичи—за

денїе». Кому жъ теперъ давати віру: чи Карамзину й Д. Попову, чи п. Соловьеву? а оригінала де взяти, живучї підъ Лубїями абѣ коло Лохвиці, щобъ дойти правди? Тимъ-то наша вїписка сь Гречького оригіналу и стає тутъ у пригоді чоловікові тямѹшому.

річкою Окю; а къ полудню: Дуліби або Хорвати — по ріці Бѣгу; Угличи и Тивѣрці — по Дністрі.

Чи велика, чи малá була подніпрянська ѡбширь землі Полянської, чи густо, чи зрідка залюднили її наші хліборобні прѣдки, доказати сѣго не докажемо. Знаємо тільки, що Поляне, та й їх сусіде, правились міжъ сѣбе вічами, — сказати би самімъ віщаннямъ словеснимъ, — и старі люде на тихъ вічахъ замість писаного закону імъ ставали². Знаємо такожъ, що нападали на наші пахарські городи й сѣла розбишачькі народове, которі, не вмівши зъ землі користь узяти, рабуваннямъ чужихъ осель живилися. Запевне, наші прѣдки одъ іншихъ добре одбивалися, якъ же була не сила, то одчипного платили, чи то, мовлявъ, данину давали. Найдужчий сь тихъ не-пахарськихъ народівъ були Козаре. Не здолівши супротивъ нихъ стояти, платили імъ наші стародавні прѣдки дань. Самі Козаре стояли своїми кочовищами у степахъ по-надъ Волгою и звідтіля ходили до насъ за даниною.

Одного, мовлявъ, батька, та не однакові діти. Такъ мусило бути й міжъ нашими прѣдками Полянами, що не всі однаково до ролі привикали, не всі однаково своїй долі корились. Інші по пущахъ сѣлами сидали и звіроловствомъ та пасіками кормилися, якъ отъ Деревляне, а другі, мабуть, по далєкихъ земляхъ торгомъ ходили, поки собі користне місто коло Ильменя озера вподобали и *новимъ ігородомъ*, замість Києва, чи, може, якого ще давнішого города, сіли³. Дотепні, мабуть, були й сміливі люде ті Новгородці, що на видноці, якъ и Поляне, на самому шляху водяному зъ Балтики въ Чорне море сіли и зо всіми хижакіми, що зъ одного моря въ друге швѣдали, вміли якось поводитись, а вкоренившись міжъ ліснимъ и звіроловнимъ людомъ, добре розжились и росторгувалися⁴.

Въ ті неспокойні, гвалтовні часи по-надъ Балтицькимъ уберєжжямъ оружні хижакі куєвдились, котрихъ нашъ літописецъ Несторъ зве по-Царіградській⁵ Варягами, и зъ людськихъ осель плати собі на зброю вимагали, або й до щенту жакували и пліндували. Вони, ті оружні хижі люде, опанували якось и Новгородъ та, осівшись поміжъ Новгородцями, усімъ краємъ навкруги орудували и данину сь Кривичівъ, Мєрі, Вєсі и іншихъ народцівъ брали. Послі почали воїни, мабуть, дуже на людей налягати и за живє заколупувати, що Новгородці зъ сусідами узяти собі думку й волю єдину, усі разомъ на нихъ піднялися, изъ своїхъ городівъ и сілъ їхъ повигнали, перестали імъ данину давати и самі міжъ сѣбе почали правуватися. Воно жъ

би й добре, та великі чвари міжъ ними щось постали, тяжкі бої счинилися: не стало правди въ нихъ, мовлявъ літописець. Тоді зновъ якось міжъ себе погодились и іншихъ уже збройнихъ людей до себе призвали, якихъся поберёжнихъ князківъ зъ родомъ и дружиною, котрі себе Рूसю звали. Рюрикъ якийся, Русинъ, піднявся зъ братами порядкомъ Новгородцямъ и їхъ сусідамъ давати и одъ іншихъ хижаківъ їхъ боронити (року 862). Сі вже здобисьники зъ Новгородцями побратались и вкупі зъ ними далёко свою власть на сусідні землі розпростёрли.

Впорядкувавшись ізъ князками дома, Новгородці й на своїхъ земляківъ Полянъ оглянулись, котрі тоді Козарамъ данину платили. Якъ мають вони чужихъ людей користувати, то нехайъ лүчче нашому князеві на зброю складуються и одної зъ нами голови послухають. Така, певно, була въ нихъ думка, якъ вони съ княземъ своїмъ и ёго дружиною на вічі радували. И отсе вже, кликнувши на охотника по сусідніхъ землякахъ, по Чуді, Мєрі, Вєсі и Кривичахъ, настягали Новгородці до себе кїпу людей велику. Переволікся зъ ними князь Олєгъ черезъ Волокъ, зъ річки Ловати на Дніпрѣ, и попливъ Дніпромъ унизъ, села й городи підъ одну силу підклоняючи, данину накладуючи и охочихъ людей на воєнну здобичъ закликаючи. Тоді ще мало було проїзду літомъ по пущахъ. Скрізь якъ півночі стояли пущі величєнні; а болотні затони та озєра по всіхъ низинахъ извивалися: ⁶ то мусила стародавня Русь байдаками плавати и торгї свої и воїни водою одбувати (торгї бо тоді зъ воїною поручъ одправувалися). Дорогу Дніпрову знали сі люди добре, бо здавна звикли одъ Балтики черезъ волокъ на Дніпрѣ спадати, Дніпромъ далёко внизъ гуляти и ажъ у Чорне морє за торговою чи боєвою здобиччю вганятись; тільки що невеликими кїпами ходили, то мусили якимъ крамомъ зъ поберєжанами съ човнівъ своїхъ крамувати, або зненатька села шарпати, а данину зъ року въ рікъ не змогли хижакї на селянъ накладувати. Де-які, спускаючись у морє, до Царьгорода дохожали и въ Грецького царя служити наймалися; а потімъ знову до своїхъ вертали и гайдамацтвомъ хлїба собі добували. Були жъ, мабуть, коло боку въ Олєга всякі: и такі, що торгівати й шарпати вміли, и такі, що въ Царіграді на слўжбі побували. Де вінъ зъ ними повернувся, всюди взявъ гору. Вже ёму городъ Смоленське піддався и ёго княжого мїжа зъ дружиною, чи то бь намістника княжого, до себе на людський хлїбъ прийнявъ. Піддався Олєгові й Любечъ. И тамъ вінъ свого княжого мїжа зъ залѳ-

гою посадивъ, щобъ уже ніхто данини зъ Любечанъ не вимагавъ, щобъ уже данина на князя й на ёго дружину йшла. Тимъ часомъ Олѣгови потуги більшали. Незабаромъ вінъ и підъ Кіівъ підступивъ. Не спречалися Олѣгови Княне, за князя ёго до себе приймали, и на оружню й на судову данину згодитись мусили.

Осівсь Олѣгъ на горахъ у Києві, не звелівъ більше Козарамъ дані платити, поставлявъ нові городи на узграніччяхъ Київськихъ, понахиливъ підъ свою волю Деревлянъ, Сіверянъ и іншихъ полуденнихъ сусідъ Поліанськихъ, и широко почавъ гетьманувати. Опѣ жъ въ-осени й зимою їздивъ князь изъ дружиною на влові—добувати хутерь; тутъ же полюючи ходивъ и на полюдда, чи то бъ то по людськихъ оселяхъ збирати княжу дань, подіміне, чи якъ воно тоді въ насъ звалося ⁷. Тутъ уже сільскá громада гуртомъ ёго підіймала, меді й пивá ждучи ёго варіла и всю ёго дружину вгонбляла ⁸. Тутъ ёму на судъ свої справи, яко третёму судді, оддавали и судову данину складували. Тутъ вінъ, вьюки навіязуючи и вози накладуючи всякого добра, одсилавъ до свого княжого гóрода, щобъ було ёму съ чо́го своєю дружиною зодгати, харчити и коло свого бо́ку охотою вдержувати. Тутъ и дружина княжа и на вловахъ, и на збиранню княжої роківщини добре роскошувала, що мусили селяне зъ останнёго добра хижаків тихъ оружнихъ задовольнити и одъ себе въ другі села випровожати ⁹.

Такъ усю осінь и зиму промишляли князьки—Русь, Олѣгъ и інші, що після ёго нашимъ краємъ орудували, и що въ нихъ було залишне, те въ городахъ перепродували, скáрби збирали и тими скáрбами собі дружину прибільшували. По весні жъ човни споружали, ме́домъ, воскомъ, хутрами, бранцями, котóрихъ бо́емъ добували въ сусідъ, наладовували и до Чóрного моря спускались. Було тоді Чóрне море ще не Турецьке й не Татарське; то всі береги Кримськи, Дніпрóві жерела и Білоберезжя, чи, якъ навпóсмі ёго въ насъ звáно, Килимське поле, все те було ще добре залюднене и городами Грєцькими осáжене. Було де Варягамъ торгувати, було де й нападóмъ шáрпати: у ті бо давні часи торгóві лю́де ходили оружно, и князі—Русь и зъ своїми дружинами не для чо́го, якъ для торгóвої при́белі по далєкихъ зємляхъ и моря́хъ швєндали ¹⁰: що въ одній землі бо́емъ здобували, те въ другій на до́бру одєжу, на доро́гý збрóю, або на бис-трі ко́ни мінвали. То була їхъ честь и сла́ва; тимъ вони й сла́ву своєю любили, що вона їмъ золото́ю зда́валась ¹¹.

Отъ же й Олѣгъ, підклонивши підъ себе Деревлянъ и иншихъ сусідъ, разъ-поразъ спускався, зъ своєю дружиною та зъ охотникомъ, Дніпромъ у море, то шарпаючи Грецькі побережжя, то мініючись изъ Греками своїмъ полюднимъ и здобичнімъ добромъ. Далі добравсь и до Царягорода, и почавъ ёго огнемъ и мечемъ навкругі пліндрувати. Вжахнулися Греки и, знавши, чого ёму треба, поступили ёму данину, яку схоче. Гляньмо жъ, що вимагавъ и вимігъ Олѣгъ одъ Греківъ. Поступлено ёму по дванадцять гривень срібла на човенъ ¹², та ще особію на тихъ людей оружнихъ, що осталися на Україні стерегти городи: Київъ, Чернігівъ, Переяславъ, Полоцьке, Ростовъ, Любечъ и инші. Далі — якъ прийде Русь торгувати въ Цариградъ, то ніякого жита Грекамъ не платитимуть, та ще Греки мусять харчувати їхъ зъ весні ажъ до зими, поки додому вернутця, та й на дорозу харчами, якорями, канатами, парусами и всякою потребіжною — обміслити. А за се Олѣгъ убезпечивъ Греківъ, що, торгуючи, не буде Русь на села нападати и торговихъ людей Грецькихъ рабувати ¹³.

Оце жъ уже князьки—Русь одъ моря до моря водою й суходоломъ владали, бо, осівшись у Києві, державъ Олѣгъ Півгородъ и инші верхові землі за своєю сторожею и бравъ зъ нихъ на свої залози оружні не малу данину, — изъ самого Півгорода триста гривень срібла. Може бъ Півгородъ и ёго узграничане й не схотіли бъ уже Олѣга послухати, такъ осягъ же вінъ и позаймавъ Варизькими залогамъ усі землі низові ажъ до Волги; то було де на охотника клікати, було чимъ и військо вдовольнити, — страшна була ёго сила. Та ще жъ тимъ вінъ, мабуть, верхові землі до себе притягувавъ, що вони хлібомъ зъ низовихъ земель заживлялися, що якъ-би не пустивъ торговихъ людей съ хлібомъ угору, то верховикамъ довелось би голодувати ¹⁴.

Оце жъ уже наставъ инший порядокъ на Україні, якъ почали князьки—Русь її оберігати, зъ неї собі данину брати и своєю, Руською землею її називати. То правили землею старші родовики, громадські мужи, сходячись изъ двохъ, изъ трьохъ, изъ десяти сілъ у одне місто на народне віче и не було більшъ ніякої власті на Україні, а теперъ уже коло князьківъ старшина оружня настала, боярами звалася, по городахъ замість самого князя зъ дружиною спділа, а дружина, яко народъ оружний и одягний, тежъ одъ селянъ одрізнялася, до роботи не бралася, а все тільки воєнною здобиччю та полюднимъ живілася ¹⁵. Ні податку, ні одбутку ніякого, опрічъ служби

підъ книжою рукою, дружинники не знали. Тимъ-то въ дружину щонайкращі люде вписувались, и ніби якийся особний нарідъ середъ люду Українського зъ нихъ учинився. Спершу коло князя найбільшті затызці купились, що зъ нимъ издалека вийшли и вкупі великі землі даниною своєю обложили. Якъ же, після Олега, інші князьки, одинъ за однимъ, настали, тоді вже чужоземці попереводились, а самі тубольці Українці городи княжі оберегали, по походахъ зъ княземъ ходили, изъ сілъ полудне брали и здобичтю по городяхъ торгували ¹⁶. А якъ у князя, підъ яку несподівану пригоду, військо омаь бувало, тоді вінъ охочихъ молодцівъ до себе клікавъ, або й кочовниківъ изъ дікого степу наймавъ. Кочували тоді поузь Україну, на безлюднихъ степахъ, Печеніги ¹⁷, Половці, Тюрки, Берендіи, що городівъ и сілъ не осажували, а такъ, ордою, съ поля на поле перелігали, сусідні землі шарпали и до різанини на всякий покликъ зліталися. Отъ же й було въ князьківъ три військо: одне — дружина, сказати бь товариство, що близько коло боку въ князя держалося, друге — охоче військо зъ селянъ и городянъ, що то на здобичъ квіпились, або свою землю боронячи, підъ княжу руку купились, або жь силоміць у військо виганялись; третє — чужоземне, затыжне військо, орда степова. Все жь те важко лежало на плечахъ у прѣстого, неоружного люду: всю ту силу треба було селянамъ и прѣстимъ городянамъ прохарчити, одѣжею обмислити и своєволю їхъ, яко люду оружного, перехожого и голодного, витерпѣти. Тимъ-то, славлучи Олега князя, що вінъ поставлявъ нові городи и своїми мужама їхъ повбезпечувавъ, що вінъ и верхові и низові народи підъ одну власть зібравъ и гуртовою войною на Греківъ поміжъ себе потоваришивъ, не треба намъ ёго гетьманування на подіпринципні якийся золотичь вікомъ уважати. Коли бувъ золотий вікъ у нашій Україні, то ще до Олега, ще за тихъ давнісезнихъ часівъ, котѣрихъ наша письменна памѣть не зазнає: не одъ Олега бо, не одъ ёго княжого суду въ городяхъ и на полудді въ селахъ пішло наше вічове сільске право, що зъ роду въ рідъ черезъ невпокійні часи князькихъ усобиць, черезъ понурі часи Татарщини переходило та вже тоді почало въ вічистихъ книгахъ записуватись — а черезъ те й намъ обьявилося — якъ державці скрізь по Україні ёго зневажали ¹⁸. Певно князі, Русь пришли въ нашъ край на готове; певно, вміли й безъ нихъ Поляне воювати, коли допомогли їмъ усі землі навкруги себе підъ Києвського князя підклонити ¹⁹. Мабуть же й людськість у нихъ зъ давніхъ да-

вѣнь завелася, що, договорюючись ізъ Греками, зовсімъ не варварську рідну вони написали. Не Олѣгівъ бо то бувъ розумъ и не дружини ёго, що зросла на хижактві и въ хижактві всю свою честь и славу ставила: въ тій Олѣговій рідні вважаємо ми розумъ народу покладливого, раховитого, що давнѣ зъ сусідами знаєтця и право людське по-людській шанує ²⁰.

Вже жъ, якъ би воно тамъ ні було, а съ того часу, якъ прийняли Кияне до себе Олѣга зъ ёго родомъ за князя, починаєтця виразнійша для насъ народня жизнь по Україні. Більші одъ давніхъ потуги почали підъ княжою рукою купитись; більше почали низові землі подніпринські зъ верховими и зъ заверховинними обізнаватися; більшу здобиччъ почали наші по чужихъ земляхъ здобувати и більше світу по далєкихъ країнахъ убачати; а тимъ часомъ твердійша стала наша земля супротивъ хижаківъ городами, и всякому Українцеві — Полянину отчизна ёго поширшала: маючи бо одного князя зъ Кривичами, зъ Деревліанами и иншими своїми узграничанами, и ходючи, за ёго приводомъ, по чужихъ земляхъ, земляками своїми почали Поляне своїхъ сусідъ уважати.

Не дешево жъ наші предки за все те приплатились, бо незабаромъ почали князі—приймаки одъ Грецькихъ царівъ царювати вчитись и по Україні чужі порядки заводити. Думка—то була така въ верховихъ нашихъ Славянъ, якъ завелись у нихъ домові чвари, що свій дѣла землякові дѣці не підклонитця и свої своїхъ не такъ—то будуть право судити, памятаючи прѣжні усьобиці й обиди або рідъ за рідъ руку тїгнути, а вже князь—чужоземець одъ усякого дѣлчий и всякому чужий, то ёго третєму суду всяке підклонитця; сидючи жъ на громадському хлїбові и маючи собі судню данину рівно одъ усякого, нічого буде ёму вічовий судъ перехіблювати. Владатиме жъ вінъ тільки своїмъ княженєцькимъ скарбомъ, що на ёго силу збрійну ёму поступлять, а землею не владатиме, то й ні для чого ёму буде на суді правдою коверзувати ²¹.

До якдгось часу воно такъ и держалося, що князь ізъ дружиною, зъ боярами й дворянами своїми бувъ самъ по собі, а миръ ізъ своїми господарствами, промислами й торгами—самъ по собі; а послѣ князі, маючи по два, по три сини, почали їмъ ділення роздавати, а ті зновъ своїмъ синамъ одъ своїхъ державъ городи уділяти. То бувъ одинъ князь на всю землю (котору вже скрізь прозвано землею Руською), и одна въ ёго була дружина, и одного князя слухали воеводи, чи княжі мѣжи, що

по городяхъ замість ёго сиділи, городі оберегали и данину на ёго збірали, атó вже въ того свой, а въ того свой дружина, и воеводи свої, и свої порядки. Хочъ же й наказували їмъ батьки, діленіці уділяючи, щобъ вони старшого, великого князя—чи то б́уде братъ, чи дядько—якъ отці слухали, а про-т́е незабаромъ завелись князі поміжъ собою битись, братні діленіці собі привлащувати, гóродь на гóродь, околицю на околицю підіймáти; а городяне й селяне, люблячи одного князя, а другого не люблячи, княжу дружину охóтникомъ запомагали и криваві бої зводили, а та усобиця їхъ же зéмлі пустóшила, трудящихъ людéй по Вкраїні вбавляла и замо́жнихъ до вбо́жества доводила. И вже тоді мýсили князі що-найбільшъ ору́жного лю́ду коло бо́ку держáти, щобъ за-взятому рóдичові не підáтися; весь же той лю́дь съ княжихъ око-лиць харчу́вався. По́ки жъ знаходився охóтникъ, зазива́въ ёго князь до себе на во́єнну здóбичъ; по́ки бу́ли въ ёго скáрби, скáрбамь до себе людéй одъ ро́лі, одъ рибáльства й звíроловства примáню-вавъ; якъ же ні такъ, ні сакъ нíльга бу́ло оберну́тися, тоді людéй сíлою до во́єнного одбóтку гнали ²², а ще гíрша напáсть — хижу орду́ зъ степівъ на шарпанíну й полонíну затíгували ²³. Лучáлось не разъ, що, побíвши князя зъ ёго дружиною, нелюбíй лю́дямъ князь братню ділені́цю рабу́вавъ, якъ чужу зéмлю, а потíмъ надъ нею не я́ко трéтій судíя и застúпникъ ору́жний князю́вавъ, а я́ко самовлад́ний панъ на сво́єму дідíзному панстві, и вже тоді вічово́ї ра́ди певно не такъ—то слухáвъ и прáвду крíвдою почáсту перева́жувавъ. Тутъ ужé мýсили лю́де князькáмъ во́лі ажъ надто попускáти, а князь-ки помáлу—мáлу себе за верховíхъ владíкъ звíкли вважáти, и не то самі старода́вні звичáї переступáли, та й своїхъ підру́чнихъ до того при́звича́или.

Не трéба жъ тутъ забу́вати, що до селя́нъ дідíзнихъ, старода́внихъ, за князівъ прилучíлись селя́не нові, съ полонíянь, чи во́єннихъ брáнцівъ князькихъ и боя́рськихъ ²⁴: на во́йну бо князі ходíли до су-сідь не за одні́мъ зóлотомъ та едвáбами, не за га́бами тíльки та жем-чугáми и бисерáми: найкраща здóбичъ бу́ли въ їхъ брáнці, котóрихъ абó въ бою батувáли, абó по осéляхъ захо́пивши бра́ли. Тихъ брáн-цівъ и брáнокъ до послóуги собі держáли, абó на ро́лі осáжували, а хто не дбавъ про зéмлю, ті своїми брáнцями такъ якъ хутра́ми, ме́домъ и вóскомъ торгу́вали, и не то до́ма, та и въ Царьгóродъ їхъ на-прóдажъ вивóзили ²⁵. Оце́ жъ и завелíсь на Вкраїні сéла княжі й боя́рські спадкóві, котóрі вже ба́гатши князі й боя́ре у убо́жшихъ

скуповували ²⁶, а підъ тими сѣлами й землі вже стала княжа, або боярська, и въ ті сѣла не то князі, та й їх бояре людей изъ вольнихъ сіль переводили силою, або хитрощами переманювали ²⁷; и въ тихъ уже сѣлахъ була імъ воля що-хоті робити ²⁸; а звикши безъ упину на своїхъ волостяхъ поводитись, квапились князі и бояре, запевне, по своїй уподобі й городянами и вольними селянами орудувати ²⁹. Чернець—літописець нічого намъ про те не переказавъ: до єго въ скитъ не доходивъ жаль людей убогихъ, неоружнихъ. Князі зъ боярами ченцямъ монастирі будували и спершу самі тільки съ підручними до нихъ на молитву й на порадѹ ходили; селяне жъ прості, не покидавши довго віри своєї Славянської, поивъ и ченцівъ жахалися и, въ дорозі зүздривши, манівцями обходили, або назадъ верталися ³⁰. Віра бо Грецька зневацька міжъ нашихъ Славянъ упродажена. Стародавні Поляне, предки наші, прийшли на Україну безъ болховхальства, — се вже князі по городяхъ кумири позаводили, самі імъ кланялись изъ дружиною и, запевне, тубольцівъ кланятись неволили. Поляне жъ съ-поконъ—віку славили въ ягрищахъ и пісняхъ своїхъ сонце, огонь, воду, землю—и въ тому була віра їх ³¹. Якъ же зложився вже на Україні, за княжимъ приводомъ, станъ вищий по городяхъ княженецькихъ, то, обертаючись почасти зъ Греками, почавъ и звичаї Грецькі, яко народу славетного, великого, багатого, переймати, а далі й віру Грецьку гуртомъ заможнійші Кияне надумались прийняти ³². Пиха була не мала въ князівъ Киевськихъ: били вони добре Греківъ и іншихъ народівъ одъ Карпатъ до Кавказу и вже себе славними на весь світъ уважали; то не до вподоби імъ було хрестъ собі въ Греківъ випрошувати. Войною Русь на Грецьку землю наступила, грізно почала царівну Грецьку за свого князя сватати, и мовъ би тимъ тільки згодилась хрестъ на себе прийняти, аби царівну—християнку въ свою землю висватати. Найбільша річъ тутъ були торгї зъ Греками: ставши бо самі християнами, більший собі доступъ у Грецькі городі Русь відкрила, а потоваришивши зъ Греками, и надто почавъ Київъ и інші городі багатіти.

Такъ наша Україна изъ стародавнього свого порядку въ інший порядокъ увиходила и одні свої вигоди на другі миняла. До приходу Рюрикового княжого роду, вміла вона якось одъ околничихъ хижаківъ боронитись и въ своїхъ розлогихъ поляхъ доволі кохатися, а про-тє за князьками и їх оружнимъ людомъ більший знайшла собі захистъ. Хочъ же й приймали бідѹ городі й сѣла одъ княжихъ дружинъ и усю—

биць, та вся Рұська земля у одну силу спаялася. Ще жъ и пѣдо:
 черезъ те саме, що князі одинъ на одного войною ходили, їхъ діле-
 ниці поміжъ себе лѣчче обізнавалися и торги почали міжъ себе час-
 тійше мати, и людськості одні въ однихъ набірались. Такъ же са-
 мо й до Грецької віри, що княжа дружина съ княземъ поприйма-
 ли, та й по всій землі Рұський примусомъ роспростѣрили. Не малого
 колоту ся новина по всіхъ сѣлахъ и городѣхъ начинила; бо волхвѣмъ
 невігелосимъ тяжко було своєї слави поміжъ міромъ збѣтися и свої
 прибутки новимъ попамъ уступити. Вони на рѣдъ бунтували; по гайхъ
 одъ пошівъ криючись, розбѣями живились; якъ же княжа дружина роз-
 бѣи вгамувала, вони по цѣтрахъ и болотахъ служби свої невігелосі
 правили, старосвітські пісні, игрища таємничі зъ рѣду въ рѣдъ пере-
 казували, и довго міжъ селянъ, потай християнъ, пробували, ажъ по-
 ки церкви по всій землі Рұській загустилися и попи людей страшнимъ
 судомъ одъ нихъ оджахнули, або силою голдувати собі змусили. То-
 ді вони знахурями и знахурками по сѣлахъ одригнулися, а стародавня
 віра Славянська по сей часъ у пісняхъ, святковихъ игрищахъ, звича-
 яхъ и забубонахъ поміжъ селянами осталася. Такъ Грецька віра Сла-
 вянську віру изъ зеленихъ гаївъ, изъ лѣвѣхъ, степівъ и пашень віру-
 гувала, гаймъ и водамъ мовчати про предковичнихъ богівъ велѣла и въ
 сумовиті церкви селянъ позбирала. Повѣжчало тоді на на рѣдъ, бо
 князі, опрѣчь свого сѣду княжого, сѣдъ церковний устѣвили и за
 всяку винѣ противъ Грецького Номоканѣну платѣ владѣкамъ пѣхъ під-
 рѣчникамъ назначили ³³. Чи хто зъ дѣвчѣмъ близько зійшовся, чи дѣв-
 чина необѣчно съ кимъ полюбилася, чи хто прогнавъ одъ себе жінку,
 чи хто що вкравъ у когѣ, чи хто підпаливъ когѣ, чи хто когѣ погѣ-
 но налаявъ, — за все, про все мусили городяне и селяне не меншъ трѣхъ
 гривень срібѣ владѣкамъ платити, а три гривні тоді трѣхъ волівъ
 коштували. И вже въ церковному сѣді вѣчѣ звичаї геть уступали;
 правди тутъ голосѣми мирськими не дошѣкувались, бо въ Грецькій зем-
 лі давнѣ те повивѣдилось. Оцѣ жъ Грецькі порядки черезъ Номока-
 нѣнъ почали по нашѣму Славянському мірові ширитися и нашу Сла-
 вянську жизнь на чужий ладъ перестроювати. Владѣки по городѣхъ и
 волѣстяхъ мовъ би нові удѣльні князі постаѣли, бо въ їхъ булі и свої
 люде підначальні, котѣрихъ князі не судили ³⁴, и волѣстѣли, котѣрі
 тако жъ, якъ и княжі волѣстѣли, всяку винѣ поміжъ міромъ вишѣ-
 кували, розбѣрали и сѣдній ѣкупъ на владѣку брали. Владѣки по го-
 родѣхъ вагѣ и міру устѣвляли; владѣки десятину съ княжого сѣду, одъ

торгівчого мита, одъ дашини и одъ віри чи пені, и одъ усякого прибутку книжого на свої потребизни одбірали. Вже жъ догадатись, и въ літописця не питаючи, можна, чи владичні волюстелі дошукувались проміжъ міромъ, хто якъ вину противъ їхъ Помокавону вдіявъ, коли й за те йшла на владіку плата, якъ хто по-жіночій одинъ зъ однимъ битися začне ³⁵.

Тимъ часомъ почало й добро съ тої новини виникати. При церквахъ, при княжихъ дворахъ и мастирихъ почали книжки заводитись и що зазнае Біблія одъ початку світу, и що переказано Грекамъ, черезъ писання, одъ стародавніхъ часівъ, все те почало до насъ по троху переходити и людський розумъ розширяти. Опрічъ Біблії, котора дала початокъ світу не одному вже народові, и въ самому Помокавоні, которий Кормчою, чи то бъ то правною книгою названо, багато де-чого про інші землі й народи повисувано. Все жъ те читалось, що дальше, то все густійше по землі Руській, а хто читавъ, той неписьменнимъ розказувавъ, и такъ освітѣ помалу міжъ людьми шірился, и наша Україна почала по троху дознаватись, якъ стоить світъ и якъ жили й живуть по світу всі народи. Ще жъ се не все. Нові Христіане, упевнившись, що на тімъ світі не буде вже ні печали, ні воздыхання, а вічна радість у раю въ Бoga, покидали по часту свої сім'ї й достатки, и ходили въ Грецію, щобъ іще більшъ по далєкихъ церквахъ и монастиряхъ нової віри навчитись и про дорогу въ рай поміжъ людьми спасєними розпитатись. Паломниками такі люде звалися, и сі паломники, вертаючись до домівокъ, розносили въ народі ніби живу словєсну науку про далєкі землі й закони й звичаї. Огъ же, чогó торгіві люде не перенесли одъ Греківъ у Русь, торгуючи найбільшъ по городахъ и мало проживаючи въ селахъ, те паломники по селахъ міжъ очікими слухачами розпростірали и землю слухомъ про іншу, просвіщенну жизнь исповняли.

Ще за князя Володимера по значнихъ городахъ владіки постаїли: въ Києві, Новгороді, Ростові, Чернігові, Білгороді, Володимері на Волині. Ті владіки, для свого жъ прибутку, церкви де змогли будували, а при церквахъ школи заводили, щобъ письменство міжъ людьми розпростєрти и на пошєство письменнихъ собі заготовити. То була ще одна користь одъ віри Грецької, котора зъ собою багато й Візантійщини поміжъ насъ упровадїла. Владіки бо першимъ князямъ найповажнішими порадниками сталися, а у всякому дїлі вони за взіръ Візантію собі мали, тимъ и князямъ по-Візантійській раїли и Візан-

тійський духъ їхъ книжимъ порядкамъ надавали. А про-тє їхъ церковні судїї, котóрими вони́ сѣмї въ домóвихъ справахъ и случáяхъ судїли́, по всій Рýській землі роспростирали спокво́лі́ людські звичаї́, що тільки въ Поля́нъ сѣ-по́конъ-ві́ку бува́ли. Тільки бо Поля́нъ и, за́сѣвне, Новгородцѣвъ не довелóсь їмъ наставля́ти, що не трѣба жіно́къ со́бі крадькома хапа́ти, не трѣба по дві́, по три жі́нки разóмъ держа́ти, що зъ же́нськимъ по́ломъ трѣба звича́йно поводитись и ра́ди ма́тери, сѣстеръ и родичо́къ одъ уся́кого гни́лого слова́ вде́ржуватись. Оце́ жъ, змýсивши вся́кого си́лою, коли́ не сло́вомъ, кину́ти ста́ре ва́рварство, Гре́цька ві́ра, що́ церковнимъ судо́мъ и словесно́ю нау́кою, а що́ й кни́жками́ церковними́, надала́ більше Рýському мірові́ людськості́ и всі́хъ тихъ Кривичѣвъ, Радимичѣвъ и ї́ншу півно́чною звіро́ловню́ ди́чу до Поля́нъ, скі́льки змо́гла, припо́добила, а тимъ ча́сомъ Би́блію и пи́сьменство по всій землі́, хочъ и не ху́тко, роспро́стерла, и такъ Рýський миръ одъ ко́нця до ко́нця оди́мъ розумова́ннямъ, я́ке бъ воно́ вже ні́ було́, звяза́ла.

Пі́сля сѣ́го все́го, що́ ми сказа́ли, поди́прáвська старосві́щина, ті́ давні́, глухі́ ча́си, якъ і́ще одно́ одно́го Поля́ниномъ, Кривичемъ, Радимичемъ, Деревля́нцемъ, або́ Дулі́бомъ чи Тиве́рцемъ зва́ло, такъ у на́шому умі́ визна́чаютьца. Далѣ́ко одъ старе́нзної Гре́ції, що́ вже давно́ здоро́ву си́лу втеря́ла, далѣ́ко й одъ за́хідні́й Евро́пи, що́ са́ме поча́ла въ си́лу вби́ватись, ле́жали кра́їни безъ грáницъ, стра́шенними́ пу́щами покрива́ні, вели́кими, ширóкими рі́чками, о́зерами, недо́ступними́ боло́тами́ попере́тинані́, по́вні́ зві́ря и пти́ці вся́кої, по́вні́ ди́кої бжо́лі, що́ по ду́плахъ ві́ковичні́хъ ду́бівъ и со́сенъ са́ма со́бі ро́їлася. Гу́ртами́ круторо́гі́ ту́ри по ї́й бу́яють; табу́нами ди́кі ко́ні по ї́ї степа́хъ, по во́льнихъ тра́вахъ но́сятца; ло́сі, о́лені́, сѣ́рни, суга́кі одъ вовкі́въ по те́мнихъ не́трахъ ша́рахають. Ди́ко, пону́ро по тихъ кра́їнахъ; людський́ го́лосъ рідко́ де чу́ти. Скрі́зь я́чáть лебеді́ та гу́си на ти́хихъ во́дахъ; скрі́зь гомоні́ть лі́сове́ пта́ство та шумля́ть, якъ те мо́ре, високо́верхі́, зъ ві́ку перу́бані́ пу́щі. Тільки́ понадъ Дні́промъ людські́ осе́лі́ позайма́ли узгі́р'я́ й доли́ни та́ понадъ При́петтю́, Око́ю и ї́ншими́ рі́чками ту́лятьца́ по боло́тинні́хъ за́росляхъ се́ла, хова́ючись одъ ли́хихъ сусі́дъ и по вся́къ ча́сь споді́ваючись на́паду. Лі́томъ нема́є про́їзду́ впо́перекъ Укра́їни за вода́ни́стими́ низина́ми; зі́мою тільки́ звіро́лови та чужозе́мні́ торго́ві го́сті прокла́дують доро́ги черезъ боло́та́, черезъ о́зера, скупóвуючи́ шку́ри й воскі́ на виво́зъ у Німе́цькі́ и Гре́цькі́ зе́млі. Упо́довжъ Укра́їни

йде велика водяна дорога съ півночи на полудень. Оружний людъ простує хижими кѹпами зъ Варязького побережжя въ багату Грецію шукати кращої долі. Обізнавшись изъ нимъ, почали наші Славяне тихъ прочанъ до себе оборонцями й сѹддями приймати. За їхъ приводомъ, Повгородці підклонили підъ одну власть своїхъ сусідь півночнїхъ, а Поляне—своихъ сусідь полуденнихъ. Тимъ способомъ всяка земля, чи близька, чи далека одъ Полянъ подпирняськихъ, почала зъ ними обізнаватися и людськості звідсіля набіратися. Съ Києва князі на полюддя ходили и всю зіму зъ дружиною по селахъ переходомъ гуляли. Съ Києва вонї у свої діленіці прибували и зъ собою готову дружину привозили. Съ Києва жъ почали навпослі й владикъ по городахъ ставити и весь причтъ імъ изъ людей Киевськихъ давати. Потімъ у Києві манастирь Нечерський проявився и школою чернецтва на всю Руську зємлю стався. Оце жъ съ того року, якъ Княпе піддався Олєгові, почали Поляне на всі сторони всіма способами свою людськість розпростирати, а далі (якъ побачимо нижче) и степовихъ дїкихъ хижаківъ, що по давніхъ узгряниччяхъ поза Сулою, поза Стугною кочували, и тихъ почали Поляне оговтувати, на узгряниччяхъ городами осажувати и въ своїхъ людей претворати. Такъ Україна и волею й неволею зъ нерухомости вийшла, на всі сторони свіжими силами кинулась и зъ розкиданихъ по безкраїй обшїрі народівъ одну Русь учинила. Не дешево жъ їй сей великий подвигъ обійшовся: набралась вона всякого лиха одъ самихъ тихъ козарлюгъ, що по всьмѹ світу її вєлавили и одъ сторонніхъ хижаківъ оборонили. Хотъ же вонї, воюючи и порядкуючи, тільки за здобиччю гавялись и хижакѹ пихѹ вдовольняли, а про людське добро мало дбали, та все жъ, за їхъ приводомъ, паша Вкраїна духъ свій народній у боїхъ и пригодахъ загартувала, та й дальшимъ, уже не княжимъ, а козацькимъ вікамъ той самий гартъ передала. Тимъ—то й годїтца намъ у свою історію їхъ подвиги криваві повгисувати и їхъ дїкі, боїві образи передъ потомками вповажнити.

ПРИПИСКИ ДО ПЕРВОЇ ГЛАВИ.

1) Не самі себе, мабуть, прозвали сі люди Полянами, Деревлянами, Сїверянами: до сєго бо часу наші Чернігівці звать Полтавцівъ Полєвиками и Степовиками, а ті звать Київцівъ, що живѹть вісєе Києва, Полїщуками, такъ само, якъ задесєнськихъ Сїверянъ—Литви-

нами; самі жь Полтавці и верхові Київці не говорять про себе: «Ми—Полєвики, ми—Степовики, ми—Поліщуки», все одно, якъ и за-Десенні не скажуть про себе: «Ми—Литвини». Певне, вони звались поміжъ себе тільки Слав'янами, розуміючи слово одно другого.

2) П. Солов'євъ, розбіраючи літописця Нестора, докладно вивівъ, що въ XI віку мусивъ Несторъ позаписувати споминки про IX-й и давнйші віки, розуміючи діло по своєму часові,—тимъ вінъ и князівъ натворивъ Полянмъ ще до Аскольда и Дира. (*Истор. Росс. III. 123*). Справді нічого й споминати про Кія, Щєка и Хорйва, которі ніби-то княжили въ Полянѣ. Чужоземні писателі, якъ отъ Прєкопій, заперяють, що Слав'яне правувались спєршу безъ князівъ, радами; та й самъ Несторъ пише, що до Кія (про которого не просто оповідує, а приписує: *якоже казують*) Полянє «живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», и въ літописці Переяслава Сѹздадьского записано: «а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей».

3) Несторъ хвалить найбільшъ Полянъ, бо й справді пахарство ладнає міжъ собою людей найкрасче и звичаї імъ надає найкрасчі: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣньє къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣньє имѣяху; брачныи обычаи имяху: не хожашє зять по невѣстѹ, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдалучє». (*II. С. Русск. Лѣт. I, 6*). А Деревлянъ Несторъ гудить, що вони «живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бывашє, но умыкиваху уводы дѣвця (¹). И Ра-

(¹) П. Солов'євъ, въ своїй *Исторіи Россіи*, говорить, що Несторъ мусивъ бути самъ Поляниномъ, тимъ и хвалить Полянъ, бо отъ же, каже, и въ XVII віку въ Полянѣ ханали собі жінокъ, такъ якъ, по Нестору, було тільки въ Деревлянѣ, Сіверянѣ и иншихъ Слов'янъ, та й адвася на Боплана. Шкода, що п. Солов'євъ не завваживъ, якъ пісенітницю розказує Бопланъ на томъ жь самому листку, де й про ханання жінокъ говорить: безъ соромѣ верає, що ніби-то наші дівчата-Українки самі ходили свѣтати за себе любого паробка. Якъ же такому оповідачу давати віру, та ще й Нестора нимъ вивисняти? Самъ Бопланъ попередить, що дуже вже перехитивъ, та й каже: Pour moy, en dix sept ans que j'ay esté en se pays, ie n'ay point ouy parler que cela y soi arrivé,—щобъ ухопивъ собі сілою жінку, а историкѹ байдуже! Байдуже єму й на те, що, по Боплану, паробки не тільки своєю рівню такъ ханали, та хочъ би й нѣськѹ дитину. Аби вхопивъ та перековався зъ нею сѹтки, то вже, каже, й оддають за єго. (*Description d'Ukraine, etc., par le Sieur de Beauplan, a Ruen, MDCLX, p. 64.*) Той же самий Бопланъ у тій же книзці пише, що пані знушались и гордували дуже підданими. Якъ же дочокъ своїхъ ханунамъ оддавали? Убогі, задавнені люди ханують собі дочокъ у панівъ, и пані посли не спречаютця. Се якъ разъ годитця въ учєну цитату до Нестора!... Ils sont contraints, пише Бопланъ, de donner à leurs mestres ce qu'il leurs plaist demander, de sorte que ce n'est pa merueil si ces miserables n'amassent iamais rien, assuietis qu'ils sont à des conditions si dures:

димичи и Вятичи, и Сѣверъ одинъ (такий же) обичай имѣху». (Тамъ же). Отó жъ певно все бувъ народъ звіроловний, а не пахърський (1). Що Сіверяне и Радимичи не сховались у пущахъ одъ хижаківъ Козаръ, то се тимъ, що вони жили по сей бікъ Дніпра; Деревляне жъ мали собі захистъ: одно—Дніпрó, друге—Полянь, а трете—великі пущі и болотá; то жили народомъ дикимъ и вольнимъ, и самóму Олégови не зъ разу піддалися, а послі на Игоря повстали. Мабуть, неволя їх змусила до такого звичаю, щобъ жінокъ собі силою хапати, бо Поляне, живучи на ролі, не давали своїхъ дівчатъ (якъ-то домислитися можна) волоцюгамъ, що одъ нихъ по гайхъ поросходились, не хотівши, мабуть, укúпи на ворогівъ бити, або данину хижакамъ давати. Послі вже, якъ обжились у пущахъ, то й самі въ себе, старимъ звичаємъ, дівчатъ хапали. Истóрия іншихъ народівъ, що зъ розбишакъ постали, догадку сю підпирáє. Новгородці жъ, видно, не съ такихъ волоцюгъ зложились, бо про нихъ Несторъ не споминувъ, говорючи, що й Радимичи, и Вятичи и Сіверъ одні звичаї мають, та и вся їх истóрия свідчить, що вони більшъ до Полянъ, анижъ до якихъ Вятичівъ, чи Радимичівъ приподоблялися. Се, мабуть, були добрі молодці, котóрі човнами по широкому Дніпру гуляли, всі ёго притоки зйздили та й до славного óзера Ильмєня перескóчили, и Новгородъ собі, на взіръ старóго надніпрянського гóрода, надъ рíчкою Волхвою збудували. Хочъ же й змусили їх заморські хижаки дань собі давати, та глянью, яко́го дýху се були люде: «Изгнана Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ владѣти». (П. С. Русск. Лѣт. I. 8.) Тільки жъ, що навпóслі, мабуть, багатші на убожшихъ насили, або одна сторона другу обижала, чи городяне селянь утискали, або Новгородці Мєрю, Вєсь, Чудь почали підъ себе підгортати, а ті, мабуть, не давались,—тимъ и написавъ Несторъ: «и не бѣ правды въ нихъ». Тоді-то, мабуть, знемігшись у чварахъ та бояхъ, якось поміркувались усі—старшу голову, князя, изза моря собі вивзати. А що *новій гóродъ* надъ Волхвою (2) бувъ сiномъ старóго гóрода надъ Дніпрóмъ, видно по мові й звичаяхъ Новгородськихъ (дарма, що Иванъ III Московський десѣтки тисячъ сѣмей у

Mais c'est encore peu de chose, car leurs Seigneurs ont puissance absolue, non seulement sur leurs biens: mais aussi sur leurs vies (а дочокъ не однімають!), tant est grande la liberté de la noblesse Polonoise (qui vivent comme en un Paradis, et les Paysans comme s'ils estoient en un Purgatoire). (Тамъ же, р. 8).

(1) Збивáє сю догадку одно словце у п. Соловьева, що Радимичи платили данину Козарамъ, а потімъ и Олégови по два шєляги одъ *раза* (Ист. Рос. I, 110). Тільки Несторъ про *радо* не говорить, а пише такъ: «и влаша Олégови по шєлягу, якоже и Козаромъ даяху». (П. С. Русск. Лѣт. I, 10). Ще разъ написавъ Несторъ про сю данину: «Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма». (Стр. 8). А все—такі про *радо* нема въ ёго рѣчи.

(2) Самі Новгородці говорили *ся* Волховъ, а не *сей* Волховъ: «Волховъ наша сѣ молоду не молола, а чи на старость учнеть молоть?» (П. С. Русск. Лѣт. IV, 297).

глибоку Московщину виселивъ, а Москалівъ сюди понасилавъ, а Іванъ IV Грозный ще більше Новгородцівъ, старихъ и новихъ, вигубивъ); та й по тону самого літописця нашого те жъ саме завважити можна. Ось бо погляньмо. Піднівши зъ собою людей охочихъ до здобичи зъ своїхъ підручнихъ сусідъ: Чуди, Мери, Беси, Кривичей, Олѣгъ пришовъ до Києва и заявивъ, що Новгородський князь має до ёго право: »и рече Олѣгъ Асколду и Дирови: вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, вынесоша Игоря, и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира«. (Тамъ же, 10). Київъ прийавъ до себе Олѣга Новгородського безъ бою. А навпослі Новгородъ просить собі за князя, для порядку, кого-небудь изъ молодихъ княжатъ у отця їхъ, Київського князя Святослава. Владимѣрь князь изъ Новгородцями вируговує съ Києва Ярополка; Ярославъ—Святополка; и завсегдѣ—чий Київъ, до того тягне й Новгородъ, и не одриваетця вінъ одъ Києва ажъ до Татаръ. Та й Несторъ, гово́рючи, якъ прозивались сусіде Новгородські, про самихъ Новгородцівъ пише, що въ нихъ не було ніякого такого імення, якъ отъ: Вєсь, Чудь, Мєря, Кривичи, а звались вони по-старому Славянами. »Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша ѿ Новгорода«. (Тамъ же, 3). Вбачаємо въ тому ознаку, що Новгородці прийшли на Ильмєнь, якъ ужє тамъ були йшші народи, бо каже літописецъ *прозвашася*. Не самі вони себе прозивали, а сусіде. Чого жъ вони звали їхъ Славянами, б́вши й самі (якъ домисляютьца) тежъ Славянами? Ото, ма́бутъ, сі Славяне позаходили здавна и осіли поміжъ народівъ не-Славянськихъ и зъ ними вже певно помішались; якъ же прийшли чисті подніпрянці, то якъ інше було їхъ прозивати? Подніпрянами не до-ладу, бо Дніпро бувъ далеко; Полянами тежъ не впадало, бо вони поля покинули; а народъ вони були чистий, архи-Славянський,—отъ и »прозвашася своимъ именемъ«. А що не прозвано їхъ по ріццї або по озеру, то се—домисляємось—тимъ, що вони мусили прийти торговими гостями міжъ давніхъ тубольцівъ, а якъ були люде порядку вєчого, ніжъ Мєря або Вєсь, то заразъ собі »сдѣлаша градъ.« Глїньмо: ні про ко́го не сказавъ Несторъ, щобъ прийшовши заразъ градъ зробили. Певно, то були люде зъ города за́хожі; певно жъ було що й оберєгати въ городі; певно жъ и порядку були сі люде вєчого одъ сусідъ, коли́ городомъ уміли сидіти. И показує—та́ки дальша історія, що вони були поміжъ верховими Славянами передовиками, бо завсегдѣ були серцемъ всіхъ окр́ужнихъ народівъ. Глїньмо жъ ище й зъ др́угого боку. Якъ осілись Новгородці надъ Во́лхвою, то й Поляне ніякъ інше їхъ не звали, якъ Славянами, або, по *новому* городу, Новгородцями (причина та жъ са́ма, що й у сусідъ Новгородськихъ),—все одно́, якъ пізнійші Українці Запорожанъ прозивали по Поро́гахъ Запоро́зцями, по Дніпро́вому Нізу Низовцями, а про-тє зна́ли, що вони та́я жъ Русь, ті́ї жъ Українці. Несторъ такъ са́мо споминавъ про тихъ Славянь далєкихъ, якъ ми

въ своїхъ книжкахъ споминаємо про далєкихъ нашихъ земляківъ Запорозцівъ, або Чорноморцівъ.

4) Коли Новгородці съ Полїнь походять, то, певно, не розбѣємъ мандрували їхъ прѣдки по рїчкахъ—верховинахъ: не зъ великою, мабуть, силою вийшли вони зъ низу, що, зробивши собі гóродъ, сусїдъ підъ себе не підгóртували, а зъ малою силою не здолали бъ вони пройти розбѣємъ люднї узрїччя (бо тоді узрїччя були найлюднїйші), та й мусили бъ вернутись до свого коша, внизъ; ато ні: перейшли черезъ волокъ зъ Днїпра на рїчку Ловать и самє видне місце, до торгу найгоднїше, підъ новий кїшъ вибрали.

5) П. Костомáровъ вїяснивъ намъ докладно слово *Варягъ* (*Совр.* 1860, кн. I, 6). Слова сєго ще й не було тоді, якъ князі Русь загнїздились у Новгороді и въ Кїеві. Нєсторъ, писавши въ XI віковї, якъ ужє слово *варягъ* почало значити оружного затызцю, приложивъ се слово и до князївъ, котóрі були Русь по своєму родовї, а варягами не звáлись.

6) И про Кїївъ пише Нєсторъ, оповїдуючи про мнóйчнихъ князївъ Кїя, Щєка и Хорїва: «Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща зверь». (*П. С. Русск. Лѣт.* I, 4). И вдрўге: «наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ». (Тамъ же, 7.). То правда, що сїми самїми словами Нєсторъ показує, що за єго часївъ не було вже навкруги Кїева великого бóру; такъ не забуваїмо жъ, що двїсті рóківъ пройшло одъ пєрвого находу Русї до Нєсторового писання; та ще жъ: коли Кїївъ такимъ дїкимъ лїсовимъ мїстомъ здавався Нєсторові въ давнї часи, то мусивъ вінъ—и мїмо традиції—єть чогось узїти своєю звирóловню картину. Що води стояли тоді по Вкраїні великі и паповнїли рїчнї корїта, по котóрихъ тепєрь трави косять, або й плўгомъ орють, се вському вїдомо єть тихъ находекъ водохóднїхъ, що въ нашихъ рїчкахъ и болотáхъ знаходять. Отъ и недáвними часами найдено въ рїцї Золотонóші величєнний мїдяний якїрь; идóсі вінъ стоїть у Золотонóському монастирєві.

7) Нєсторъ пише, що Поляне и їхъ сусїде давали Козáрамъ дань «по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма», то, мóже, ся данїна и тоді вже звáлась подїмнимъ.

8) Знáємо, що такъ воно мусило б́ути єть тóго, що, якъ порóздавано навпóслї дє—які сєла монастирѣмъ, то чєнци ходили въ—осенї на полóддя тимъ же самимъ рóбомъ, що й князі. Старосєвїцькї звичаї не записувались, бо зъ рóду въ рїдъ їхъ памятали и иншого прáва надъ звичай не знáли. Се вже тоді почали звичаї закóнами въ статўти и въ уставнї грáмоти вписуватись, якъ новї поря́дки на Вкра-

їні позаводились и старє звичаєве право стали занедбѣувати. Тимъ-то державці випрошували на свої зємлі у князівъ Литовськихъ и въ королівъ Польськихъ оборонні грамоти, и въ грамотахъ поновляли письмомъ стародавні звичаї и на дальші часи ужє закономъ їхъ переказували. До насъ дійшла съ початку XV віку записъ про грошові и медові дані Софійської митрополічої отчини, и зъ неї ми вбачаємо стародавній звичай підіймати и вгонобляти бірчихъ. Писано тамъ: «Подолъшенская земля подъ Полозомъ, а съ ней идуть три ведра меду и поданье, а ночь пшти». (*Акты Э. Р. I, підъ 1415 р.*)

9) Що тяжко лягало на селянъ княже люднування (¹), видно съ того, що де схотівъ князь, тамъ и прибільшувавъ дань. Новгородці платили Олєгові «мира дѣля» (одчєсного бѣ то) 300 гривень, якъ перейшовъ вінъ у Київъ, а за Владімера вже сєє «мира дѣля» коштувало їмъ у дєсатеро, бо 2,000 гривень присілали вони въ Київъ та 1,000 роздавали дружині, що стояла въ Новгороді залогою. Який же бувъ драгика Игорь Рюриковичъ, се ми знаємо добре. «И присѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хоти примыслити большую дань—иде въ Дєрева въ дань и примышляше къ первой данн, наєцляше имъ, и мужеве его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему вѣснати, размысливъ рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возъвращоєся, похожую и еше—и вышедше изъ града Изъкоръстєния Деревляне, убиша Игоря и дружину его». (*П. С. Русск. Лѣт. I, 23.*) Послѣхаймо жѣ ищє Данила Заточника, що вінъ про князівъ пише: «Не-имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тїунъ его—какъ огонь и рядовичи его—какъ искры». (*Пам. Слов. XII в. 235*).

10) Тимъ-то й Олєгъ, підпливши човнами підъ Київъ, оповістивъ себє Аскѣльдові и Дірові людомъ торговимъ, рѣпчани державцівъ Київськихъ. Сю історію ми въ своєму текєті пропустили, бо вона й Нєстору давнімъ поданнямъ передана, и хто знає, скільки въ їй правди? Здаєтця, воно такъ було, що не всімъ Рюричанамъ у верховіхъ зємляхъ угодбалось, то двоє якихъ значинихъ людєй кликнули на охотника, та й спустились унизъ красчої доли собі шукати. Аскѣльдомъ и Діромъ Нєсторъ їхъ називає. Въ Києві їмъ добре повелѣся; плавали вони Дніпромъ и въ Грецьку зємлю за здобиччу, Грецькі села жа-

(¹) Не знаємо, чи було такє слово, чи ні, тільки наше ильнування троха чи не сягє часівъ полюдної княжої дані. За тисячу роківъ воно скривилось, а звичай остався: ильнують у насъ попіді якъ разъ такъ, якъ князі ходили на полюддя. Думають, що ильнування пішло одъ лєну, що попіді лєнъ у селянъ вимагають; а намъ здаєтця, що се княже полюднування одригаєтця: не за однимъ бо лєномъ попіді ходять по людяхъ; та въ іншихъ сєлахъ и въ заводі немає лєну, а ильнування всюди єсть, де єсть, пінъ, а въ попіді—попаді.

кували и хижачкої слави собі набували. Ся-то, мабуть, слава дійшла й до Новгорода. Новгородські князі, певно, Аскольдові й Дірові позавидували и приплили съ потугами підь Київъ. Покинувши більшу часть човнівъ оддалікъ Києва, підплили вони двома чи трема до пристані, поховали підь чердаки свою дружину, щобъ людей не полохати, и послали до Аскольда и Дира. «Родичі ваші, мовлявъ, прийшли; ходіть на пристань привітайтесь». Ті прийшли, про свою голову не порухувавши, а тутъ їхъ зразу обскочили, та й темний похоронъ їмъ справили. «И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорское, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олѣма церковь святого Николу, а Дирова могила за святою Ориною». (П. С. Русск. Лѣт. I, 10).

11) Козакі воювали звичаємъ варізьскимъ и звали свою славу золотою. Певно, такъ вона звалась и въ варягівъ. Святославъ говоривъ про славу (у Лева Дякона кн. IX, гл. VІІ) зовсімъ такъ, якъ козаки:

»Пропадѣ, мовъ порошина зъ дула,

Та козацька слава,

Що по всьому світу дивомъ стала...

12) По *Руській Правді* гривню плачено за вола: така була її ціна. «Оже за кобылу 60 кунѣ, а за вола гривну». (*Изсл. о Р. Правдѣ*, Н. Калачова, 95). Про гривню див. у Карамзіна въ *Ист. Г. Р. I*, прим. 298.

13) Добре, мабуть, вдалися въ знаки Грекамъ ті хижакі, що, договорючись изъ Игоремъ, вони постановили, щобъ, прийшовши Русь у Царьградъ, жили тільки коло святого Мами, а не по всьому городу, и въ городъ щобъ увиходили съ човнівъ своїхъ невеликими кұнами, по пів-сотні, безъ оружжя. «Да входять въ городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружя мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, паки да исходятъ; и мужъ царства нашего да хранитъ я.» (П. С. Русск. Лѣт. I, 21).

14) Такъ навпослі наші гетьмані держали собі въ покорі Запорозький Низъ, которий добре промишлявъ звіроловствомъ, рибою, стадами, табунами й отарами, а хліба робити не спромігся (за Татарами). Гетьманъ Виговський говоривъ царському посланцеві Рагозину 1657 року: «Якъ не звелю я до Запорозцівъ пропускати зъ запасами людей торговихъ, то їмъ нічого буде їсти». (Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1657, № 16).

15) Якъ воювавъ Святославъ изъ Цимісхнемъ, то одвігувавъ єму згорда, що єго дружина не поденщики; своїми руками собі хліба не

роблять. (Leo Diac. VI.) Навертаятця тутъ на пам'ять козацькі слова зъ народнєї думи.

И вже мині не честь, не подоба по рілляхъ спотика́ти,

Жовті сап'я́нці каля́ти,

Дорогі́ї су́кні пі́ломъ набива́ти;

А хо́четця мині, ма́ти,

Підъ го́родъ Тягі́ню пі́ті погуля́ти,

Сла́ви-лицарства коза́цькому війську доста́ти.

16) Вже въ договорі Игоря зъ Греками, року 945, міжъ родичами княжими и торговими людьми вбачаємо ймення Славянські; а въ договорі Олега все ще були чужоземні.

17) За Олега князя, Печеніги воювали съ Козарами и їх підданими Уграми, а посли, погнавши Угрівъ на західъ, присінулись вони до землі Київської. Несторъ споминає про нихъ уперве підъ 915 рокомъ.

18) Гипотеза п. Іванишева, котрий про ту судню раду виявивъ ученому мирові великої ваги и ціві факти. (*Русск. Бес.* 1857, III, 18).

19) Поки сиділи князі—Русь въ Новгородській землі, то притягли підъ свою руку тільки Кривичівъ, Мєрю, Вєсь, Чудь; більшъ не сила була притягти; Козаре на низу панували. Та й про походи їхъ було не чувати. А, сівши въ Києві, кинулись вони и на Волгу, и на Чорне, и на Каспійське море. Хто жъ імъ ту силу надавъ? Не абі-якихъ, ма́бу́ть, люде́й знайшли вони на Подніпр'янщині.

20) Справді дивує насъ та Олегова рідна зъ Греками: такої рідни не зложивъ би ніякий варварський людъ того часу,—не зложили бъ и Нормани, що всюди тоді въ Европі поберєжжя шарпали. Тамъ сказано: «на удержаніє и извѣщеніє отъ многихъ лѣтъ межю християны и Русью бывшую любовь.» Отó жъ, певно, Греки здавна торговали съ Полянами, и не за дикихъ варварівъ їхъ знали, коли, урядні божбу їхъ за оборону права преклада́ли; коли, тамъ же въ рядній, караючи чоловіка за душоубство смертю и худобу ёго родичамъ убитого отдаючи, частину добра на жінку виноватого одділяли; коли за злодійство въ рядні пенію зъ ними уставля́ли; коли чужоземське судно, на берегъ вєржене, вновали Греки въ цілости міжъ ними бути и на їхъ сторожу вбезпечалися.

21) Якá була умова въ Новгородцівъ съ першими князями, котрихъ вони до себе поприйма́ли, ці звідкілі не знаємо. Ма́бу́ть, тоді ще скрізь по на́шій Славянщині зако́нъ изъ роду въ рідъ звича́ємъ

переходивъ, и старі голови були на вічовихъ радахъ замість вічистихъ книгъ и писаного права, якъ отъ п. Іванишевъ и въ XVI вікові ще завваживъ⁽¹⁾. Якъ же одъ крутої волі князької почало сѣдне право ити въ непамять, або умисне князькими похлібцями при-тлумлятися, тоді Новгородці узяли въ свого князя Ярослава пи-сану *Руську Правду*, щобъ не всякий тиунъ княженецький що-хотѣ дравъ зъ виноватого на князя, а послѣ, приймаючи до себе но-вихъ князівъ, укладали зъ ними особні умови одъ старіишихъ и меншихъ людей⁽²⁾. Отъ изъ тихъ-то найстаріишихъ писанихъ правъ довидаємося, що князь стоявъ тільки на обороні права мирсь-кого, яко третій суддя міжъ сѣтяжними, и на обороні землі мирсь-кої, яко отаманъ оружнѣи силъ, а самъ — щобъ ні податківъ надъ давній звичай не вимагавъ, ні землі въ свій рідъ не привлащувавъ. Віпишемо съ *первої Новгородської грамоти*, якъ вона звѣтця, найголовніші рѣчи: «На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Нову-городу, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ: Новгородъ ти держати въ старинѣ по пошинѣ⁽³⁾; что волостій веѣхъ Новгородськихъ того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи Новгородскими, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ воло-стій, а безъ посадинна тебѣ волостій не роздавати; а кому роздаля

(1) *Русск. Вес.* 1837, III, 4: — «связь между селениями крестьяне доказы-вали не законами и не договорами, а одною только давностию: «они scho-датаи нанки здавна будучіе», или: «они издавна съ нами о школы впеликаі scho-жикалиси». Далі, на стр. 7: «Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне въ моло-дыхъ лѣтахъ вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльные хозяйства, то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его млад-шимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ вѣче было не только народнымъ со-браніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.» Навернулося після сѣй виписки намъ на пам'ять, що говорить Хризостомъ Пасекъ про Польскі сейми, которі були ті жъ віча, тільки що шляхецькі віча: Powiadam więc każdemu, że wszystkie na świecie publiki cień to jest przeciwko sejmom. Nauczysz się polityki, nauczysz prawa. nauczysz się tego o czém u szkołach jako żyw nie słyszałeś. (*Pam. Chr. Paska, S. Peterb.* 1860, str. 185).

(2) Ранше XII віку до насъ не дійшла ні одна така умова, а *Руська Правда* написана въ конці X віку, або на самому початку XI-го, бо, ма-буть, князі зъ своїми тиунами перше почали вічовимъ судомъ хибити, а землю вже послѣ собі привлащувати. Въ *Руській Правді* ще нема рѣчи про княжу землю: у князя есть тільки коні, борті, гроші и єму въ спѣ-докъ идѣ тільки добро смерда, якъ умрѣ смердъ безъ наслідниківъ, а въ першій Новгородській грамоті голосно говоритця, щобъ князі не привлащу-вали собі землі ні силою, ні купованнямъ, ані якъ инше.

(3) *Пошина* — давній звичай, давнина. «Ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошинѣ, а нынѣча то не надобѣ.» (*Акты Арх. Эксп.* I, 3). «Прибхавше послы великы отъ Свѣйскаго короля, и доконча-ша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымъ городомъ, по старой пошинѣ.» (*П. С. Русск. Лѣт.* III, 73).

волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати;—а въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селя не държати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Новгородской;—а изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ пріимати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купчины;—а что, княже, братъ твой Александръ діялъ насильнѣ на Новгородѣ, а того ся, княже, отступи. А что, княже, мыгъ по твоей землі и по иной волости, и по всей Суждальской землі, а то, княже, имати по двѣ векши отъ людѣ и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна короба; а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, княже господине, помло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярослава.» (*Ист. Г. Р. изд. 2-е, IV, пр. 114*).

22) Не минали, мабуть, и старіхъ людей, що въ Нестора записано: »И приде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырьма есмь вышелъ, а онъ дома.« (*П. С. Рус. Лит. I, 53*).

23) Помагаючи князямъ, хижа орда, якъ отъ Половці, хапала людей у неволю, старіхъ побивала, оселі наліла, бо то була для неї найкраща забава, такъ вона войнѣ розуміла. Де пройшла, щобъ було пусто,—отто була Половѣцька слава. Затягши одинъ князь на другою орду и побивши свого супротивника, сидавъ у городі княжити, а орду напускавъ на села: то була дяка їй за помічъ. Такъ отъ у Нестора читаємо, що Олегъ Святославовичъ, внукъ Ярослава Владимировича, віруговавши зъ своєї волости дядька Владимира, за підмогою Половѣцькою, давъ їмъ волю що-хоті навкруги Чернігова робити. »Приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырь пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранающю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе поганья на землю Рускую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестіянъ изгублено бысть, а друзиі полонени и расточени по землямъ.« (Тамъ же, 96). Рѣку 1160 Изяславъ Давидовичъ привівъ Половцівъ на Смоленську волость, и вони вивели звідтіля більшъ 10,000 полонѣ, а скільки жъ то побито! »Той же зимы оттудѣ иде въ Смоленскую волость Изяславъ, и повоевавъ; и тамо много зла створиша Половци, взяша душъ болѣ тмы, а инья изсѣкоша.« (Тамъ же, II, 87). Брали полонѣ

князі й безъ Половцівъ одинъ въ одного. Рѣку 1148 ходивъ Изяславъ Мстиславовичъ у землю Ростовську воювати князя Юрія: 7,000 полонѣ записавъ літописецъ. «... приде Изяславъ Новгороду, сынь Мстиславль, изъ Кіева, иде на Юрія Ростову съ Новгородці, и много воеваша люде Гюрьгево, и по Волзѣ взяша 6 городовъ, оли до Ярославля попустиша, а головѣ взяша 7,000.» (Тамъ же, III, 10).

24) Що князі такіхъ невольничихъ силъ у насъ не застали, видно съ того, що Славяне наші полонявъ брали въ неволю на годѣ, а не на-віки, а послѣ выпускали на волю, абб приймали въ своє товариство. Про се пишуть Маврікий и Левъ Мудрий.

25) Въ договорі Олѣговімъ есть уже рѣчь про Руськихъ бранцівъ, рабівъ. Игорь, помирившись изъ Греками, одпустивъ ихъ послѣ съ Кіева, «одаривъ скорою и челядью и воскомъ». (П. С. Рус. Лѣт. I, 23). Княгиня Ольга оддала Деревлянъ у неволю своимъ дружинникамъ: «... овыхъ избѣ, а дргія работѣ предасть мужемъ своимъ.» (Тамъ же, 25). Грецький царь, по Нѣстору, переказувавъ Ользі черезъ свої послѣ: «ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще воз-возвращаюся въ Русь, многи дары пришлю ти, челядь, воскъ и скору и вои въ помощь.» (Тамъ же, 26). Про Ярослава и Мстислава Нѣсторъ пише: «идоста на Ляхы и заета грады Червенскыя опять и повоеваша Лядскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рси.» (Тамъ же, 64).

26) Що въ князівъ були куповані слѣбоды, видно изъ літописця: «Въ лѣто 6666 (1158). Заложѣ Андрѣй князь въ Володимерѣ церковь камешну — и да ей много имѣнья и свободы купленья и съ даньми.» (Тамъ же, 149).

27) Въ первій Новгородській грамоті читаемо: «Изъ Бѣжиць, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даати, ни закладниковъ примати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни смерда, ни куцѣни»

28) Мабуть, добре налягали вони на свої маѣтности, що, якъ їздила княгиня Ольга землю Руську порядкувати, то мусѣла визволити селянъ съ-підъ права такъ званаго *княжого* (думаютъ, що се право було *jus primaе noctis*). У Татищева, котрій стародавні літописі докучи позвѣдывъ (II, 45, 329), знаходимо, чого нема въ иншихъ спискахъ першого нашого літописця: «Тогда жъ отрѣши княжее, а уложѣа брать отъ жениха по черной кунѣ, какъ князю, такъ боярину отъ его подданнаго.»

29) Не мало жъ, мабуть, вони й броїли, коли Новгородці, най-смілійший и вольнійший людъ зъ-усіхъ нашихъ Славянъ, написали въ

своій грамоті: »А что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожитъ, а то ти, княже, не надобъ; а что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильи на Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.« Згадаймо жъ ище, що витворивъ князь Владимѣрь у Києві, нікого не боячись и не соромлячись: »И бѣ несуть блуда, приводя къ себѣ мужьски жены и дѣвицѣ растляя.« (П. Я. С. Русс. Лѣт. I, 34). Згадаймо, якъ вибивъ Ярославъ Новгородцівъ за те, що заступились за своїхъ жінокъ и побили ёго варягівъ: »И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новгородцемъ, рече: «уже мнѣ сихъ (варягівъ) не крѣсити.« И позва къ собѣ нарочитые мужи, иже бяху изѣкли Варяги, обольстивъ и сѣче.« (Тамъ же, 61). Згадаймо, якъ злякались Кияне, прочувши, що Изяславъ, которого вони прогнали, вертається зъ Ляхами. Хорошій, мабуть, бувъ, що хотіли Київъ запалити и втікати зо всімъ нащадкомъ у Грецьку землю: »А се ведеть на ны Лядскую землю — — зажегше градъ свой, ступимъ въ Грецьку землю.« Браті не дали Изяславу пліндрувати отцівського горада; такъ вінъ, аби зогнати серце, пославъ попередъ себе сина свого Метислава въ Київъ. »И пришедъ Мстиславъ, и сѣче иже быша выѣкли (вирубили съ темниці) Всеслава, числомъ 70 чадъ, а другыя слѣпниша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ.« (Тамъ же, 74).

30) Несторъ пише: »Аще ли кто уярщеть черноризца, то възращается.« (Тамъ же 73). Князі й бояре, охристіившись, новому богові по своєму розуму догджали и не то по городяхъ и селахъ до хреста людей силували, та й по цущахъ ись попами за старовірцями ганяли; то мусили попи й чѣщі добре їхъ налякати. Съ тихъ часівъ и досі въ селахъ ведѣтця примха, що, якъ стрінешъ попа, або ченця въ дорозі, то безъ пригоди тобі не минѣтця.

31) Чужоземські писателі не споминають, щобъ у Полянъ були кумири. Перве слово про богівъ рбленихъ знаходимо въ Нестора, якъ присягавъ князь Игорь изъ своєю дружиною, поклавши передъ Перуномъ свою зброю и золото, — и то були боги, запевне, не Полянські, а прихожі зъ варягами. Пише Несторъ, що князь Владимѣрь, вернувшись одъ варягъ у Київъ, поставлявъ по горахъ Киевськихъ кумири. Той же Владимѣрь їхъ послѣ порубавъ, попаливъ, або въ воду покидавъ. Плакали, каже, люде за богами, а які люде, того въ літописці не сказано: може, варяги та захожі, которихъ до князя въ Київъ назбиралось багато зъ усіхъ земель. Що кумири були не Новгородські, видно съ того, що тільки, опанувавши Київъ, Владимѣрь поставивъ Перуна въ Новгороді. »Володимеръ же посади Добрыну уя своего въ Новгородѣ; и пришедъ Добрына Новгороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жрху ему люде Новгородстїи аки Богу.« (Тамъ же, 34). Що Перуна Новгородцямъ накинѣ-

то, вбачаємо и съ того ще, якъ дорекавъ ёму ганчарь Новгородський тими жертвами, що, певно, мусили люде неволею давати. Якъ укінули Перуна въ річку Волхву, то ставъ закаръ, щобъ ніхто не переймавъ ёго. »Иде Пидблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынеча поплочи прочь.« (Тамъ же V, 121). Ще жъ звернемо увагу й на те, що, колибъ кумири були народні, а не вивезені варягами изъ Жмуди, чи відкіля зза моря, то въ літописцяхъ би писалося, що велено їхъ по всій землі руйнувати, або—що знаходили їхъ попіи по гаяхъ, чи що, и палили; ато ні: тільки за волхвами ганялись, а про кумири ні словечка! До насъ подоходили казання и послання попівъ и ченцівъ X, XI, и XII віку. Попіи й ченці дорекають людамъ, що вони приносили жертви бісамъ на болотахъ и коло криниць, та все-такі виходить — духамъ, а не кумирамъ; дорекають селянамъ, що вінчаютьца безъ попіа, що не ходять до церквъ, а ні одинъ ні разу не сказавъ, що люде кланяютьца кумирамъ. Въ уставі першого Володимера »о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ« перелічені всі случаи, въ которыхъ церковний судъ має судити городянъ и селянъ. Про кумири нема ні слова, а есть про молитви до хліба святого и до красі Божої поміжъ деревами и понадъ водами. Уже бъ же попи напередъ усього вписали въ уставъ, щобъ брати судню плату, якъ знайдуть де кумира, и діку бъ віру (повіхну плату зъ селъ чи волости) назначили за сю находку; ато ні: тільки й сказано всего»...или кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды.« (Тамъ же, VI, 83). Писана старосвітчина споминає такі часи, що не було ще въ Словянъ Перуна: може, се вона споминає про то время, якъ ще князі—Русь Полянъ не опанували. Есть у Кириловому манастирѣви на Білому озері стародавній збірникъ, а въ томъ збірнику написано: »Оттуда же изыкоша елени класти требы артемиду і артеמידѣ, рекше роду рожаницѣ. тацїи же егуптяне. Тако і до Словянъ доіде се слово і ті начаша требы класти роду и роженицамъ прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упримъ и берегинямъ.« (Шевирева *Попздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*, 11, 33). Про Славянську мієблогію писали въ насъ недавніми часами п. Срезневскій (*О богослуженіи древнихъ Славянъ*) и п. Костомаровъ (*Славянская Мифологія*). Ні той, ні другий не знайшли у Славянъ камяннихъ, чи деревянихъ божіщъ. Що були людські жертви богамъ у Києві, видно зъ Нестора; тільки зновъ ніхто не докаже, щобъ се не пришельці богівъ своїхъ людською кровью вгопобляли. Въ одному варіанті старосвітської думи про Олексія Поповича козаки врізали виноватому передъ Богомъ мизинного пальця, пустили въ море крові—и море, зачувши кровъ, утихає. Се споминъ давніхъ жертвъ людськихъ, а все жъ и тутъ хто докаже, що не варяги занесли до Полянъ разомъ съ Перуномъ людські жертви? а козаки пішли одъ

стародавніхъ княжихъ дружинъ, то й далѣкимъ родамъ сю примху переказали.

32) »Созва Володимерь бояры своя и старцы градскіѣ. Да что ума придасте? что отвѣщаете?« (П. С. Русс. Лѣт. I, 45).

33) »Развергыше Грецьскый Номоканонъ«, нише въ своѣму устѣви перьвий Владимиръ, ни обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаесть сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни тиуномъ: и азъ сгадавъ своими дѣтми, со всеми князи и со всеми бояры даль есмь тѣ суды церквамъ Божіимъ, митрополитомъ и всемъ епископамъ по Русской земли.« (Тамъ же. VI, 82).

34) Не судили князі не то ченцівъ и черницъ, попівъ, попадь, поповичівъ, та й тихъ, що по монастиряхъ на прощу ходили (паломниківъ), и тихъ, що якимъ-небудь ремѣствомъ, чи роботою манастирямъ служили («кто жорти чернеческие свержетъ»), хто чѣдомъ ніби-то одужавъ и коло церкви тулився, кого на волю ради души спасіння випущено («задушный человекъ») и кого за виню у церковний домъ узито; не судили удівъ, калікъ и всіхъ старцівъ. (Тамъ же, 84).

35) »Аже мужа два біетася женски, или укуситъ, или одереть, епископу 3 гривны.« (Тамъ же, 86).

36) Див. приписку 3. Нѣсторъ Полянъ одъ усіхъ іншихъ одрізнівъ звичаями. Заразъ и видно, що вони повинні всімъ сусідамъ за взіръ стояти, якъ дійдетця до християнства. Ще не говорючи про християнство, Нѣсторъ описавъ їхъ такими, якими мусили інші неволею вчинитись, черезъ нову віру.

II. Кулішъ.

ЧТО ЕСТЬ МНѢ И ТЕБѢ, ЖЕНО?

Іоанна гл. II. ст. 4.

(Дорогому землякові Зінченкові).

О, якъ тебе, Спасе, у тімъ слові бачу!

О, якъ твоє серце моїмъ серцемъ чую!

Читаю Завітъ твій,—читаючи плачу:

Високо піднявъ ти натуру людськую.

Чужа тобі стала и рідная мати;

Зоставсь ти безъ рѣду, безъ хати на світі,

Щобъ рѣдомъ коханимъ серця не сковати,

Хатнімъ упокоємъ дѣха не вгасити.

О, знаю я, знаю, якъ те серце билось,

Якъ той духъ висѣний злітавъ надъ землею!...

Що дітамъ на лоні у матері снилось,

Чого мертві чають—обнявъ ти душею.

Снілись дітамъ райські віковічні квіти;

Чають мертві жінні грядущого віку...

Справдишъ ти, що бачать чистимъ серцемъ діти;

Справдишъ, що дорѣжше всѣго чоловіку.

Ужѣ зъ раю твоїмъ дѣхомъ

На насъ повиває;

Ужѣ знову твоє слово

Мертвихъ воскрешає.

Виростають, приближають

Твоє царство діти.

Ой не дурно жили й гїбли

Праведники въ світі!

Виростають,—твоїмъ слїдомъ,

Зъ матернѣго лѣна

Утікають роспинатись

Середъ Вавилѣна.

» Жіно мати! що тобі я?
Ти своє вчиніла,
Якъ, радіючи, підъ серцемъ
Дитину носила.

» Минулися ті радіши,
Минулися й муки...
Не вмістити тобі въ серці
Нової науки!

» Спочивай, спасінна душо,
У тихій господі,
А ми будемъ святу правду
Сіяти въ народі.

» Дай намъ, мати, те справдіти,
Що на чистімъ лоні
Снітця дітямъ непорóчнимъ
Въ грішнімъ Вавилоні.

» Дай намъ, мати, доказати,
Що ми — рідні діти
Тихъ великихъ, що за правду
Гинули на світі.»

П. Кулішъ.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Окончаніе.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изъяснилъ слѣдующее:

Въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію три вопроса:

1) Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, рожденъ ли женою генераль-маіора Степана Ширая, Ульяною Ширай, во время существованія законнаго ихъ брака?

2) Если рожденъ въ семъ бракѣ, то слѣдуетъ ли, что обстоятельства, сопровождавшимъ рожденіе и воспитаніе Заботина, признавать его сыномъ Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянія?

3) Въ случаѣ признанія законности рожденія Александра, какія права принадлежать ему, по закону, на имѣніе, оставшееся послѣ Степана Ширая и жены его Ульяны?

По первому вопросу обстоятельства дѣла показываютъ, что, въ продолженіе законно-нерасторгнутой брачной жизни, Ульяна Ширай, въ ноябрѣ 1818 г., въ родовомъ имѣніи генерала Ширая, селѣ Соловѣ, гдѣ она имѣла безвыѣздное пребываніе, родила сына, названнаго при крещеніи Александромъ. Дѣйствительность сего событія положительно подтверждается: во 1-хъ, объясненіями самихъ дочерей Ширая, Долинской и Чернолузской, замѣчаніями ихъ повѣреннаго, и показаніями: а) священника Ивана Лапчинскаго, присутствовавшаго; въ званіи дьячка соловской церкви, при крещеніи младенца Александра, б) 18-ти присяжныхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ Ракицкаго и Гаевского, управлявшихъ имѣніями Ширая, и в) 25-ти дворовыхъ людей села Соловы, спрошенныхъ по священническому увѣщанію.

Въ отношеніи ко *второму вопросу* о томъ, можетъ ли младенецъ Александръ, рожденный въ ноябрѣ 1818 года Ульяною Ширай,

во время законно—нерасторгнутаго брака, быть признанъ законнымъ сыномъ мужа ея, Степана Ширая, или происходящимъ отъ прелюбодѣянiя, необходимо обозрѣть предварительно всѣ дѣйствовавшiя до начала сего дѣла постановленiя о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, потому всѣ представленныя по дѣлу доводы, въ опроверженiе законности рожденiя Александра Заботина, и наконецъ сличить сіи доводы съ законами и обстоятельствами самаго дѣла.

Въ законахъ постановлено:

Ст. 121 (X. т. зак. гр.). Всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, признаются законными, хотя бы они родились:

1, По естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенiя брака, если только родители не отрицали законности ихъ рожденiя.

2, По смерти отца, если только между днемъ ихъ рожденiя и днемъ смерти отца не прошло времени болѣе того, сколько обыкновенно проходитъ между днемъ зачатiя и днемъ рожденiя младенца.

Ст. 122. Законными почитаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена:

1, При жизни ихъ родителей.

2, Въ теченiи десяти лѣтъ отъ ихъ рожденiя.

Примѣчанiе. Законность рожденiя лица почитается неоспоренною, когда признанiе онаго законнымъ оглашено надлежащими актами, или же другими событіями при жизни обоихъ родителей его, и потомъ въ продолженiе десяти лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованiи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченiя десятилѣтiя, никакой уже споръ о законности рожденiя дѣтей, когда признанiе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами, или же другими событіями, не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя.

Ст. 123. Доказательства законнаго рожденiя суть:

1, Бракъ родителей, законно совершенный; въ случаѣ же спора о законности брака, признанiе онаго законнымъ отъ духовнаго суда.

2, Приходскія (метрическія) книги, родословныя, городовыя обязательскія книги и ревизскія сказки.

3, Свидѣтельство людей честнаго и незазорнаго поведенiя, какъ-то: приходскаго священника и двухъ обывателей того же прихода.

4, Для дѣтей, прижитыхъ въ супружествѣ, по естественному порядку слишкомъ рано, доказательствомъ законности признаются соб-

ственные показанія и письма отца и матери, не отрицающих законнаго их рожденія.

Ст. 124. Отец не может оспаривать законнаго рожденія дѣтей:

1, Въ гнѣвѣ на нихъ или на ихъ мать, а свою жену.

2, Если не малое время, имѣвъ ихъ у себя въ домѣ, признавалъ ихъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, своею женою.

3, При мачихѣ.

Ст. 126. Епархіальное начальство, въ слѣдствіе отношеній присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, для разрѣшенія дѣлъ о законности рожденія, обращается прежде всего къ метрическимъ книгамъ, и если найдетъ, что рожденіе и крещеніе лица, о которомъ идетъ дѣло, записаны въ нихъ и запись сія не подлежитъ сомнѣнію, то доставляетъ требуемое о семъ свѣдѣніе присутственному мѣсту или началству, или же выдаетъ свидѣтельство просителю, желающему имѣть метрическое свидѣтельство.

Ст. 127. Если рожденіе лица, о которомъ идетъ дѣло, въ указанномъ приходѣ въ показанное время не записано, или если метрическая запись сомнительна потому, что находится подъ другимъ числомъ или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ, то дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскою книгою о бракѣ родителей, и производится слѣдствіе, въ которомъ вопрошаются воспріемники и лица, бывшія при крещеніи.

Ст. 129. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то сверхъ показаній отъ священника, крестившаго, и бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на все относящееся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть, какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей, и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія.

Ст. 130. Смотря по надобности, консисторія собираетъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярные списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и проч.

Ст. 131, незаконныя дѣти суть:

1, Рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ въ послѣдствіи соединены были законнымъ бракомъ.

2, Прижитыя въ незаконномъ бракѣ.

3, Пронесенія отъ прелюбодѣянія.

Ст. 132. Незаконныя дѣти, хотя бы они воспитаны были ихъ родителями, не имѣютъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него въ имуществѣ наслѣдство. Участь дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, монаршему милосердію.

Статута литовскаго, раздѣлъ III, артикула 28, § 3. Незаконно-рожденнымъ признавать и такового, отъ котораго бы отецъ, при жизни своей, отрекся и сыномъ своимъ не признавалъ, токмо бы не учинилъ сего по ссорѣ и ненависти противу сына и жены своей, законной его матери, а если бы чрезъ немалое время его своимъ дѣтищемъ признавалъ и по его рожденіи его мать, а свою жену, въ домѣ своемъ терпѣлъ и когда однажды его своимъ дѣтищемъ принялъ и при себѣ его имѣлъ, въ домѣ своемъ терпѣлъ; то послѣ отречься отъ него не можетъ: ибо непристойно честному человѣку что-либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть.

Представленные по дѣлу доводы противу законности рожденія Александра могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ категориямъ:

Во-первыхъ, что подлогъ въ метрикахъ церкви села Соловы за 1818 годъ совершенъ не ранѣе 1842 г. и что метрическая тетрадь села Соловы за 1818 годъ, представленная титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, непрошнурованная и никѣмъ неподписанная, лишена всякой юридической достовѣрности, а потому записка въ ней Александра сыномъ Ширая и жены его Ульяны не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Во-вторыхъ, что супружеское сожитіе Ширая съ женою съ 1809 г., по самую смерть сей последней, прекращено было въ слѣдствіе несогласій и болѣзни, которою она была одержима до конца жизни.

Въ-третьихъ, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, никогда не былъ признаваемъ законнымъ сыномъ ни Степаномъ Ширавымъ, ни женою его Ульяною, а законность рожденія Александра не только никѣмъ и ничѣмъ оглашена не была, но напротивъ того изъ выданнаго Шираву дворянами свидѣтельства и изъ составленныхъ имъ распорядительныхъ объ имуществѣ актовъ явствуетъ,

что за смертью сына Михаила, мужское колѣно въ его родѣ пресѣклось, что въ свое время оспорено не было ни Ульяною Ширай, ни отцомъ ея Петромъ Бороздною, ни сыновьями сего послѣдняго, однокровными ея братьями.

Въ-четвертыхъ, что Высочайше учрежденная коммисія при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу нарушила предписанныя закономъ формы и обряды и не произвела розысканія объ обстоятельствахъ, могущихъ служить къ разъясненію дѣла.

Въ отношеніи сихъ возраженій изъ дѣла видно:

І. О МЕТРИКАХЪ.

Слѣдственной гражданской коммисіею, учрежденною по Высочайшему повелѣнію, и духовною, по указу святѣйшаго синода, обнаружено четыре книги церкви села Соловы за 1818 годъ.

О церковной книгѣ не имѣется въ дѣлѣ свѣдѣній, кромѣ удостовѣренія слѣдователей, что по сличеніи она оказалась не подлинною, а списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленіи. Тетрадь, представленная Заверухою, никѣмъ не подписана, безъ печати и непрошнурована. Въ книгѣ этой, 8 ноября, *въ статьѣ под № 15-мъ значится*: «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Ульяны Петровны дочери Бороздновны родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8-го числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ, воспріемникомъ отъ св. крещенія тому младенцу былъ то-гожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій».

Стародубское духовное правленіе увѣдомило слѣдователей, что метрическія книги за 1818 годъ дѣйствительно не были завѣряемы духовнымъ правленіемъ, какъ сіе видно изъ книгъ, имѣющихся въ архивѣ.

При обзорѣнн слѣдственной коммисіею и судебными мѣстами консисторскаго и правленскаго экземпляровъ метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ, найдено въ нихъ по одному поддѣльному, вшитому, обрѣзанному листу, которые отличаются отъ прочихъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, внутренними водяными знаками и размѣромъ графъ. Скрѣпа на сихъ листахъ протоіерея Павла Рѣлицкаго, священника Николая (умершаго) и дьячка Ивана Лапчинскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ ихъ скрѣпою на прочихъ листахъ, что подтвр-

дили, кромѣ слѣдователей, сами подписавшіе и скрѣпившіе книги Рклицкій и Иванъ Лапчинскій.

Очевидность сихъ наружныхъ признаковъ подлога въ метрическихъ книгахъ подтверждается еще, во-1-хъ, тѣмъ, что вписанный въ консисторскую и правленскую метрическія книги за 1818 годъ родившимся сынъ дворянина Василя Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, въ тѣхъ книгахъ показанъ умершимъ 6-го декабря, 2-хъ лѣтъ, и во-2-хъ, тѣмъ, что унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій, сынъ священника Николая Лапчинскаго, подъ присягою сознался, что онъ, по приказанію отца, писалъ поддѣльные листы и вшилъ ихъ на мѣсто прежнихъ, о чемъ онъ впоследствии сообщилъ священнику Ивану Лапчинскому, который это показаніе при слѣдствіи также подтвердилъ по іерейской совѣсти.

Засимъ, остается разрѣшить вопросъ, былъ ли рожденный Ульяною Ширай сынъ Александръ записанъ въ тѣхъ книгахъ, на тѣхъ листахъ, которые замѣнены другими.

По вопросу сему изъ слѣдствій гражданскаго и духовнаго вѣдомства видно:

а, Священникъ Иванъ Лапчинскій, бывший въ 1818 году дьячкомъ соловеской церкви, по іерейской совѣсти, показалъ, что въ метрической книгѣ, хранившейся до 1839 года при помянутой церкви, Александръ былъ записанъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны, но въ семь послѣднемъ году, по приказанію Ширая, объявленному ему Заверухою, книга эта была отдана имъ Заверухѣ, который замѣнилъ ее другимъ экземпляромъ, гдѣ уже не было записано рожденія Александра. Въ доказательство справедливости сказаннаго, Иванъ Лапчинскій представилъ письмо къ нему благочиннаго Демы. Священникъ Иванъ Лапчинскій книгу, хранившуюся у Заверухи, признаетъ подлинною, взятою у него симъ послѣднимъ въ 1839 году. Показаніе это 16 марта 1843 года Лапчинскій подтвердилъ предъ архіепископомъ черниговскимъ Павломъ, сдѣлавшимъ о томъ письменное наоберточномъ листѣ засвидѣтельствованіе.

б, Священникъ Федоръ Лапчинскій, бывший дьякономъ соловеской церкви, по іерейской совѣсти, подтвердилъ показаніе Ивана Лапчинскаго, дополнивъ оное сознаниемъ, что въ 1839 или 1840 году, вскорѣ послѣ смерти жены Ширая, онъ, изъ угожденія сему послѣднему, по порученію Заверухи, писалъ копію съ экземпляра метрической книги духовнаго правленія, въ которомъ не было записано рож-

денія Александра. Этою копією въ послѣдствіи была замѣнена подлинная церковная метрическая книга.

в, Благочинный Дема подтвердилъ показаніе Лапчинскихъ во всемъ, что до него касалось.

г, Дворянинъ Ракицкій, занимавшійся письменными дѣлами у Ширая, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что Александръ былъ записанъ въ метрику, но безъ спроса и желанія Ширая, и когда членъ духовнаго правленія, священникъ Пашинскій (умершій), объявилъ ему о томъ, то Ширай разсердился и велѣлъ тому священнику выключить Александра; но какъ исполнено было это желаніе, онъ, Ракицкій, не знаетъ.

д, Унтеръ-офицеръ Иванъ Лапчинскій (сынъ священника Николая Лапчинскаго) подъ присягою сознался, что метрическія книги села Соловы за 1818 годъ были писаны имъ; что въ этихъ книгахъ, въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., записанъ былъ сынъ Ширая Александръ, но чрезъ годъ послѣ рожденія сего послѣдняго, а настоящее не помнитъ, онъ, Лапчинскій, по приказанію своего отца, въ книгахъ метрическихъ, присланныхъ протоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ, переписалъ листы, гдѣ Александръ былъ вписанъ; и вмѣсто него, на вновь вшитыхъ листахъ, вписалъ сына дворянина Лапчинскаго, Павла, и что скрѣпы на новыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, сдѣлалъ онъ, Лапчинскій, по приказанію отца.

е, Титулярный совѣтникъ Заверуха, подъ присягою сознался, что онъ дѣйствительно, по приказанію Ширая, выпросилъ у священника Іоанна и дьячка Федора Лапчинскихъ бывшую при соловской церкви метрическую книгу, въ которой, какъ Ширай неизвѣстно отъ кого узналъ, значился записаннымъ Александръ, непризнанный имъ сыномъ; что въ замѣнъ взятой книги Ширай просилъ отдать копію съ метрики стародубскаго духовнаго правленія, доставленную ему столоначальникомъ Барщевскимъ; что показаніе священника Федора Лапчинскаго, будто бы онъ, Заверуха, убѣждалъ его писать копію, несправедливо, и что когда онъ, Заверуха, получалъ подлинную соловскую церковную метрическую книгу, то предъявилъ ее Шираю, который, прочитавъ, возвратилъ ему и сказалъ: «пусть у тебя останется».

На данной Заверухѣ съ священникомъ Федоромъ Лапчинскимъ очной ставкѣ, каждый изъ нихъ остался при своемъ показаніи.

ж, Вдова секретаря стародубскаго духовнаго правленія Масловская

(родственница Заверухи, по словамъ повѣренныхъ Долинской и Чернолузской), подъ присягою показала, что она, по болѣзни мужа, принимала соловскія метрическія книги, и въ оныхъ былъ записанъ Александръ сыномъ Ширая, и что въ послѣдствіи, въ февралѣ или мартѣ 1819 года, она видѣла, какъ книги эти взялъ изъ правленія священникъ Пашинскій.

з, Поручикъ Иванъ Губчицъ, дальній родственникъ Ширая, въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что когда въ 1839 или въ 1840 году онъ сказалъ Шираю, что московскій (Заботинъ) имѣть метрическое свидѣтельство, то съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ и сказалъ Заверухѣ: «что это значить?» — «Несправедливо, ваше превосходительство, отвѣчалъ Заверуха, вездѣ уничтожено».

Совокупность сихъ сознаній и показаній, учиненныхъ по іерейской совѣсти или подъ присягою (кроме Губчица), въ опроверженіе которыхъ противная сторона противопоставляетъ одніе лишь догадки, неимѣющія предъ закономъ судебной достовѣрности, уничтоженіе въ метрическихъ книгахъ консисторіи и правленія тѣхъ именно листовъ, въ коихъ записаны были родившіеся въ ноябрѣ 1818 года, и наконецъ логическая послѣдовательность выше доказанныхъ фактовъ рожденія и крещенія въ селѣ Соловы Александра, требующая записки сего послѣдняго, подъ какимъ бы то званіемъ ни было, въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, въ которыхъ его нынѣ вовсе не значится,—приводятъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ: 1, что Александръ Заботинъ въ ноябрѣ 1818 года былъ записанъ въ метрическихъ книгахъ соловской церкви сыномъ Степана Ширая и, по распоряженію сего послѣдняго, единственнаго лица, имѣвшаго въ томъ интересъ, исключенъ изъ книги, и 2, что все подлоги и подмѣны въ метрическихъ книгахъ учинены были до кончины Ширая, послѣдовавшей въ августѣ 1841 года.

II. о личныхъ супружескихъ отношеніяхъ супруговъ ширай.

Изъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній видно:

Гаевскій, управлявшій соловскимъ имѣніемъ съ мая 1818 г., и Ракицкій, занимавшійся по письменнымъ дѣламъ Ширая съ 1811 г., объявили: Ширай жилъ съ женою въ несогласіи, но посѣщалъ ли онъ ее, не знаютъ и не замѣтили. Къ сему Гаевскій присовокупилъ, что Ширай, проѣзжая въ Черниговъ, заѣзжалъ въ Солово, останав-

ливался въ большомъ домѣ и проживалъ тамъ по нѣскольку дней; что въ началѣ 1818 года Ширай былъ въ Соловѣ и что въ день рожденія его женою сына Александра ночевалъ тамъ и поутру уѣхалъ въ Черниговъ. Это подтвердили и пять соловескихъ дворовыхъ людей, спрошенныхъ по священническому увѣщанію, присовокупивъ къ тому, что Ширай, бывая въ Соловѣ, видѣлся съ женою.

Заверуха, поступившій къ Шираю на службу въ 1834 году, показалъ, что съ 1834 года Ширай жены не навѣщалъ.

Титулярный совѣтникъ Середа,—что, по носившимся въ народѣ слухамъ, Ульяна Ширай родила сына, но не отъ мужа.

Животкевичъ, — что во время освѣщенія соловскаго дома, когда Шираи жили вмѣстѣ, преосвященный черниговскій, по просьбѣ Степана Ширая, назидалъ жену его Ульяну, въ особыхъ покаяхъ, о вѣрности супружества; а коллежскій регистраторъ Янжулъ, что при женѣ Ширай видѣлъ сына ея Александра, который жилъ при ней до 5-ти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ Александръ,—не знаетъ.

Показаніе свидѣтелей насчетъ образа жизни Ульяны Ширай разногласны; одни утверждаютъ, что она содержалась въ Соловѣ неприлично своему званію и терпѣла недостатки, другіе напротивъ того свидѣтельствуютъ, что ей производилось приличное и достаточное содержаніе.

О болѣзняхъ, которыми была одержима Ульяна Ширай, коллежскій ассесоръ Животкевичъ подъ присягою показалъ, что она имѣла припадки въ родѣ сумасшествія и тогда выходила изъ благопристойности къ мужчинамъ.

Графъ Гудовичъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій въ письменныхъ отзывахъ показали: *первый*, что рѣдко имѣлъ случай видѣть Ульяну Ширай, но ему казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ, она была женщина скромная и кроткая, а *второй* слышалъ, что въ болѣзненныхъ припадкахъ она предпочитала бесѣду, званію ея несвойственную.

Наконецъ докторъ Кузминскій, пользовавшій Ульяну Ширай съ 1834 года, въ отзывѣ объяснилъ, что она векорѣ послѣ смерти сына Михаила страдала желтухою, потомъ водяною и отъ двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ 1838 году параличныхъ ударовъ, въ 1839 году скончалась. Во время малоколичественныхъ очищеній имѣла общее упоминательство, продолжавшееся иногда и по недѣль и

обнаруживавшееся безсонницею, говорливостію, или молчаливостію и угрюмостію.

По единогласнымъ отзывамъ секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, сличавшихъ письмо Петра Бороздны, отъ 16 августа, съ другими его письмами и документомъ, имъ подписаннымъ; въ почеркѣ сего письма не найдено сходства съ почеркомъ его на другихъ бумагахъ; второе письмо Бороздны, отъ 17 іюня, въ которомъ онъ приглашаетъ Ширая для сообщенія какой-то тайны, не можетъ служить къ разясненію обстоятельствъ настоящаго дѣла, а третье письмо Ширая, хотя и не оспоренное въ подлинности почерка, есть не болѣе, какъ черновой проэктъ письма, неизвѣстно когда и къ кому писаннаго и посланнаго или нѣтъ.

По показанію Долинской и Чернолузской, Ширай писалъ письмо сіе въ 1811 году къ Немировичу-Донченку. Въ письмѣ этомъ есть смыслъ, но обвиненія, которыя въ немъ взводятся, не оправдываются ни обстоятельствами дѣла, ни единодушнымъ показаніемъ о характерѣ и душевныхъ качествахъ Ульяны Ширай. Во всякомъ случаѣ проэкты писемъ Ширая, въ которыхъ онъ по произволу могъ писать все, что ему вздумалось, не должны быть приняты за доказательства при рѣшеніи дѣла. Но признавая даже бумаги, представленныя Долинскою и Чернолузскою, несомнѣнно писанными въ 1809 и 1811 годахъ Бороздною и Шираемъ, очевидно, что если юридически невозможно по двумъ письмамъ обвинить Ульяну Ширай въ прелюбодѣяннн въ томъ періодѣ времени, къ которому письма эти относятся, то тѣмъ менѣе они могутъ служить доказательствомъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ нарушеніи въ 1818 году супружеской вѣрности, по истеченіи 8-ми или 9-ти лѣтъ отъ ихъ написанія, ибо предшествовавшія событія или поступки не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе принять можно за юридическій доводъ къ обвиненію Ульяны Ширай въ прелюбодѣяннн въ 1818 году, показаніе Животкевича, что преосвященный черниговскій во время освященія соловскаго дома, по просьбѣ Степана Ширая, назидаль въ особомъ покоѣ жену его въ вѣрности супружеской. Судя по словамъ Животкевича (Ширай жили тогда вмѣстѣ), событіе это должно быть отнесено къ промежутку времени между 1801—1810 годами. Что же касается до побудительной причины къ означенной просьбѣ Ширая, то столько же вѣроятно, что поводомъ къ тому могло быть нарушеніе женою супружескаго долга, сколько, если не болѣе, неоспо-

вательная подозрительность и даже одно простое желаніе утвердить жену силою пастырскаго слова въ неизмѣнной супружеской вѣрности.

При подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, не оказывается между оными не только удостовѣренія, но даже и намекъ на преступную съ кѣмъ либо связь Ульяны Ширай. Сдѣланное повѣреннымъ дочерей Ширая указаніе на Рухлядку (умершаго), управлявшаго соловскимъ имѣніемъ до 1818 года, явно опровергается и своею голословностію и присяжнымъ показаніемъ помѣщика Янжула, что Рухлядка обращался съ Ульяною, по своему невѣжеству, грубо. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ (Ракицкій, Гаевскій, Заверуха, Попсуй, Гредченко) говорятъ о несогласіи Ширая съ женою; но несогласіе не доказываетъ еще совершеннаго и постояннаго разрыва супружескихъ отношеній. Въ представленномъ Долинскою и Чернолузскою проэктъ черноваго письма Ширая сказано, что онъ до нѣкотораго только времени не можетъ видѣться съ женою; слѣдствіемъ же обнаружено, что онъ, Ширай, бывалъ по нѣскольку дней въ селѣ Соловъ, гдѣ жена его постоянно жила и что въ имѣніи семь онъ былъ какъ въ началѣ 1818 г., такъ и въ день рожденія женою Александра, а по удостовѣренію пяти дворовыхъ людей, онъ не только бывалъ въ селѣ Соловъ, но даже видѣлся съ женою своею Ульяною. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ Ширай, какъ удостовѣряетъ черниговское дворянское депутатское собраніе, находился въ стародубскихъ своихъ имѣніяхъ, а не въ Черниговѣ, какъ доказывали его дочери.

Законъ (ст. 121 и 131 X Т.) рожденныхъ въ законномъ бракѣ дѣтей признаетъ незаконными въ томъ единственно случаѣ, когда они произошли отъ прелюбодѣянія. Показанія противной стороны о рожденіи Александра Ульяною Ширай отъ прелюбодѣянія, или явно опровергнуты, или ничѣмъ не доказаны, а въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго довода о нарушеніи Ульяною Ширай, въ 1818 году, супружескаго долга и со стороны соперниковъ Александра не представлено никакихъ указаній, которыя бы приводили къ вѣроятному предположенію о томъ, кто могъ быть отцомъ его, Александра, или существовалъ ли канцериистъ, или другое какое либо лицо, сыномъ котораго онъ могъ быть, подъ фамилію Заботина, поступить въ воспитательный домъ.

III. о непризнаніи генераль-маіоромъ шираемъ и женою его ульяною Александра законнымъ ихъ сыномъ и о неоглашеніи законности сего послѣдняго.

Подложное исключеніе Александра изъ метрическихъ книгъ села Соловы, непомѣщеніе его въ свидѣтельствѣ, взятомъ въ 1819 году отъ суражскаго предводителя дворянства, для предьявленія правъ на наслѣдство послѣ полковника Будлянскаго, и наконецъ оговорка Ширая во всѣхъ, составленныхъ имъ въ 1838 году распорядительныхъ, актахъ объ имуществѣ, что за смертію сына Михаила мужское колѣно пресѣклось, неоспоримо доказываютъ нежеланіе Ширая признавать Александра законнымъ своимъ сыномъ. Но если итъ въ фактѣ семь ни малѣйшаго сомнѣнія, то равноѣрно не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что такого рода непризнаніе не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Заботина такихъ правъ, которыя, по рожденію его въ законномъ бракѣ, закономъ ему присвоены. По литовскому статуту (разд. 3 артикулъ 28, § 3), дѣйствовавшему до 1842 года въ Черниговской губерніи, не признавшій законнымъ сына, рожденнаго женою, долженъ былъ учинить отреченіе и не держать ни жены, ни дитяти въ своемъ домѣ, ибо непристойно, какъ сказано въ семь законѣ, честному человѣку что либо худое и безчестное въ своемъ домѣ терпѣть. Соображая съ обстоятельствами дѣла сей законъ, современный по рожденію Заботина въ 1818 г. и мѣстный по совершенію событій въ Черниговской губерніи, нельзя упустить изъ виду, что послѣ рожденія Ульяною Ширай сына Александра, она безвыѣздно до самой кончины жила въ родовомъ имѣніи своего мужа въ Соловѣ, въ которомъ бывалъ и самъ Ширай, а сынъ, ею рожденный, оставался при ней въ томъ же имѣніи до 4-хъ лѣтъ. По дѣлу видно, что Ширай зналъ о рожденіи женою его сына Александра, и этого обстоятельства не отвергаютъ противники Заботина, а потому пребываніе Александра въ домѣ Ширая до 4-хъ лѣтъ и неучиненіе симъ послѣднимъ формальнаго отреченія, узаконяютъ такъ сказать рожденіе Александра, хотя бы Ширай убѣжденъ былъ и въ противномъ, ибо по общимъ основаніямъ гражданскихъ законовъ неотрицаніе въ установленномъ порядкѣ мужемъ такого событія, какъ рожденіе его женою сына, равносильно въ послѣдствіяхъ признанію его законнымъ.

Перехода отъ литовскаго статута къ общему своду законовъ, долж-

но признать, что дѣйствовавшіе и дѣйствующіе законы наши имѣли всегда въ виду, съ одной стороны, огражденіе освященныхъ церковью отношеній мужа и жены отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а съ другой, защиту гражданскихъ правъ дѣтей, происходящихъ отъ сего союза. Посему отреченіе отъ дитяти, рожденнаго женою въ законномъ бракѣ, зависить не отъ произвола мужа, а отъ закона, вслѣдствіе предъявленнаго имъ установленнымъ порядкомъ и своевременно спора и доказаннаго имъ нарушенія женою супружеской вѣрности. Съ сею цѣлю, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 6-го февраля 1850 года (которое впрочемъ по времени изданія на настоящее дѣло не распространяется), установленъ даже срокъ, для предъявленія мужемъ спора о законности младенца, рожденнаго его женою; съ сею же цѣлю постановлено въ ст. 121 и 131, что рожденные въ законномъ бракѣ признаются незаконными, въ случаѣ доказаннаго происхожденія отъ прелюбодѣянія жены, а въ ст. 122 X Т. и примѣчанія къ оной, что законность рожденія младенца не подлежитъ спору, если не была она оспорена, при жизни его родителей или въ теченіи 10-ти лѣтъ послѣ рожденія его, когда только признаніе лица было оглашено надлежащими актами и событіями. Прочія постановленія X Т. Св. Зак. гр. о дѣтяхъ законныхъ, по внутреннему ихъ содержанію, исключительно относятся къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ законнаго брака.

Изложенными выше обстоятельствами дѣла обнаружено, что Александръ записанъ былъ законнымъ сыномъ Ширая и жены его Ульяны въ метрическихъ книгахъ соловской церкви, слѣдовательно рожденіе его было оглашено въ исключительно установленномъ для сего актѣ; если же Ширай имѣлъ основаніе признавать Александра не своимъ сыномъ, а происходящимъ отъ прелюбодѣянія жены, то обязанъ былъ представить доказательства въ установленномъ порядкѣ и своевременно; но самовольное устраненіе Александра посредствомъ свидѣтельства и распорядительныхъ актовъ отъ правъ гражданскихъ, усвоенныхъ рожденіемъ въ законномъ бракѣ, лишеніе и присвоеніе которыхъ не зависить отъ произвола частнаго лица, предъ лицомъ закона не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія. Александръ рожденъ Ульяною Ширай въ 1818 году, оставался при ней въ родовомъ имѣніи Ширая Соловъ до 4-хъ лѣтъ, потомъ отправленъ въ деревню Болдовку, а оттуда отданъ Михаиломъ Шираемъ, сперва на воспитаніе въ Новгородъ-Сѣверскъ священнику Мануйловичу, а потомъ въ

московскій воспитательный домъ подъ вымышленнымъ именемъ Заботина. Всѣ сіи событія, подтвержденные свидѣтельскими показаніями, не были и не могли быть для Ширая тайною. Этого не отрицаютъ даже дочери его Долинская и Чернолузская. Объясненіе же, что Ширай не оспаривалъ законности рожденія въ видахъ нравственныхъ для избѣжанія соблазна и позора, едва ли имѣетъ прочное основаніе. Рѣшеніе всякаго рода дѣлъ должно быть утверждаемо на фактахъ и на точной силѣ закона, а не на нравственныхъ убѣжденіяхъ, подлежащихъ разнообразнымъ сужденіямъ, и не на умозрительныхъ догадкахъ, которымъ могутъ быть всегда противопоставлены другія догадки, для опредѣленія относительнаго достоинства которыхъ въ законѣ не преподано ни правила, ни руководства. Нельзя также допустить начала, не признаннаго положительнымъ законодательствомъ, что отъ непосредственнаго, основаннаго часто на одномъ подозрѣніи, усмотрѣнія отца зависитъ признаніе однихъ дѣтей, рожденныхъ женою его въ законномъ бракѣ, законными, а другихъ незаконными. Такое начало не только ослабило бы освященное уставомъ церкви состояніе семейное, но повлекло бы къ самоуправству, неумѣстному въ благоустроенномъ государствѣ, и можно сказать клонилось бы къ потрясенію гражданскаго общества въ самыхъ его основаніяхъ.

Объясненіе Долинской и Чернолузской, что Ульяна Ширай никогда не признавала Александра своимъ сыномъ, какъ основанное не на доводахъ, а однихъ голословныхъ предположеніяхъ, не представляется уважительнымъ. Письма Ульяны Ширай къ священнику Мануйловичу показываютъ нѣжнѣйшую материнскую привязанность ея къ своему дитяти. Въ этихъ письмахъ, она называетъ его своимъ Сашинькой, своимъ маленькимъ Сашинькой, своимъ малюткой, а Михаила старшимъ своимъ сыномъ, что служить доказательствомъ того, что былъ у нея въ сіе время и младшій сынъ Александръ, потому что съ 1809 года Петра не было уже въ живыхъ. Изъ дѣла ясно видно, что отъ Ульяны Ширай скрывали судьбу сына Александра и отдачу его въ воспитательный домъ, ибо когда Александръ находился въ Москвѣ, то она въ письмѣ къ Мануйловичу считала его очень далеко за Москвою. Раскрытія слѣдствіемъ тайная подмѣна листовъ въ метрическихъ книгахъ духовныхъ консисторій и правленія и выносъ метрической книги изъ церкви села Соловы, послѣ смерти Ульяны Ширай, приводятъ къ заключенію, что и самъ Степанъ Ширай не рѣшался гласно отвергать законность рожденного женою его Уль-

яною сына Александра. При неимѣніи въ виду со стороны Ширая спора о законности рожденнаго женою его Ульяною Ширай сына, сія послѣдняя не имѣла ни повода, ни основанія заявлять актами и доказывать судомъ законность, никѣмъ не отвергаемую. Во время составленія Шираемъ въ 1838 году распорядительныхъ объ имѣніи актовъ, какъ видно изъ свидѣтельства врача Кузминскаго, она разбита была параличемъ и притомъ, оставаясь безвыѣздно, въ селѣ Соловѣ, въ полной власти мужа, не имѣла возможности знать о тѣхъ актахъ, которые мужъ ея совершилъ, въ стародубскомъ уѣздномъ судѣ. Молчаніе отца Ульяны Ширай, Петра Борозды, который, впрочемъ, по показанію Долинской и Чернолузской, умеръ чрезъ 2 года послѣ рожденія Александра, во время пребыванія сего послѣдняго при матери, а также молчаніе прочихъ родственниковъ Ульяны Ширай, не могло и не можетъ лишить Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, тѣхъ правъ, какія ему законно принадлежать.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, доказывающимъ положительно, что законность рожденія Александра женою Ширая Ульяною Ширай, утвержденная метрическою книгою, не была формальнымъ порядкомъ оспорена Степаномъ Шираемъ, и слѣдуя точному смыслу современнаго настоящему событію закона литов. статута разд. III, артик. 28 § 3, а также т. X св. зак. гр. ст. 121, 131 и 122 и примѣч. къ сей послѣдней статьѣ, нельзя не придти къ заключенію, что Александръ, воспитанный подъ именемъ Заботина, долженъ быть признанъ законнымъ сыномъ генераль-маіора Ширая и жены его Ульяны.

Что же касается до ссылки Долинской и Чернолузской на примѣрное дѣло о званіи дочери княгини Касаткиной-Ростовской (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 16-го октября 1844 г.), то дѣло сіе, по самому существу своему, не можетъ быть поставляемо въ примѣръ въ настоящемъ случаѣ: въ дѣлѣ княгини Касаткиной-Ростовской доказано было: а) что княгиня Касаткина-Ростовская созналась письменно московскому митрополиту и словесно въ духовной консисторіи, что въ теченіи 6-ти лѣтъ не имѣла съ мужемъ сообщенія; признанія сіи учинены одно за 7-мъ мѣсяцевъ до рожденія ея дочери, а другое чрезъ 15-ть мѣсяцевъ послѣ рожденія; б) что княгиня Касаткина-Ростовская не жила въ домѣ мужа, а вела отдѣльную, свободную, независимую жизнь, и в) что дочь, рожденная ею проѣздомъ чрезъ Курскъ, была записана въ метрикѣ безъ означенія отца, который о существованіи дочери и не зналъ.

Изъ обнаруженныхъ же слѣдствіемъ событій о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, напротивъ того, видно, что мать сего послѣдняго Ульяна Ширая никогда и ни предъ кѣмъ не заявляла о прекращеніи супружескихъ отношеній; что она, Ульяна Ширая, жила постоянно и безвыѣздно въ имѣніи своего мужа, въ полной отъ него зависимости; что рожденный ею младенецъ былъ записанъ, въ метрикахъ, сыномъ ея мужа Степана Ширая, и что сей послѣдній о существованіи младенца, жившаго при матери 4 года, не былъ безызвѣстенъ. По симъ основаніямъ, а равно и потому еще, что постановленныя по одному дѣлу рѣшенія частныя, или такъ называемыя сепаратныя, по 68 и 69-й ст. 1-го т. основ. зак., не имѣютъ силы закона для другого дѣла,—послѣдовавшее по дѣлу Касаткиной-Ростовской рѣшеніе не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

IV. объ упущеніяхъ, допущенныхъ высочайше утвержденною слѣдственной комиссіею.

По всеподданнѣйшему докладу генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, его императорское величество повелѣть соизволилъ: обстоятельства, изложенныя въ запискѣ флигель-адъютанта Демидова 2-го о самовольномъ лишеніи генераломъ Шираемъ сына, рожденнаго его женою, правъ дворянства и наслѣдства, изслѣдовать черниговскому губернскому предводителю дворянства Ладомирскому съ полковникомъ корпуса жандармовъ Ливенцовымъ и флигель-адъютантомъ Демидовымъ. Черниговскій, полтавскій и харьковскій генераль-губернаторъ, объявляя о семъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ предводителю дворянства: «для избѣжанія всякихъ происковъ, взять всевозможныя мѣры предосторожности, дабы въ особенности, прежде приступленія къ слѣдствію, настоящая Высочайшая воля оставалась въ тайнѣ и чтобы все дѣйствія, которыя будутъ предприняты къ раскрытію сущности этихъ обстоятельствъ, отнюдь не дѣлались гласными прежде ихъ совершенія». Такимъ образомъ учрежденная, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственная комиссія для изслѣдованія противузаконныхъ поступковъ Степана Ширая, и по своему составу, и по указанному для нея образу дѣйствія, выходила изъ разряда обыкновенныхъ слѣдственныхъ комиссій.

Тѣмъ не мѣнѣ нельзя не признать, что слѣдователями допущены были два главные отступленія отъ закона при производствѣ розысканій по настоящему дѣлу: а) въ противность 1 и 2 п. 2367 ст. X т., спрошенъ подѣ присягою прикосновенный къ дѣлу титулярный совѣтникъ Заверуха, и б) приведены къ присягѣ вдова Масловская и Заверуха на другой день послѣ допроса (2386 ст. X т.). Обѣ участіи же унтеръ-офицера Лапчинскаго въ подмогахъ по метрическимъ книгамъ слѣдователи могли узнать не прежде, какъ послѣ допроса, которому по закону предшествовала присяга.

Что касается до другихъ упущеній, то слѣдуетъ принять во вниманіе:

1) Свѣдѣніе о рожденіи Ульяною Ширай, кромѣ Александра, сына Константина, основано на препровожденной къ слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ запискѣ, никѣмъ не подписанной, а потому имѣющей всѣ свойства и признаки подметнаго письма. Рожденный, будто бы, Ульяною Ширай Константинъ не значится въ метрическихъ книгахъ, какъ увѣдомило слѣдователей стародубское духовное правленіе; никто изъ спрошенныхъ лицъ не сдѣлалъ указанія, въ подтвержденіе сего обстоятельства, а Долинская и Чернолузская никакихъ свѣдѣній, по сему предмету, не сообщили. Очевидно, что слѣдователи не имѣли ни повода, ни основанія производить дальнѣйшія розысканія о лицѣ небываломъ.

2) Равномѣрно не представлялось основанія производить дальнѣйшія розысканія о сочинителѣ письма изъ г. Шацка, подписаннаго А. Заботинъ, и адресованнаго къ Долинской и Чернолузской. Другой Заботинъ, кромѣ того, о которомъ въ дѣлѣ семь рѣчь идетъ, и который въ то время находился въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ не являлся, а по секретному розысканію, какъ увѣдомилъ тамбовскій гражданскій губернаторъ, въ Шацкѣ Заботина не оказалось. Сего, кажется, достаточно для убѣжденія, что письмо изъ Шацка есть вымыселъ, неимѣющий даже признаковъ правдоподобія, тѣмъ болѣе, что въ тождествѣ Заботина, неоспариваемомъ Долинскою и Чернолузскою съ младенцемъ, рожденнымъ въ 1818 году Ульяною Ширай, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказываютъ показанія: по іерейской совѣсти священника Мануйловича, у котораго Александръ воспитывался, подѣ присягою жены Мануйловича, которая указала даже примѣты его, Александра, штабъ-капитана Емельяновича, директора ремесленного заведенія при воспитательномъ домѣ коллежскаго

совѣтника Розенкампа и предсмертное письмо Михаила Ширая къ своимъ сестрамъ.

3) Сличеніе подписи Петра Бороздины на письмѣ, представленномъ Долинскою и Чернолузскою, учинено было секретарями стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, которые единогласно признали письмо это неимѣющимъ по почерку сходства съ другими бумагами, писанными и подписанными Бороздиною. Законность обряда сличенія Долинская и Чернолузская не оспариваютъ, и такъ-какъ нѣтъ закона, чтобы производить вторичное сличеніе и давать предпочтеніе въ степени достоверности показаній секретарямъ губернскихъ мѣстъ и правительствующаго сената предъ секретарями судовъ 1 степени, то возраженіе по сему предмету не имѣетъ законнаго основанія.

4) Изъ дѣла видно, что Александръ находился до 4-хъ лѣтъ при матери, а до 7 лѣтняго возраста у новгородъ-сѣверскаго священника Мануйловича. Посему, и какъ на основаніи 116 правила Номоканона и 3 п. указа 6 ноября 1822 г., дѣти обоего пола допускаются къ исповѣди не ранѣе 7 лѣтняго возраста, то Александръ, до отпавленія въ Москву, не могъ значиться въ исповѣдныхъ книгахъ, а потому и дальнѣйшія розысканія по сему предмету безполезны.

5) Возраженіе Долинской и Чернолузской, что слѣдователи допустили мѣстнаго священника Іоанна Лапчинскаго къ увѣщеванію нѣкоторыхъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги, и къ приводу нѣкоторыхъ изъ допрошенныхъ къ присягѣ, не имѣетъ основанія. Нѣтъ закона, воспреещающаго участвующему въ дѣлѣ священнику приводить къ присягѣ и увѣщевать допрашиваемыхъ, а потому дѣйствія слѣдователей въ семъ случаѣ не могутъ быть признаны противузаконными. Къ тому же и увѣщанія и присяга производились священникомъ въ присутствіи слѣдователей.

6) Жалоба Долинской и Чернолузской о недопущеніи ихъ, во время слѣдствія, къ отводу свидѣтелей и къ присутствованію при приведеніи къ присягѣ лицъ, спрошенныхъ по сему дѣлу, не имѣетъ также основанія. Слѣдователи, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, изложенныхъ въ запискѣ полковника Демидова о поступкахъ, относящихся собственно до генерала Ширая, не считали и не могли считать Долинскую и Чернолузскую отвѣтчицами за отца въ подлогахъ, симъ послѣднимъ учиненныхъ. Кромѣ того, изъ дѣла видно, что возраженіе сіе было въ виду государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи вопроса о поряд-

къ производства подлежащаго дѣла и, Высочайше утвержденнымъ 16 октября 1844 г. мѣнѣемъ совѣта, предоставлено было Долинской правотѣ участія только въ дальнѣйшемъ производствѣ сего дѣла.

По всемъ вышеизложеннымъ основаніямъ и принявъ на видъ: Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло сіе не затягивалось, и ст. 2443 Х т., которая воспрещаетъ, подъ видомъ приведенія въ ясность обстоятельствъ дѣла, заводить справки, кои къ существу дѣла не принадлежатъ, а служатъ только къ промедленію онаго, я не нахожу достаточнаго основанія обращать настоящее дѣло къ новому переслѣдованію, тѣмъ болѣе, что новый допросъ въ семъ случаѣ, касаясь не другаго, а именно того же предмета, о которомъ большая часть спрошенныхъ лицъ уже разъ показали подъ присягою, имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ видъ вызова ихъ къ клятвопреступленію и заключалъ бы въ себѣ совершенное отступленіе отъ законовъ, охраняющихъ силу и важность данной единожды присяги.

Изъясненныя соображенія, основанныя на розысканіяхъ о происхожденіи Александра, воспитаннаго подъ именемъ Заботина, обнаруживаютъ: а) что сей послѣдній рожденъ въ 1818 г. Ульяною Ширай въ законномъ бракѣ съ генералъ-маіоромъ Шираемъ и воспитывался при матери до 4 лѣтъ въ имѣніи ея мужа, для котораго существованіе сего младенца не было тайною; б) что законность рожденія отъ Ширая и жены его Ульяны сына Александра оглашена была метрическими книгами, изъ которыхъ онъ впоследствии исключенъ подлогами и подмѣнами; в) что большинство свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою и по священническому увѣщанію, утвердили рожденіе Александра Ульяною Ширай отъ мужа ея Степана Ширая; г) что Ульяна Ширай не вела отдѣльной, независимой жизни отъ мужа, а имѣла постоянное, безвыѣздное пребываніе въ родовомъ имѣніи сего послѣдняго, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней, и видѣлся съ своею женою; д) что нарушеніе Ульяною Ширай супружеской вѣрности въ предшествовавшее до рожденія Александра время ничѣмъ не доказано; е) что Ширай законность рожденія женою его сына Александра не только нигдѣ и никогда не оспаривалъ формальнымъ порядкомъ, но даже нигдѣ и не оглашалъ до самой смерти своей; ж) что посредствомъ представленныхъ противною стороною доводовъ легко можно оспаривать законность рожденія, если не всякаго, то весьма многихъ, въ явное оскорбленіе святости брака, ограждаемаго законами, и наконецъ з) что подлогъ не можетъ быть оправ-

дываемъ никакими нравственными убѣжденіями, которыя, какъ выше уже замѣчено, подлежатъ разнообразнымъ сужденіямъ.

Всѣ сіи уваженія и прилагаемое къ нимъ общее правило, по ко-
ему всякое невинно-утраченное или похищенное право должно быть
возстановлено силою закона, приводятъ къ положительному заключенію,
что рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра, на
основаніи значащихся по дѣлу сему неотрицаемыхъ данныхъ и по точ-
ному содержанію лит. ст. разд. III арт. 28 § 3 и ст. 121, 122
и примѣчанія къ оной X т. св. зак. гр., надлежитъ признать закон-
нымъ ея и генераль-маіора Ширая сыномъ и, вслѣдствіе того, воз-
вратить ему отчество и фамилію, по закону принадлежащія, и всѣ
права, съ сею фамиліею сопряженныя.

Признавъ такимъ образомъ Александра законнымъ сыномъ гене-
раль-маіора Ширая и жены его Ульяны, и обращаясь затѣмъ къ раз-
рѣшенію *третьяго и послѣдняго вопроса*—о правахъ Александра
Ширая на имущество, оставшееся послѣ родителей, нельзя не замѣ-
тить, что права Александра Ширая на имущество, оставшееся послѣ
его родителей, различны по разнообразію свойствъ сихъ имуществъ.
При разрѣшеніи сего вопроса слѣдуетъ рассмотреть: а, права Але-
ксандра Ширая на благопріобрѣтенное имѣніе отца; б, права на ро-
довое имѣніе сего послѣдняго, и в, права на родовое имѣніе матери.

Генераль-маіоръ Ширай крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, пи-
саннымъ 9 ноября 1838 года, сознаннымъ и явленнымъ въ установ-
ленномъ порядкѣ, предоставилъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе
двумъ дочерямъ Марѣ, по мужу Долинской, и Анастасѣ, вышедшей
впослѣдствіи замужъ за Чернолузскаго. Посему и имѣя въ виду,
что по раздѣлу 8 артик. II § 1 всякій властенъ вещи свои движи-
мыя и недвижимое имущество, имъ самимъ пріобрѣтенное, записать
кому пожелаетъ, слѣдуетъ признать, что Александръ Ширай не мо-
жетъ имѣть никакого участія въ благопріобрѣтенномъ имѣніи отца.

Родовому же своему имѣнію генераль-маіоръ Ширай составилъ,
1 ноября 1838 г., распредѣлительный актъ, созданный въ установ-
ленномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ. Въ актѣ семъ сказано, что
онъ, Ширай, симъ распредѣлительнымъ вѣчнымъ записомъ, утверж-
даетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единствен-
нымъ по немъ наслѣдникамъ, полковницѣ Марѣ Долинской и двѣмъ

Анастасъ Ширай (нынѣ Чернолузская), все родовое, по наслѣдству доставшееся ему имѣніе, съ тѣмъ, что онѣ могутъ вступитъ во владѣніе симъ имѣніемъ не прежде, какъ послѣ его смерти. Актъ сей, по самому своему названію распределительный, не можетъ быть причисленъ къ разряду актовъ дарственныхъ, а ближе всего подходитъ, и по названію и по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Всякій актъ, посредствомъ коего распределяется имѣніе на случай смерти, есть безспорно не дарственный, а завѣщательный актъ; симъ единственно отличается повсемѣстно даръ отъ завѣщанія.

По литовскому статуту (разд. 8 арт. II § 1) дозволено было завѣщать имѣніе благопріобрѣтенное, но не отцовскія и материнскія родовыя имѣнія.

Сообразивъ означенный распределительный актъ Ширая о родовомъ его имѣніи, учиненный на случай его смерти, съ приведеннымъ закономъ литовскаго статута, оказывается, что актъ сей, какъ содержащій завѣщательныя распоряженія о родовомъ имѣніи, предъ закономъ не можетъ имѣть силы, а потому Александръ Ширай имѣетъ неотрицаемое право на полученіе изъ родового имѣнія, оставшагося послѣ отца, наслѣдственной части, на точномъ основаніи ст. 828 и 952 X т. Св. Зак. Гражд.

Перехода засимъ къ обсужденію правъ Александра Ширая на родовое материнское имѣніе, слѣдуетъ замѣтить, что объ имѣніи семь имѣются въ виду два акта:

Первый, дарственная запись самой Ульяны Ширай, составленная 17 августа 1809 г., по коей она все движимое и недвижимое свое имѣніе утвердила вѣчно и потомству сыновьямъ своимъ Михаилу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасіи, съ тѣмъ, чтобы, по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ сего времени владѣлъ и распоряжалъ имѣніемъ по смерти свою мужъ ея, безъ всякаго со стороны ея препятствія и противорѣчія. Сверхъ того дарительница предоставила мужу своему права и власть сказанныхъ дѣтей ея распределить наслѣдственнымъ записаннымъ отъ нея имѣніемъ, по его усмотрѣнію и знанію положенія и выгодъ тѣхъ имѣній, и что кому изъ дѣтей опредѣлено имъ будетъ, о томъ никто съ нимъ спорить права не имѣетъ; себѣ же Ульяна Ширай предоставила право пользоваться продовольствіемъ и жизненными припасами. Далѣе Ширай постановила, что она запись свою перемѣнить и нарушить не можетъ, и что равнымъ образомъ

мужъ ея не можетъ присвоивать себѣ правъ и власти болѣе той, которыя отъ нея въ сей записи точными и ясными словами ему предоставлены. Актъ сей признанъ и вписанъ въ актовыя книги, въ предписанномъ литовскимъ статутомъ порядкѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе сего акта Ульяны Ширай показываетъ, что сія послѣдняя при жизни своей, съ самаго дня совершенія записи (отъ сего времени, какъ сказано въ записи) отчуждала отъ себя и предоставила постороннимъ лицамъ и право собственности и право владѣнія и распоряженія принадлежавшимъ ей имѣніемъ; посему записъ сія содержитъ въ себѣ необходимыя условія дарственной записи. А какъ на основаніи литовскаго статута разд. III арт. 41 дозволено было вотчинникамъ дарить какъ благопріобрѣтенныя, такъ и родовыя свои имѣнія, то совершенная Ульяною Ширай дарственная записъ должна сохранить свою силу.

Признавать сію записъ дарственною на случай смерти нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Существенное различіе, между дарственною записью при жизни, дарственною на случай смерти и духовнымъ завѣщаніемъ, въ томъ и заключается, что на основаніи сихъ послѣднихъ актовъ, какъ владѣніе, такъ и распоряженіе даримымъ имуществомъ оставляется за дарителемъ до самой его кончины и переходитъ къ постороннему лицу только послѣ его смерти; настоящимъ же актомъ Ульяна Ширай, какъ выше уже сказано, и право владѣнія и право распоряженія, съ самаго дня совершенія акта, предоставила постороннимъ лицамъ.

Возраженіе, что дѣти Ульяны Ширай, получивъ по акту отъ матери право собственности на подаренное имъ имѣніе, могли вступить во владѣніе и распоряженіе онымъ только по смерти отца своего, и что посему самый актъ нельзя не признать актомъ на случай смерти, не имѣетъ законнаго основанія потому, что одно только условіе о смерти самаго дарителя имѣетъ вліяніе на признаніе акта дареніемъ на случай смерти или духовнымъ завѣщаніемъ. Въ настоящемъ же случаѣ смерть дарительницы не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на право дѣтей ея вступить во владѣніе и распоряженіе подареннымъ имъ имѣніемъ. Что касается до условія относительно вступленія дѣтей Ульяны Ширай во владѣніе имѣніемъ послѣ смерти ея мужа, то это условіе не ослабляетъ силы акта, ибо не только по литовскому ста-

туту, но даже по законамъ общимъ, право пользованія можетъ быть отдѣляемо отъ права владѣнія.

Второй актъ о родовомъ имѣнии Ульяны Ширай есть актъ распределительный мужа ея Степана Ширая 5 ноября 1838 года, которыми онъ по праву, предоставленному ему предыдущею дарственной записью жены, раздѣлилъ поровну родовое имѣние Ульяны Ширай между двумя дочерьми, съ тѣмъ, чтобы онѣ вступили во владѣние послѣ его смерти.

Право собственности на родовое имѣние Ульяны Ширай принадлежало, по дарственной ея записи 1809 года, ея дѣтямъ: сыновьямъ Михаилу и Петру и дочерямъ Маріи и Анастасіи, и потому настоящий распределительный актъ Ширая есть не что иное, какъ послѣдствіе предоставленнаго ему женою права раздѣлить между ними подаренное имѣние. Въ такомъ видѣ законность распределительнаго акта Степана Ширая не можетъ быть оспариваема. Но съ другой стороны, рассматривая сей послѣдній актъ въ отношеніи къ наследственнымъ правамъ Александра Ширая, нельзя не принять во вниманіе, что, если бы, при составленіи Ширавымъ распределительнаго акта на родовое имѣние жены, сыновья его Петръ и Михаилъ находились въ живыхъ, то, по точнымъ словамъ дарственной записи ихъ матери, онъ, Ширай, не могъ бы сыновей своихъ лишитъ слѣдующихъ имъ частей изъ подареннаго имъ матерью имѣнія. Дарственной записью 1809 г. Ульяна Ширай, утверждая права собственности на принадлежавшее ей имѣние за дѣтьми, тогда ею рожденными, сдѣлала въ актѣ семъ оговорку, что мужъ можетъ только распределить между сказанными дѣтьми имѣние, по знавію положенія и выгодъ имѣнія; слѣдовательно, не исключая изъ нихъ ни одного. Въ окончаніи дарственной записи, какъ бы въ подтвержденіе вышесказаннаго, Ульяна Ширай объяснила, что мужъ ея присвоивать себѣ права и власти болѣе той, которая ему въ сей записи точными и ясными словами предоставлена, не можетъ. Очевидно, что если бы сыновья Ширавы Михаилъ и Петръ находились въ живыхъ, то Степанъ Ширай не имѣлъ бы права, по силѣ упомянутой записи жены своей, лишитъ ихъ участія въ имѣніи, подаренномъ имъ матерью. При совершеніи распределительной Ширая записи, Петра и Михаила не было уже въ живыхъ: первый умеръ въ 1809 году, а второй въ 1833 году, но каждый изъ оставшихся въ живыхъ законныхъ наследниковъ вступалъ въ законныя права собственности послѣ умершаго. Такимъ образомъ послѣ Петра въ принадлежавшую

ему по акту матери часть вступили: братъ Михаилъ и сестры, а послѣ Михаила долженъ наследовать признанный законнымъ братъ его Александръ и сестры Марья и Анастасья. Соображенія сіи о порядкѣ наследованія, въ правахъ собственности на материнское имѣніе, основаны на разд. 3, арт. 17 § 2 литовскаго статута, въ которомъ сказано, что въ томъ случаѣ, если бы братья и сестры и не раздѣлили еще доставшееся имъ послѣ родителей имѣніе и одинъ изъ братьевъ, не оставя по себѣ дѣтей, умеръ, тогда его часть отческихъ и купленныхъ имѣній идетъ въ раздѣлъ токмо на братьевъ или на ихъ потомковъ, на сестеръ же слѣдуетъ выдѣлъ приданого соразмѣрно четвертой части всего отческаго и купленнаго имѣнія. А если бы осталась материнская часть, то братья съ сестрами поровну между собою оное раздѣлить должны. Въ настоящемъ случаѣ Петръ и Михаилъ умерли въ то время, когда материнское имѣніе по записи принадлежало имъ въ собственность, но не было раздѣлено по случаю пожизненнаго владѣнія отца; посему, на основаніи вышеприведеннаго закона, какъ собственная Михаила Ширая часть въ материнскомъ имѣніи, такъ доводящаяся ему по наследству послѣ брата Петра, должны быть раздѣлены поровну между Александромъ Шираемъ и сестрами его Марьею Долинскою и Анастасьею Чернолузскою.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и законами, управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ:

1) Рожденнаго въ 1818 году Ульяною Ширай сына Александра признать законнымъ сыномъ ея и генераль-маіора Ширая, возвративъ ему отчество, фамилію и все права, по рожденію принадлежащія.

2) Родовое имѣніе генераль-маіора Ширая раздѣлить между сыномъ Александромъ и дочерьми, женою генераль-маіора Марьею Долинскою и женою коллежскаго совѣтника Анастасьею Чернолузскою, на точномъ основаніи 828 и 952 ст. X. т. св. зак. гр.

3) Изъ родоваго материнскаго имѣнія часть, доводящуюся умершему, въ 1833 году, Михаилу Шираю, какъ по собственному праву, такъ и по наследству послѣ умершаго въ 1809 году брата Петра, раздѣлить поровну, между Александромъ Шираемъ и сестрами Долинскою и Чернолузскою; все затѣмъ остальное имѣніе материнское оставить въ безспорномъ владѣніи настоящихъ вотчинницъ.

4) Благопріобрѣтенное недвижимое и движимое имѣніе генерал-маіора Ширая, согласно завѣщанію его, оставить въ безспорной собственности генералъ-маіорши Долинской и коллежской совѣтницы Чернолузской.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената составилось узаконенное большинство гг. сенаторовъ, согласныхъ съ предложеніемъ и такимъ образомъ дѣло получило окончательное разрѣшеніе, согласно мнѣнію г. управлявшаго министерствомъ юстиціи.

ПЕРЕДОВЫЕ ЖИДЫ.

«Пане! сказалъ жидъ Янкель... знаете ли, что дѣлается?»

Т. Бульба, Гоголь.

Основа (VI-я книжка), по поводу рѣзко-высказаннаго ей неудовольствія одного изъ ея читателей за слово *Жидъ*, употребляемое ея сотрудниками, выразила, между прочимъ, свое участіе къ живущимъ на украинской почвѣ Жидамъ, какъ къ людямъ, которые, вмѣсто любви и уваженія къ себѣ, внушали и внушаютъ всему не-еврейскому населенію Украины чувства противоположныя. Въ статьѣ *Основы* съ сожалѣніемъ говорилось, что еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа.

Говоря такимъ образомъ, *Основа* надѣялась, что передовые люди еврейскаго племени въ Украинѣ, безпрестанно доводящіе до свѣдѣнія публики о своей образованности, поймутъ насъ какъ люди въ самомъ дѣлѣ образованные, и употребятъ зависящія отъ нихъ средства къ распространенію между украинскими Жидами новыхъ гражданскихъ идей, на обоюдную пользу пришельцевъ и туземцевъ. Не тутъ-то было! Не въ ту сторону направлены умы передовыхъ Жидовъ. Правда, они сами признали за нами историческое и филологическое право — называть ихъ этимъ именемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью, они вывели (въ 10 № своего журнала — *Сіонъ*) заключеніе, что «стремленія» *Основы* очевидно — исключительно національныя; что «*Основа* никакъ не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ малоруссовъ»; что *Основа* не позволяетъ никому быть равно-

душнымъ къ *особымъ* судьбамъ украинской націи; что эта нація готова приняться за *истребленіе* или *изнаніе* Жидовъ; что *Основа* требуетъ отъ Жидовъ сочувствія не къ судьбамъ цѣлаго отечества, а къ судьбамъ одной изъ частей его, и т. п.

Каждому, надѣмся, изъ этого ясно, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ передовые Жиды, для достиженія своей цѣли; каждый, кто читалъ *Основу* вообще и VI книжку въ—особенности, знаетъ, есть ли, во всемъ, сказанномъ *сіонскимъ* публицистомъ, хоть одно слово правды... За то, что мы не восхищаемся дѣлами предковъ ихъ на украинской почвѣ и не видимъ благословенія небснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и не дозволено жить, передовые Жиды, не обинуясь объявляютъ насъ проповѣдниками инквизиціи и обновителями варварскихъ и феодальныхъ временъ. Тутъ же рядомъ, они отпускаютъ такого рода фразы: «Въ равнодушіи къ общимъ судьбамъ нашего отечества *Россіи*... въ противодѣйствіи его пользамъ — *Основа* не упрекаетъ насъ и, при всемъ желаніи, не могла бы упрекнуть: *безчисленное множество* фактовъ могли бы мы привести въ такомъ случаѣ въ свою защиту.» Каково!.. Невольно вспоминается гоголевская сцена, въ которой Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними, какъ братья родные... Въ статьѣ, занимающей пять столбцовъ *Сіона*, не менѣе пяти разъ упомянуты слова: *отечество, отечественные интересы, все наше отечество*, — словомъ, передовые Жиды относительно «собиранія земли Русской» опереживаютъ и самихъ Іоанновъ московскихъ. Съ такими литераторами не намъ имѣтъ дѣло. Мы готовы отстаивать свои убѣжденія со всею искренностію любви къ правдѣ, насколько она намъ ясна, но странно было бы сражаться неравнымъ оружіемъ. Предоставимъ передовымъ Жидамъ идти къ своей цѣли избранною ими дорогою. Не впервые слова: *прогрессъ, цивилизація, гуманность, просвѣщеніе*, подвергаются подобному злоупотребленію.

Выражая такимъ образомъ личное мое мнѣніе о недостойномъ способѣ полемики, къ которому, въ слѣпомъ увлеченіи національнымъ эгоизмомъ, прибѣгнули передовые Жиды, я руководюсь чувствомъ, пробужденнымъ оскорбленіемъ достоинства печатнаго слова, тѣмъ-самимъ чувствомъ, которое, около трехъ лѣтъ тому назадъ, заставило меня взяться за перо въ пользу Евреевъ, обиженныхъ *Иллюстраціею*. Статью, помѣщенную въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858, т. XVIII, ноябрь, кн. 2-я) и подписанную, вмѣстѣ со мною, Костомаровымъ, Маркомъ Во-

вкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ, писалъ я. Въ ней было сказано слѣдующее:

«Много вѣковъ уже христіанскія націи, составляющія нынѣ Русскую имперію, клеймятъ скитающуюся по всему міру племя Евреевъ именами злодѣевъ, предателей, обманщиковъ, враговъ Божіихъ и человѣческихъ. И не на словахъ только высказывалось противъ Евреевъ негодованіе обществъ и правительствъ, которыя не умѣли увлечь ихъ человѣческими средствами на путь истины и добра. Ихъ изгоняли, топили, жгли и рѣзали, какъ хищныхъ звѣрей. Было бы неестественно этимъ жертвамъ слѣпago озлобленія фанатиковъ оставить обычаи, за которые ихъ ненавидѣли, и усвоить себѣ характеръ своихъ гонителей. Не говорю уже о самомъ вѣроисповѣданіи, которое, тѣмъ ожесточеннѣе было поносимо христіанами, тѣмъ казалось выше и святѣе въ глазахъ Евреевъ, тѣмъ тѣснѣе связывало ихъ въ одинъ корпоративный союзъ, во имя не-до-конца прогнѣваннаго ими Еговы. Такимъ образомъ, христіане, ревнуя по вѣрѣ и отъ всего сердца желая обратить на путь истины скитающихся по свѣту потомковъ Израіля, этимъ самымъ отдаляли ихъ отъ пути истины и дѣлали глухими къ евангельскому слову. Евреи видѣли и должны были видѣть своихъ враговъ въ проповѣдникахъ человеколюбиваго ученія, прибѣгавшихъ къ брани, угрозамъ, гоненіямъ и убійствамъ. Евреи сдѣлались и должны были сдѣлаться заклятыми врагами иновѣрцевъ, возвращающъ хулы на ихъ вѣру, на ихъ учителей, на ихъ храмы-школы и на священные для нихъ обычаи. Еврея, стѣсняемые повсемѣстно даже самими законами, поневолѣ обратились къ хитрости и плутовству, поневолѣ освятили вѣроученіемъ своимъ всякій вредъ, который они могутъ сдѣлать безнаказанно христіанину» (но извинительно ли прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ передовымъ Жидамъ нашего времени?) «Евреи дошли до изуверства въ ненависти къ христіанамъ. Какъ ни возмутительно для насъ многое изъ того, что мы знаемъ о Евреяхъ по достовѣрнымъ, письменнымъ и печатнымъ, свидѣтельствамъ, но это должно служить для насъ только мѣрою золъ, которыми такъ долго и такъ повсемѣстно подвергались несчастные потомки Израіля. Съ другой стороны, современный практическій разумъ доказываетъ намъ очень убѣдительно, что ни къ чему доброму не привела Евреевъ всеобщая вражда къ нимъ христіанскихъ народовъ, и что одно свободное просвѣщеніе да равенство гражданскихъ правъ способны очистить еврейскую національность отъ всего, что въ ней

есть непріязненнаго къ инувѣрцамъ. Русскіе литераторы, стоящіе во главѣ новаго русскаго движенія къ человѣчности, глубоко сознали эту истину. *Русскій Вѣстникъ* первый сдѣлался органомъ просвѣщенныхъ представителей еврейскаго племени, во имя независимости всякой сознающей себя народности, и первый представилъ торжественную манифестацію русскихъ и польскихъ писателей противъ *Иллюстраціи*, которая, нося европейское имя, дышетъ временемъ Іоанна IV Грознаго въ своихъ сужденіяхъ о Евреяхъ. Въ сорока осьми именахъ, подписавшихъ протестъ, напечатанный въ 21 № *Русскаго Вѣстника*, я увѣренъ, есть и имена малороссіянъ, которые, вообще, никогда не оставались позади представителей Великороссіи, во всякомъ истинно-человѣческомъ движеніи. Но, между этими именами, я не вижу ни одного, съ которымъ связана идея собственно-малороссійской, украинской или южнорусской народности, проявившаяся въ послѣднее время въ литературныхъ произведеніяхъ разнаго рода. Много или мало извѣстно покажется такихъ именъ, но голоса ихъ имѣютъ въ этомъ дѣлѣ особенно важное значеніе, выражая мнѣніе о еврейскомъ вопросѣ того народа, который больше Великороссіянъ и Поляковъ терпѣлъ отъ Евреевъ и выразилъ свою ненависть къ Евреямъ, во времена оны, многими тысячами кровавыхъ жертвъ. Этотъ народъ не могъ входить въ причину зла, заключавшуюся не въ Евреяхъ, а въ религиозно-гражданскомъ устройствѣ Польши. Онъ мстилъ Евреямъ съ такимъ простодушнымъ сознаніемъ праведности кровопролитій, что даже воспѣлъ свои страшные подвиги въ своихъ истинно-поэтическихъ пѣсняхъ. И несмотря на то, современные литературные представители этого народа, дыша инымъ духомъ, сочувствуя инымъ стремленіямъ, прикладываютъ свои руки къ протесту *Русскаго Вѣстника* противъ статей *Иллюстраціи*.

То, что написалъ я года три назадъ, я повторяю и теперь, какъ доказательство, что мой взглядъ на вопросъ о Евреяхъ не измѣнился; но ни прежде, ни послѣ я не допускалъ и не допускаю за Евреями права—дѣйствовать безъ разбора всякимъ оружіемъ,—въ родѣ *сіонскаго*, или въ родѣ неумѣстнаго притязанія г-на П—ва,—для достиженія хотя бы самыхъ естественныхъ и справедливыхъ цѣлей. *Основа*, безъ сомнѣнія, вполне со мной согласна.

И. Кулишъ.

О ПОВѢСТИ Г. КУЗЬМЕНКА.

Есть таланты, ненуждающіеся въ пособіи критики, для того, чтобы быть оцененными по достоинству. Широкий взмах крыльевъ генія самъ за себя говоритъ каждому слишкомъ-убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производить созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъестественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, окружающій юношескіе годы талантливаго писателя, вѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности—все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общественной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣтелей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первые его стихотворенія, напечатанныя мною въ *Хатъ*, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растений, поражающихъ обоняніе сильно, но непріятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую,— не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи ка-

кой-то грубой, тупой силы и боится, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подѣлиться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услаженіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участіе къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и имя Кузьменка появилось въ *Основѣ* между пишущими прозою. Возвратясь въ Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и перечитывая изданныя безъ меня книжки *Основы*, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣстны о немъ, могъ произвести что-нибудь способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повѣсть его, носящая заглавіе: *Не такъ ждалось, да такъ сложилось*, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ, что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, прокладываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тѣнь и запустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ не только занятъ, увлеченъ, но даже тронутъ простымъ и скромнымъ, до убѣжденія скромнымъ, рассказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вовсе не вымыслена, — и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходит онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ рассказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень преткнанія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ умѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу, — нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому цѣломудрію фантазій, которая отли-

часть всѣ истинные таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но нѣтъ ничего лишняго. *Ничего лишняго*:—эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покамѣстъ, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего больше, то повѣсть его останется всегда на примѣтъ у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ ничего плоше, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолькоъ выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

П. Кулишъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

V.

Грамота на Рошны и разборъ ея. ()*

I. ГРАМОТА.

На оборотѣ написано: «Божіею милостію Пресвѣтлейшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ-всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы.»

Внизу написано: «Справиль подъячій Иванъ Биринъ.»

(Пергаментъ. Сверху орелъ, кругомъ ободокъ и цвѣты, все золотое. Годы означены ц.-славянскими буквами).

Божіею милостію мы Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы; Московскіе, Киевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе и Великіе Князья Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, Государи и Великіе Князи Новгорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, и всѣя сѣвѣрныя страны, Повелители и Государи Иверскіе земли, Карголинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ Князей, и иныхъ многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣ-

(*) Эту статью, составленную покойнымъ Михайломъ Александровичемъ Стаховичемъ для «Юридическихъ Записокъ», сообщилъ намъ издатель этого сборника, П. Г. Рѣдкинъ, какъ прямо подходящую, по своему содержанію, къ предмету *Основы*. Подлинная грамота находится у П. Г. Рѣдкина. *Ред.*

верныхъ, отчичи и дѣдичи, и наследники, и Государи и Обладатели. *Наше Царское Величество* (золотомъ) пожаловали знатного войскового товарища Ивана Павлова сына Лисицу велѣли ему дать сію нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту на село Рошицы, да на селцо Пекари и на мельницы на рекѣ Ромнѣ, и на иныхъ рѣчкахъ стоящія со всеми къ нимъ угодь, да на мельницу з греблюю и ставомъ в селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся. Для того въ нынѣшнемъ во ЗРЧИ-мъ году билъ челомъ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству онъ Иванъ, что въ прошлыхъ годѣхъ служилъ отецъ его Павелъ Отцу Нашему Блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, и на тѣхъ службахъ подъ Оржищевымъ убить отъ неприятелей. Такъ же и онъ Иванъ служилъ Отцу нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству, и Брату Нашему блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Его Царскому Величеству; такъ же нынѣ и Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству служить со всякимъ усердіемъ многие годы и посыланъ былъ во Царь-городъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ отъ митрополіи Кіевской, чтобъ оную митрополію Святѣйшій Константинопольскій Патріархъ уступилъ и отдалъ подъ благословеніе святѣйшаго Московскаго и всея Россіи и иныхъ сѣверныхъ странъ Патріарха. И по той его посылкѣ та митрополія святѣйшему Московскому Патріарху уступлена и совершенно отдана. Да и въ Чигиринскихъ и въ иныхъ во многихъ такъ же и въ лѣто ЗРЧЕ и въ лѣто ЗРЧЗ во обоихъ крымскихъ походехъ онъ былъ, и съ неприяли съ турекими и съ крымскими людьми бился, не щадя головы своей. И за тѣ его службы, по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу, подданной Нашъ войска Запорожскаго обоехъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа далъ ему Ивану въ Нашихъ Царскаго Величества Малороссійскихъ городѣхъ для пополненія Нашей Царскаго Величества службы въ уѣзде Роменскомъ село Рошицы съ людьми посполитыми съ мельницами на Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими и со всеми къ нему принадлежащими угодь, да ему жъ Ивану подтвердилъ листомъ своимъ

селцо Пекари, въ полку Прилуцкомъ въ сотне Краснянской обрѣтающееся съ людьми посполитыми, которымъ селцомъ онъ и прежде сего владѣлъ. Да мельницу зъ греблею и ставомъ въ уѣздѣ воронежскомъ въ селѣ Локоткахъ обрѣтающуюся бывшаго Гетмана за которую мельницу заплатилъ онъ въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ. А Нашей же Великихъ Государей Нашего Царского Величества жалованной грамоты, во укрепленіе и утверженіе того въ семь на вѣчное владѣніе, ему и женѣ и дѣтямъ ево недано, и чтобъ Мы Великіе Государи Наше Царское Величество пожаловали ево Ивана велѣли на тѣ ево вышеписанные село Рошицы, да на село Пекари и на мельницы и на всякия угоды дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, а въ листу подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича прошлаго РЧС году написано: «по Нашему Государей Нашего Царского Величества указу, видя онъ въ войске запорожскомъ многія службы знатнаго войскового товарища Ивана Лисицы, которыя онъ отправлялъ, и впредь отправлять ихъ Царскому Величеству имѣть со всякою вѣрностію, далъ ему в роменскомъ уѣздѣ село Родинецъ съ людьми посполитыми съ мельницами на рекѣ Ромнѣ и на иныхъ рѣчкахъ стоящими со всеми къ нему принадлежащими угоды и принадлежностями, да ему жъ утверждаетъ въ полку прилуцкомъ въ сотне Краснянской селцо Пекари съ людьми посполитыми и со всеми къ нему надлежащими угоды, которыми онъ и при бывшемъ Гетманѣ прежде сего владѣлъ, также утверждаетъ ему въ воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Локоткахъ мельницу зъ греблею и съ ставомъ бывшаго Гетмана за которую заплатилъ онъ Лисица въ войсковую казну тысячу сто золотыхъ готовыхъ своихъ денегъ, и приказалъ ему Ивану и женѣ ево и дѣтемъ владѣть ею совсякими приходящими съ нее доходы вѣчно, а селомъ рошицами и селцомъ Пекарями и мельницами и всякими къ нимъ належащими угоды владѣть ему, и всякое отъ людей посполитыхъ опричь казаковъ, послушаніе и повинность, а съ мельницъ разнѣровые доходы обирати вѣчножъ. А до казаковъ ему, которые полковые Ихъ Царскаго Величества службы служить,—дѣла нѣтъ, и чтобъ ему въ томъ владѣніи никто изъ старшихъ и черни ныне и впредь не имѣли никакъ не чинити препоны, а войты тѣхъ селъ съ людьми посполитыми во всемъ были ему послушны.

Мы Пресвѣтлѣйшіе і Державнѣйшіе Великіе Государи Цари и

Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, наше Царское Величество, слушавъ того ево Иванова челобитья и подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетмана Ивана Степановича даннаго ему листа, пожаловали его Ивана за службы отца Его и его и Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству вышеписанные вѣрные и родѣтельные службы велѣли ему тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всякими къ нимъ надлежащими угоды которые по Нашему Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества указу написалъ ему въ вышеписанномъ листу подданной Намъ войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Степановичъ, такъ же и купленою его мельницею въ селѣ Локоткахъ будетъ кого въ чемъ спору какова не будетъ владѣть и всякіе съ нихъ обыкныя подати и пожитки употребить, на что и сію Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту дать ему указали. и впредь будущимъ роду ево; и то все Мы Великіе Государи Наше Царское Величество силою сей нашей Царскаго Величества жалованной грамоты ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ и роду ево укрѣпляемъ и утверждаемъ, и быти тому селу и селцу и мельницамъ и всякимъ угодымъ за нимъ въ вотчинѣ, потому, что онъ ту Нашу Царского Величества милость и жалованье получилъ за свои вѣрные и радѣтельные и знатныя къ Намъ Великимъ Государямъ Нашему Царскому Величеству службы, и чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы и вѣрное радѣнье, дѣти его и внучати и кто по немъ роду его будетъ такъ жебъ Намъ Великимъ Государемъ Нашего Царскаго Величества и Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ служили, и ему вышеупомянутому Лисицѣ и женѣ его и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ, тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами съ надлежащими къ нимъ угоды владѣть и всякіе доходы имать и пожитки употреблять. И тѣ вышеписанные (все опять именуется) ему Ивану и т. д. въ роды ихъ неподвижно; и волю имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданые дать и во всякіе крѣпости укрѣпить. А для вящаго утвержденія Нашей Царскаго Величества милости и вѣчнаго владѣнія тѣмъ селомъ и селцомъ и мельницами со всеми къ нимъ подлежащими угоды ему Ивану и женѣ его и дѣтямъ себѣ Нашу Великихъ Государей Нашего Царскаго Величества жалованную грамоту утвердить Нашею Царского Величества печатію повелѣли. Писана ся Наша Царскаго Величества жалованная грамота,

въ Нашемъ царствующемъ величѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра ЗРЧИ мѣсяца Марта VI дня, государствованія Нашего II году.

Великихъ Государей Ихъ Царскаго Величества думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

При грамотѣ въ серебряномъ кругломъ ковчегѣ, печать; на крышкѣ гербъ,—двуглавый орелъ безъ московскаго герба со скипетромъ и державою; внутри отлично—сохранившаяся краснаго воску печать, съ гербомъ: орелъ съ московскимъ гербомъ на груди, подъ нимъ столъ; на столѣ булава; на одной сторонѣ 7 человѣкъ:—передніе видно, что кругловолосые, въ латахъ, короткихъ кафтанахъ съ саблями, а одинъ съ знаменемъ; съ другой стороны въ длинныхъ шубахъ, одинъ со скипетромъ; кругомъ печати краткій титулъ Царей. На грамотѣ обертка шолковой матеріи; у печати кисти серебряныя, идутъ отъ пришитаго куска серебряной парчи.

II. РАЗБОРЪ.

Извѣстно, что, послѣ ослабленія южной системы русскихъ княжествъ, главнымъ центромъ русской православной іерархіи была Москва. Въ ней основалась единственная (кромѣ кievской) митрополія и возрасла до патріархіи. Сначала Москва и Кіевъ сносились съ греческими патріархами отдѣльно, такъ же, какъ въ древнія времена и многія великія княжества находились въ самостоятельныхъ отношеніяхъ съ Греціею, особенно Владимірское. До временъ московскаго патріаршества по разнымъ русскимъ городамъ являются греческіе епископы и архіепископы, пославаемые въ Константинополь. Со времени же патріарховъ московскихъ, сѣверная и восточная части Россіи единственно отъ нихъ стали получать своихъ пастырей; греческіе исчезаютъ, а разсадникомъ русскихъ пастырей становятся русскіе сѣверные монастыри. Но кievская митрополія и подчиненныя ей епископства продолжаютъ, въ это время, находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ константинопольскому патріарху, который рукополагаетъ ихъ митрополитовъ. Однако, значеніе православныхъ іерарховъ, въ странѣ, угнетенной католицизмомъ, стало такъ маловажно въ это время, что униаты присвоивали себѣ часто имя кievскихъ митрополитовъ, вмѣстѣ съ властью и управленіемъ. Жестокая оппозиція, которую составлялъ народъ, противилась такому порядку, и кровью отстаивала свою православную

независимость отъ хитростей польской политики, въ то самое время, какъ на сеймахъ открыто разсуждали о томъ, чтобы всѣми силами стараться обѣднить и ослабить русское духовенство, и тѣмъ унижить его въ глазахъ народа. Еще въ недавнее время видны были слѣды этихъ ужасныхъ мѣръ. Когда послѣдовало распоряженіе о поддержаніи благолѣпія и порядка русскихъ церквей въ Бѣлоруссіи, (гдѣ часто въ помѣщичьихъ селеніяхъ католическіе костелы, посѣщаемые единственно господиномъ и его домочадцами, были каменные и богатоукрашенные зданія, а русскія церкви—полуразрушенныя, деревянныя, съ бѣднѣйшею утварью и одеждами), то многіе изъ крестьянъ того края приносили, для новыхъ, строившихся, церквей, утвари и дорогія церковныя вещи. Одинъ крестьянинъ принесъ хранившіяся съ незапамятныхъ временъ серебряныя церковныя врата, преданіе о коихъ передавалось отъ отца къ сыну, на смертномъ одрѣ. Съ самого начала преобладанія Литвы и Польши, въ южно-русскомъ краѣ, видно стремленіе къ соединенію подъ одно управленіе съ православною Москвою въ церковномъ отношеніи. Начало новой московской митрополіи положилъ св. Петръ митрополитъ, родомъ волынецъ, который удержалъ при себѣ и кievскую митрополію. Но литовскіе князья успѣли разъединить эти митрополіи: Кіевъ началъ имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ, которые большею частью держались сношеній съ папою и униєю, такъ—что единственною оградой православія на югѣ осталась община козацкая и нѣкоторые ея представители. Вотъ причина, почему многія лица изъ знатныхъ родовъ стали вступать въ ряды духовенства. — Обычай этотъ еще недавно существовалъ въ Малороссіи, гдѣ многіе изъ дворянъ были священниками и архіереями, напр. Іоасафъ Горленко, гдѣ и теперь многія церкви имѣютъ своихъ настоятелей изъ дворянскихъ родовъ. Многіе преданные—православію митрополиты кievскіе, по рукоположеніи ихъ въ Царьградѣ, оставались при одномъ имени, но безъ власти. По освобожденіи Россіи отъ самозванцевъ и внутреннихъ неустройствъ, южно-русская козацкая община не преминула содѣйствовать ближайшему средству охраненія вѣры и первой ея колыбели, Кіева — соединенію южной Руси съ Москвою и кievской митрополіи съ московскою патриархіею. Кіевскій соборъ постановилъ это іерархическое соединеніе. Тогда Гedeонъ Святополкъ князь Четвертинскій, вторично прибылъ въ Москву, для рукоположенія въ митрополиты. О поставленіи его во епископа Переяславскаго хлопоталъ еще Богданъ Хмельницкій, но признано было необходимымъ испросить предварительно

согласіе патріарха Діонисія на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. Отъ кievской митрополіи былъ посланъ въ Цареградъ войсковой товарищъ Иванъ Павловъ Лисица, для исхода-тайствованія отъ патріарха уступки кievской митрополіи подъ благословеніе московскаго и всея Россіи патріарха, и вслѣдствіе этой посылки, кievская митрополія была уступлена и навсегда отда-на московскому патріарху. За такія службы дана была Лисицѣ вотчина, перешедшая къ его дочери, которая была замужемъ за предкомъ нашимъ, городецкимъ сотникомъ, Андреемъ Стаховичемъ. Онъ же, Андрей Стаховичъ, получилъ вотчину и жалованную на нее грамоту по купчей, съ утвержденіемъ универсальнымъ Гетмана Скоропадскаго, отъ брата умершаго Ивана Лисицы, кievскаго монаха Досифея, *трактовавшего науки* въ кievской академіи.

Вотъ отношеніе напечатанной здѣсь грамоты къ политической исторіи Малороссіи и исторіи церкви русской. Подобные документы, несомнѣнно важные въ историческомъ отношеніи съ точки зрѣнія государственной, доселѣ составляютъ основаніе гражданскихъ правъ нынѣшняго малороссійскаго дворянства, и потому они не менѣе важны въ юридическомъ отношеніи. Грамота на Рошицы съ этой стороны весьма замѣчательна. Постараемся представить краткій экзегетическій разборъ ея.

Грамотою укрѣпляются войсковому товарищу Лисицѣ данныя ему отъ Мазепы вотчины: села Рошицы и Пекари, по пожалованію, и мельница съ прудомъ въ селѣ Локоткахъ, на рѣкѣ Воронежѣ, купленная у Мазепы на наличныя деньги. Владѣлецъ просилъ объ укрѣпленіи его правъ жалованною грамотою, которая нужна была ему, несмотря на то, что гетманъ далъ и записалъ за нимъ вотчины съ людьми-посполитыми, по указу великихъ государей. Владѣнія, по данному гетманскому листу и по другимъ утвердительнымъ листамъ, были приказаны «для пополненія царской службы,» почему Лисица и выражается въ просьбѣ, что вотчины даны ему за службы (исчисляя ихъ, онъ упоминаетъ и о посольствѣ въ Цареградъ) и «для службы;» въ жалованной же грамотѣ велѣно селу быть за нимъ «въ вотчинѣ.» Что же значить, спрашивается, владѣніе для службы и по службѣ, котораго недостаточно для правъ вотчинника, и для чего нужна Лисицѣ грамота, если былъ у гетмана царскій указъ о пожалованіи? Разберемъ сначала смыслъ владѣнія по гетманскому листу. Гетманъ приказываетъ Ивану Лисицѣ владѣть вѣчно имѣніемъ, со всеми доходами, и всякое послушаніе отъ людей посполитыхъ имѣть, а до

козаковъ, которые Ихъ Царскаго Величества службу чинять, ему дѣла нѣтъ, и чтобъ никто изъ старшинъ и изъ черни не имѣлъ ему чинить препоны, а войты съ людьми были бы послушны. Здѣсь раздѣляется народъ на два сословія: на козачество и посполство. До козаковъ владѣльцу дѣла нѣтъ: они въ отношеніи къ нему составляютъ особое сословіе, и не должны ему чинить препоны. Войты, ближайшіе начальники людей посполитыхъ, должны быть ему вмѣстѣ съ ними послушны. Въ слѣдующихъ за этою грамотою универсалахъ гетмана Мавеиы, (коихъ списки я имѣю), также различаются сословія, напримѣръ по одному: » Пани Лисичена подала просьбу въ томъ, что въ имѣніи ея тѣ люди, которыхъ небожчикъ (Лисица) съ козацтва до громады привернулъ, опять снова ухилиются и не хотятъ за громадою тянути и посполыхъ повинностей отбувати, велить ихъ до громады привернути. » Въ другихъ универсалахъ, посполымъ людямъ велятъ не укрываться въ козачество, и отбывать повинности на стояковъ (расположенныя на квартирахъ военные команды), старшинамъ не велятъ дѣлать владѣльцу кривды и шкоды (универсалы Скоропадскаго слѣдующему владѣльцу, Якову Лисицѣ). То же самое повторяется въ листахъ и универсалахъ при вводѣ во владѣніе. Такимъ образомъ, гетманскій листъ опредѣляетъ отношенія владѣльца къ людямъ, живущимъ въ мѣстахъ его владѣнія. Онъ долженъ распоряжаться управленіемъ общихъ повинностей. Гетманъ даетъ свой листъ, по царскому указу, т. е. по общему своему праву раздавать имѣнія для исполненія службы. На этомъ основаніи, онъ утверждаетъ прежнія владѣнія и гражданскія сдѣлки объ отчужденіи имѣній и назначаетъ новыя помѣстья въ награду за службу; назначая кому-либо имѣніе. Гетманъ опредѣляетъ право владѣнія извѣстнаго лица и даетъ оное со всеми средствами въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Грамотою же утверждается право поземельной собственности. Въ ней нѣтъ уже распоряженій объ отношеніяхъ владѣльца къ людямъ: это дѣло гетманскаго управленія, и о немъ упоминается въ грамотѣ, какъ въ протоколѣ, вмѣстѣ съ просьбою и съ гетманскимъ представленіемъ къ наградѣ. Грамота утверждаетъ распоряженіе гетмана, и для частнаго лица опредѣляетъ его твердое и нерушимое право чисто гражданского характера: цари велятъ быть имѣніямъ за Лисицею »въ вотчинѣ.« Различіе укрѣпленія по грамотѣ и листамъ гетманскимъ весьма отчетливо выражается въ слѣдующихъ словахъ этихъ актовъ: Гетманъ велить вотчиннику владѣть и всякое отъ людей

послушаніе имѣть; а грамотою цари велятъ владѣть и пожитки употреблять; укрѣпляютъ изъ рода въ родъ неподвижно. Вотчину эту воленъ онъ продать, заложить, въ приданое дать и во всякія крѣпости укрѣпить, т. е. грамотою дается право собственности, тогда какъ гетманъ даетъ одно право владѣнія. Владѣніе дается по общимъ чиновнымъ распорядамъ, а собственность — какъ частное, неограниченное право. На этомъ основаніи грамота, единственный оплотъ такого права, дается со всею торжественностью, не только юридическою, но даже дипломатическою. Печать краснаго воску, приложенная къ этой грамотѣ, вѣроятно, осталась со времени сношеній царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ.

М. Стаховичъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

1.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Новый уставъ объ акцизѣ съ табаку.

1-го августа 1861 года обнародованъ Высочайше утвержденный 4 іюля 1861 года уставъ объ акцизѣ съ табаку, при особомъ указѣ сенату, въ которомъ сказано, что дѣйствующіи объ акцизѣ съ табаку постановленія были подвергнуты общему пересмотру, вслѣдствіе того, что потребленіе табаку постоянно распространяется во всѣхъ сословіяхъ, доходъ же казны отъ налога на сей предметъ роскоши не возрастаетъ въ достаточной съ его потребленіемъ соразмѣрности.

Согласно новому уставу, потребленіе табаку въ имперіи подлежитъ платежу пошлины; а посему производство табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, кромѣ разведенія и продажи табаку плантаторами, допускается не иначе, какъ съ соблюденіемъ особыхъ, въ уставѣ семь постановленныхъ, правилъ.

По уставу, табакъ раздѣляется на 2 вида: сырой и приготовленный. Сырымъ табакомъ признаются табачные листья и стебельки, высушенные и вывѣтренные въ папушахъ или связкахъ, не свернутые въ рули и кароты. Приготовленнымъ же табакомъ считаются: а) листья и стебельки, свернутые въ рули и кароты; б) табакъ тертый и крошеный, нюхательный и курительный; в) всякаго рода табакъ, свернутый или завернутый въ табачные листья, бумагу, солому и т. п. г). табачныя крошки и вытерки. Разводители табаку могутъ, безъ платежа акциза и взятія свидѣтельства на право продажи, продавать плантаціяхъ, ярмаркахъ и торгахъ собственный свой табакъ въ сыромъ видѣ оптомъ и въ розницу, для внутренняго употребленія и вывоза за границу.

Съ приготовленнаго табаку внутренней выдѣлки взимается акцизъ, посредствомъ бандеролей. Привозный иностранный табакъ оплачивается установленными таможенными пошлинами.

Лица, желающія содержать заведенія, для приготовленія и продажи табаку, кромѣ соблюденія общих постановленій о производствѣ торговли, обязаны брать ежегодно особыя акцизные свидѣтельства. Развозъ и разносъ всякаго рода табаку производится не иначе, какъ по свидѣтельствамъ и накладнымъ.

Наблюденіе за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, для обезпеченія исправнаго поступленія въ казну установленныхъ съ табаку сборовъ, возлагается на акцизный надзоръ.

О разведеніи табаку и развозкѣ его съ плантацій. Согласно этимъ правиламъ, разведеніе табаку предоставляется лицамъ всѣхъ состояній.

Сырой табакъ внутренняго произрастенія развозится съ плантаціей, въ предѣлахъ акцизнаго округа или губерніи, если таковая не принадлежитъ къ округу, не иначе, какъ уложенный въ связки или другія помѣшенія вѣсомъ, не менѣ пуда (netto), по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ на сей предметъ отъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ начальствъ. На вывозъ сыраго табаку за предѣлы акцизнаго округа, или губерніи, выдаются отъ акцизнаго надзора особыя накладныя, съ платою за каждую по 30 к. Табакъ же, застигнутый на пути или торгѣ, безъ свидѣтельства или накладной, подлежитъ задержанію, какъ корчемный.

О приготовленіи табаку и табачныхъ фабрикахъ. Приготовленіе табаку дозволяется только на табачныхъ фабрикахъ; домашнее же приготовленіе табаку, только для собственнаго употребленія, а не для продажи, дозволено единственно табакоразводителямъ, въ жилищахъ при плантаціяхъ. Табачныя фабрики могутъ быть учреждаемы купцами всѣхъ гильдій и лицами торгующими, по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ столицахъ, портовыхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, со взятіемъ акцизныхъ свидѣтельствъ и съ разрѣшенія министра финансовъ. Владѣльцы табачныхъ фабрикъ обязаны ежегодно выбирать на каждую фабрику изъ казны бандеролей: въ Одессѣ на сумму не менѣ 3000 рублей, во всѣхъ другихъ южнорусскихъ городахъ и мѣстахъ не менѣ 1300 рублей. Фабрики, коихъ владѣльцы не выберутъ, въ какую либо треть, определенной пропорціи бандиролей, закрываются. Фабрика, по этой причинѣ закрытая, можетъ быть вновь открыта, въ теченіе того же года, не иначе, какъ по дополнительной выборкѣ обязательнаго количества бандеролей, какое за весь годъ съ нея причиталось бы, по самый день ея возобновленія. По прошествіи же года, таковая фабрика можетъ быть открыта не иначе, какъ по предварительной выборкѣ количества бандеролей, причитающагося за цѣлую треть года, сверхъ узаконенной годовой пропорціи. Содержаніе, при табачныхъ фабрикахъ, лавокъ и лавочекъ, для разночной продажи табаку, не дозволено. Въ фабрики и совершенно отъ нея отдѣльно, табачный фабрикантъ можетъ имѣть двѣ лавки, для разночной продажи своихъ издѣлій, а если желаетъ имѣть ихъ болѣе, то долженъ брать на каждую особый билетъ, съ платежемъ, на основаніи 317 ст. уст. о пошл., независимо отъ установленнаго акцизнаго свидѣтельства, на каждую табачную лавку.

Табачные фабриканты обязаны ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, представлять мѣстному акцизному надзору, для сѣрѣпы и приложенія печати, двѣ прошнурованныя книги, въ которыя фабриканты, въ теченіе слѣдующаго за симъ года, обязаны записывать приходъ и расходъ сыраго и приготовленнаго на фабрику табаку.

Объ акцизныхъ свидѣтельствахъ. Акцизные свидѣтельства ежегодно выда-

ются изъ уѣзднаго казначейства всѣмъ желающимъ открыть или продолжать содержаніе табачной фабрики, склада для оптовой продажи табаку, лавки, или лавочки, или производить продажу табаку, для мѣстной раскурки въ трактиръ или на гульбищахъ, а равно перепродажу русскаго листового табаку въ развозъ.

За акцизные годовыя свидѣтельства на право приготавленія и продажи табаку взимается слѣдующая плата: 1) На табачныя фабрики: въ Одессѣ по 150 руб. а въ другихъ мѣстахъ по 100 руб.

2.) На склады для оптовой продажи: а) исключительно листового табаку внутренняго произрастенія, по 15 руб.; б), всякаго рода табаку, русскаго и иностраннаго, въ сыромъ и приготавленномъ видѣ, по 30 руб.

3.) На табачную лавку и на право розничной продажи приготавленнаго табаку, русскаго и иностраннаго: въ Одессѣ по 25 руб., въ другихъ мѣстахъ по 15 руб.

4.) На табачныя лавочки и на право розничной продажи приготавленнаго табаку, внутренней выдѣлки: въ Одессѣ по 10 руб., въ другихъ мѣстахъ по 5 рублей.

5.) На право продажи табаку и сигаръ изъ бардероленныхъ помѣщеній, для куренія на мѣстѣ: а), для трактировъ, ресторановъ, гостиницъ, кофейныхъ домовъ и буфетовъ при клубахъ, театрахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ публичныхъ заведеніяхъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 20 руб.; въ другихъ мѣстахъ и на пароходахъ по 10 рублей; б), для харчевенъ, портерныхъ лавочекъ, ренсковыхъ погребовъ и питейныхъ домовъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 15 руб.; въ другихъ мѣстахъ по 7 рублей; в), для корчмъ: въ губернскихъ и портовыхъ городахъ по 10 руб.; въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ по 5 руб.

6.) На право разноса табаку и сигаръ на публичныхъ гульбищахъ, гдѣ дозволено курить, для продажи цѣльными и обандероленными помѣщеніями, по 1 руб.

7.) На право перепродавать, русскій сырой табакъ въ развозъ, по 2 руб.

О торговлѣ табакомъ. Покупка сыраго табаку внутренняго произрастенія у плантаторовъ, пудовыми связками или помѣщеніями. дозволяется лицамъ всѣхъ состояній повсемѣстно; лица же, занимающіеся перепродажею сего табаку въ развозъ, обязаны брать акцизное свидѣтельство, которое выдается лицамъ всѣхъ званій, съ платою по 2 руб. въ годъ. Содержаніе складовъ, для оптовой продажи исключительно русскаго сыраго табаку, внутренняго произрастенія, дозволяется купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, со взятіемъ на каждый таковой складъ узаконеннаго акцизнаго свидѣтельства. Склады для оптовой продажи всякаго табаку, т. е. русскаго и привознаго, въ сыромъ и приготавленномъ видѣ, могутъ содержать только купцы первыхъ двухъ гильдій, по узаконеннымъ акцизнымъ свидѣтельствамъ.

Изъ табачныхъ лавокъ дозволяется розничная продажа всѣхъ сортовъ приготавленнаго табаку внутренней выдѣлки и привознаго. Содержать табачныя лавки могутъ купцы и лица, торгующія по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ, въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ сіе дозволено, со взятіемъ на каждую акцизнаго свидѣтельства.

Изъ этого правила сдѣлано исключеніе для черноморскихъ козаковъ, которымъ, на основаніи дарованныхъ привилегій, дозволено, въ предѣлахъ своихъ

земель, производить продажу табаку, подъ установленными бандеролями, въ лавкахъ, вмѣстѣ съ прочими товарами, безъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, по однимъ только акцизнымъ свидѣтельствамъ, на табачныя лавки установленнымъ.

Табачныя лавочки, со взятіемъ на нихъ акцизныхъ свидѣтельствъ, могутъ содержать мѣшане и лица, торгующіе по свидѣтельствамъ четвертаго рода; изъ сихъ лавочекъ дозволяется продавать въ разницу табакъ внутренняго приготвленія.

Розничная продажа сыраго табаку русскаго произрастенія дозволена только изъ табачныхъ лавокъ и лавочекъ. Розничная же продажа привознаго иностраннаго табаку, въ листьяхъ и стебелькахъ, повсемѣстно запрещена.

Крестьяне, имѣющіе въ селеніяхъ мелочныя лавочки, могутъ продавать изъ нихъ табакъ внутренняго приготвленія безъ, взятія свидѣтельствъ четвертаго рода и только по акцизнымъ свидѣтельствамъ на табачныя лавочки. Право это предоставлено и отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, приписаннымъ къ селеніямъ.

На ярмаркахъ торговля табакомъ должна производиться съ заявленіемъ о томъ ярмарочному начальству и по особымъ выданнымъ отъ него билетамъ.

О порядкѣ развоза табаку. Согласно правиламъ, въ этой главѣ изложеннымъ, всякій табакъ-приготовленный, равно иностранный, въ листьяхъ и стебелькахъ, долженъ быть развозимъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ городскихъ и сельскихъ начальствъ, или по форменнымъ накладнымъ, отъ акцизнаго надзора выдаваемымъ, со взиманіемъ за каждую по 30 коп. платы.

Накладныя пишутся по особой формѣ; въ нихъ, за подписью акцизнаго пристава, должны быть обозначены: а), количество и качество отправляемаго табаку; б), имя возчика; в), имя отправителя, день отправленія и мѣсто, откуда табакъ высылается; г), трактъ, по коему онъ слѣдуетъ; д), мѣсто назначенія и лицо, коему онъ адресованъ.

Для полученія накладной, акцизнымъ чиновникамъ предъявляются бумаги, удостоверяющія, что отправляемый табакъ достался отправителю законными путями, а именно: а), въ случаѣ приобрѣтенія табаку отъ разводителей, въ предѣлахъ акцизнаго округа, свидѣтельства мѣстнаго городского или сельскаго начальства; б), въ случаѣ привоза изъ-за границы—таможенные провозные ярлыки, и в), въ случаѣ привоза изъ другихъ мѣстъ—накладныя мѣстнаго надзора.

Накладныя, ярлыки и свидѣтельства, при транспортахъ табаку, должны быть предъявляемы во всякое время акцизному надзору, городской и сельской полиціи, по ихъ востребованію.

Транспорты съ табакомъ, слѣдующіе при накладныхъ, подвергаются только поверхностной повѣркѣ числа и знаковъ помѣщений и цѣлости печатей надзора, къ нимъ приложенныхъ; а внутренней, подробной повѣркѣ могутъ быть подвергнуты только въ случаѣ, если печати окажутся взломанными, или число и знаки помѣщений не будутъ соответствовать означеннымъ по накладной.

О вывозѣ русскаго табаку за границу. Вывозъ сыраго табаку русскаго произрастенія за границу предоставляется плантаторамъ и купцамъ всѣхъ трехъ гильдій, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для развоза табаку по имперіи.

Фабрикантъ, желающій отправлять свои табачныя издѣлія за границу, обязанъ всякій разъ приглашать мѣстный акцизный надзоръ, для освидѣтельство-

вавія предназначенныхъ къ вывозу помѣщеній, которыя могутъ быть, безъ обложенія бандеролями, перевозимы въ таможи, за печатами надзора и съ его удостовѣреніемъ о количествѣ отправляемаго табаку. Таможи, освидѣтельствовать ввозъ сіи помѣщенія, выдаютъ отправителю свидѣтельство, которое должно быть имъ представлено акцизному надзору, въ теченіи полугода; въ случаѣ же непредставленія въ сей срокъ свидѣтельства таможи, о дѣйствительномъ вывозѣ за границу безбандерольнаго табаку, съ фабрики, подъ печатами надзора, отпущеннаго, содержатель фабрики обязанъ внести причитающіеся за все количество акцизъ, по высшему сорту табаку. Купцы, производящіе заграничную торговлю, но неимѣющіе своихъ фабрикъ, могутъ представлять въ таможи приготовленный табакъ внутренней выдѣлки, для вывоза за границу, не иначе, какъ въ помѣщеніяхъ обандерольныхъ; стоимость бандерелей возвращается имъ, если, по предварительномъ удостовѣреніи таможи, что таковыя помѣщенія ею пропущены, отправитель представитъ еще удостовѣреніе російскаго консульства того мѣста, куда табакъ отправленъ, о томъ, что онъ дѣйствительно туда, въ опредѣленномъ количествѣ, прибылъ.

Этимъ кончается первый раздѣлъ устава, носящій общее заглавіе: «о порядкѣ производства табачной промышленности и взиманіи акциза съ табаку».

Засимъ слѣдуетъ второй раздѣлъ: *«учрежденіе акцизнаго управленія по табачному сбору»*.

Центральное управленіе сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ, по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, а надзоръ за ходомъ табачной промышленности, въ губерніяхъ, возложенъ на казенныя палаты и уѣздныя казначейства, на начальниковъ акцизныхъ округовъ, ихъ помощниковъ, табако-акцизныхъ приставовъ, надзирателей и корчемную стражу по акцизу съ табаку.

Акцизный надзоръ за точнымъ поступленіемъ табачныхъ сборовъ и за правильнымъ производствомъ табачной промышленности распределяется на акцизные округа и дистанціи или районы.

Акцизный округъ составляется изъ одной или нѣсколькихъ смежныхъ губерній.

Каждый табако-акцизный округъ управляется начальникомъ оного, который имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ дистанціи, составляющія округъ и есть главный начальникъ окружной корчемной стражи. Мѣстопробываніемъ начальниковъ округовъ назначаются главные центры табачной промышленности, въ томъ числѣ: Кіевъ, Одесса и Полтава или Харьковъ.

Дистанціею называется извѣстная часть округа. Каждою дистанціею заводится акцизный приставъ 1 или 2 класса.

Для вспоможенія надзору за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, состоитъ при ономъ корчемная стража.

При акцизныхъ округахъ, полагается, для порученій и приобрѣтенія познаній въ дѣлахъ акцизныхъ, одинъ или два чиновника.

Акцизные округа учреждаются постепенно, по мѣрѣ того, какъ потребуетъ распространеніе табачной промышленности; на первое время учредятся семь округовъ, въ томъ числѣ Югозападный: изъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Новороссійскій, изъ губерній: Херсонской, Таврической, Екатеринославской и области Бессарабской, и Малороссійскій, изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской.

Въ губерніяхъ, не въ акцизноключенныхъ округахъ, наблюдение за правильною производствомъ табачной промышленности возлагается на казенныя палаты, отъ которыхъ надзоръ поручается: въ губернскихъ городахъ — чиновникамъ ихъ вѣдомства, а въ уѣздныхъ и другихъ городахъ — чиновникамъ уѣздныхъ казначействъ, виннымъ и солинымъ приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ по цитейнымъ сборамъ и проч. чиновн.

Начальники губерній, палаты государственныхъ имуществъ, уѣздныя конторы и всѣ мѣстныя управленія, а равно и городскія и земскія полиціи должны оказывать акцизному надзору поощре, съ ихъ стороны, содѣйствіе.

Акцизный надзоръ по табачнымъ сборамъ, тамъ, гдѣ онъ учрежденъ отдѣльно отъ казенныхъ палатъ, не зависитъ отъ нихъ, собственно по прямымъ его обязанностямъ, состоящимъ въ наблюденіи за табачною промышленностью во всѣхъ ея видахъ, но долженъ представлять казеннымъ палатамъ всѣ свѣдѣнія и справки и исполнять всѣ порученія, какія, по отчетности, възысканіямъ и дѣламъ межевымъ, палаты сіи отъ него потребуютъ.

Начальники округовъ обязаны осматривать лично всѣ вѣренныя имъ дистанціи не менѣе двухъ разъ въ году. Всѣмъ чиновникамъ, на коихъ возложенъ надзоръ по табачному сбору, предоставляется употреблѣть, для открытія злоупотребленій, лицъ всякаго званія, подъ ихъ личною отвѣтственностью.

Акцизный надзоръ, направляя дѣйствія свои къ раскрытію и предупрежденію незаконнаго приготовленія и продажи табаку, обязанъ притомъ поступать съ надлежащею умѣренностію, не дѣлая помѣшательства торговцамъ и фабрикантамъ. Въ частныя жилища надзоръ доступа не имѣетъ; но въ случаѣ основательныхъ подозрѣній, если встрѣтится надобность сдѣлать домовый обыскъ, то таковой производится, на основаніи общихъ узаконеній.

Денежныя взысканія за нарушеніе правилъ новаго устава и суммы, поступающія отъ продажи конфискованныхъ предметовъ, за вычетомъ 10%, для причисленія къ пенсiонному капиталу государственнаго казначейства, обращаются въ особый капиталъ, для выдачи награжденій служащимъ по части акциза съ табаку. Если же открыватель не принадлежитъ къ акцизному вѣдомству, то изъ означенныхъ суммъ поступаетъ въ капиталъ только половина, а другая выдается открывателю. Кроме того, для увеличенія средствъ надзора и поощренія служащихъ, съ дохода, превышающаго сборъ отъ продажи бандеролей и свидѣтельствъ, въ 1858 году по каждому акцизному округу или губерніи поступившій, ежегодно отчисляется 15%, изъ коихъ 5 употребляются на усиленіе средствъ и улучшеніе надзора; остальные же 10 раздѣляются, въ пособіе къ жалованью между мѣстнымъ специальнымъ надзоромъ и чиновниками, занимающимися дѣлопроизводствомъ, по части акциза съ табаку, въ министерствѣ финансовъ.

Акцизные чиновники, за всякое умышленное попускеніе корчемнымъ дѣйствіямъ по табачной промышленности, исключаются изъ службы, съ утратою всѣхъ заслуженныхъ, по силѣ сего устава, преимуществъ, а если доказано, что это сдѣлано ими изъ корыстныхъ видовъ, то подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за лихоимство.

Лица, которымъ порученъ надзоръ за исполненіемъ табако-акцизныхъ узаконеній, за всѣ преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ вообще за нарушеніе обязанностей службы, а за нанесеніе, своими несправедливыми дѣйствіями, частнымъ лицамъ убытковъ — денежному вознагражденію обиженныхъ, по приговору суда.

О порядке производства дѣлъ по задержанію корчемнаго табаку и слѣдствій по нарушеніямъ акцизныхъ, по табачной части, правилъ. Главная цѣль спеціального табако-акцизнаго надзора состоитъ въ наблюденіи за правильнымъ производствомъ табачной промышленности, во всѣхъ ея видахъ, въ открытіи злоупотребленій и въ ихъ немедленномъ пресѣченіи; а посему, на всѣхъ акцизныхъ чиновникахъ лежитъ прямая обязанность, всякое уклоненіе отъ акцизныхъ правилъ, открытое ими самими непосредственно, или чрезъ объявленіе городской или земской полиціи, или чрезъ доносъ частнаго лица, прекращать, и, составивъ о нарушеніи письменный актъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, представить оный на разсмотрѣніе и рѣшеніе мѣстной казенной палаты.

Актъ объ открытіи нарушенія акцизныхъ правилъ, касающихся табачной промышленности, долженъ быть составленъ акцизнымъ чиновникомъ, съ точнымъ объясненіемъ обстоятельствъ дѣла, подписанъ составителемъ, скрѣпленъ двумя посторонними свидѣтелями и предложенъ къ подписанію самому нарушителю.

Еслиже сей послѣдній отъ сего откажется, то о семъ должно быть упомянуто въ самомъ актѣ, и въ такомъ случаѣ акцизный надзоръ обязанъ потребовать мѣстную полицію, для засвидѣтельствованія акта. Таковой актъ имѣетъ силу полного доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ положительными противъ него доводами.

Корчемной стражѣ вменяется въ обязанность задерживать всякаго, кто продаетъ табакъ безъ бандеролей, а равно останавливать всякаго рода табакъ, развозимый безъ оправдательныхъ видовъ, т. е. безъ форменныхъ накладныхъ свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ, или таможенныхъ ярлыковъ, и представлять какъ задержанныхъ людей, такъ и табакъ, при нихъ найденный, своему ближайшему начальству, которое, по разсмотрѣніи представленнаго стражею обстоятельства, или составляетъ актъ, истребовать отъ задержанныхъ людей обезпеченіе въ исправномъ взносѣ могущаго причитаться съ нихъ взыскація, каковой актъ получаетъ законное движеніе, или, въ случаѣ невиновности задержанныхъ, ихъ освобождаетъ. Задержанные корчемною стражею люди подлежатъ аресту только въ случаѣ, если открывается подозрѣніе въ поддѣльныхъ на табакѣ бандероляхъ, или въ подложныхъ бумагахъ, или если, при ихъ задержаніи, они окажутъ сопротивленіе, съ нанесеніемъ оскорбленій или побоевъ корчемной стражѣ, или если не представятъ достаточнаго обезпеченія или благонадежнаго поручительства, въ могущемъ причитаться съ нихъ взыскаціи. За исключеніемъ сихъ случаевъ, задержанные должны быть немедленно отпущены, съ отобраніемъ у нихъ показанія объ ихъ личности и о мѣстѣ ихъ жительства, а равно и всѣхъ другихъ свѣдѣній, въ коихъ окажется надобность.

Казенная палата, получивъ отъ акцизнаго надзора актъ объ открытомъ имъ нарушеніи акцизныхъ правилъ, безъ замедленія, и не позже семи сутокъ, считая со времени поступленія сего акта въ палату, обязана сдѣлать постановленіе, о мѣрѣ взыскація съ виновнаго. Если же дѣло должно быть произведено судебнымъ порядкомъ, то палата дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ формальнаго слѣдствія чрезъ судебного слѣдователя.

Если, по разсмотрѣніи дѣла казенною палатою и по утвержденіи департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, или по рѣшенію судебного мѣста, задержанные табакъ и другіе предметы признаются некорчемными, то оные возвращаются хозяину ихъ или его повѣренному, съ предоставленіемъ имъ права понесенные убытки отыскивать съ виновныхъ въ неправильномъ задержаніи-

II	—	»	—	»	—	»	—	48 к., »	—	—	16 к.
I	—	»	—	»	—	•	отъ	63 к., »	—	—	30 к.

ТАБАКЪ КУРИТЕЛЬНЫЙ:

1 ФУНТЪ.

У	сорг	ц.	табака	со	включ.	бандер.	не	выше	10	к.,	ц.	одного	бандер.	3	к.
IV	—	»	—	»	—	»	—	»	22	к.,	»	—	—	—	6 к.
III	—	»	—	»	—	»	—	»	40	к.,	»	—	—	—	12 к.
II	—	»	—	»	—	»	—	»	80	к.,	»	—	—	—	25 к.
I	—	»	—	»	—	»	—	»	92	к.,	»	—	—	—	36 к.

Сигары и папиросы:

100 штукъ.

V	сортъ для однихъ папирсъ	не выше 30 к.	9 к.
IV	— — — — —	» — 46 »	14 к.
III	сортъ для сигаръ и папирсъ	1 р.	30 к.
II	— — — — —	2 р.	65 к.
I	— — — — —	2 р. 36 к.	1 р. —

ТАБАКЪ ВЪ КАРОТАХЪ:

1 ФУНТЪ.

II сортъ со включеніемъ бандероля не выше 84 коп. 19 к.
I — — — — — отъ 1 р. 4 коп. 38 к.

ТАБАКЪ ВЪ РУЛЯХЪ:

1 ФУНТЪ.

II сортъ со включен. бандер. не выше 62 коп. ц. одного бандер. 14 к.
I — » — — — — — отъ 73 коп. » — — — 24 к.

О порядке введения въ дѣйствіе новаго устава объ акцизѣ съ табаку. Въслѣдъ за изданіемъ новаго устава, 18 августа обнародовано высочайше-утвержденное 4 іюля сего года мѣнѣе государственнаго совѣта оприведеніи означеннаго устава въ дѣйствіе не позже 3-и мѣсяцевъ, со дня его утвержденія, съ соблюденіемъ притомъ постепенности по слѣдующимъ предметамъ: 1) дозволено фабрикантамъ и торговцамъ продажу табачныхъ издѣлій, подъ прежними бандеролями, производить до 1-го мая 1862 г. съ сего же срока должны быть приведены въ исполненіе правила о развозѣ табаку, по свидѣтельствамъ и накладнымъ, и 2), правила о выборкѣ бандерелей въ усиленномъ, противъ нынѣшняго, размѣрѣ, о платѣ за акцизные свидѣтельства и веденіе контрольных книгъ, по новой формѣ, на табачныхъ фабрикахъ и складахъ, и о содержаніи уже существующихъ фабрикъ, съ соблюденіемъ условій, чтобы при нихъ не было лавокъ для разничной продажи табаку и чтобы запасы сыраго табаку не находились отдѣльно отъ самихъ фабрикъ, а равно чтобы не содержались фабрики въ одномъ домѣ и на одномъ дворѣ съ лавками для разничной продажи и съ заведеніями для раскурочной продажи табаку,—обязательны для табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ лишь съ 1-го января 1862 г., причѣмъ предоставлено министру финансовъ, разрѣшать и болѣе продолжительные сроки, для тѣхъ фабрикантовъ и торговцевъ, которые связаны особыми, по найму фабричныхъ и торговыхъ помѣщеній, контрактами (мѣнѣ. госуд. сов. 4 іюля въ сен. вѣд. 18 августа 1861 г. № 66).

Новое положеніе о питейномъ сборѣ.

1-го августа обнародовано высочайше-утвержденное 4-го іюля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ. Цѣль новаго положенія ясно видна изъ высочайшаго указа, при которомъ оно обнародовано. Дѣйствующіе нынѣ, сказано въ этомъ указѣ, способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ и еще болѣе по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности. Далѣе, въ указѣ повелѣно открыть губернскія и окружныя акцизныя управленія съ 1-го іюля 1862 года, въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ томъ составѣ, въ какихъ окажется нужнымъ, по усмотрѣнію министра финансовъ, и ассигновать, съ того же срока, на содержаніе сихъ управленій въ-теченіе 1862 года до 1,500,000, а съ 1-го января 1863 года до 3,000,000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

По новому положенію, въ губерніяхъ великороссійскихъ, Ставропольской, прибалтійскихъ, западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, въ областяхъ: Бессарабской, Кубанской и Терской, въ землѣ войска Донскаго, а также въ губерніяхъ и областяхъ Восточной и Западной Сибири, доходъ съ питей въ пользу казны, съ 1863 года, получается въ видѣ: 1) акциза съ производимаго количества питей, и 2) патентнаго сбора съ заводовъ для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, а также съ заведеній для продажи питей. Акцизу подлежатъ: а) спиртъ и вино, выдѣляемые изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, свеклосахарныхъ остатковъ и китайскаго проса (сорго); б) водки, выдѣляемая изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и, такъ называемые, нейсаховыя; в) приготовляемые въ Россіи: портеръ, пиво всѣхъ родовъ и медъ; г) брага, приготовляемая на особо-устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ платежу акциза: а) всѣ спиртовые напитки и издѣлія, приготовляемые изъ спирта и вина, оплаченныхъ уже акцизомъ; б) спиртъ, употребляемый для выдѣлки осветительной жидкости; в) спиртъ и вино и издѣлія изъ оныхъ, вывозимые за границу; г) виноградное вино, уксусъ и медовый квасъ.

Акцизъ съ спирта и вина, а также съ водокъ нейсаховыхъ и выдѣляемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, назначается по расчету содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; акцизъ съ портера, пива и меда, а также съ выдѣляемой на особыхъ заводахъ браги, назначается, соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются сіи напитки. Патентный сборъ соразмѣряется съ родомъ заведеній и выгодами мѣстности.

Продажа оплаченныхъ акцизомъ питей составляетъ предметъ вольнаго промысла, и потому ни опредѣленной цѣны, ни нормальной крѣпости напиткамъ, ни числа мѣстъ продажи оныхъ не назначается.

Акцизъ съ спирта, вина и водокъ взимается въ казну, по мѣрѣ ихъ продажи. Акцизъ съ заводовъ пиво- и медоваренныхъ и съ заводовъ для выдѣлки браги вносится, за время ихъ дѣйствія, впередъ.

Патентный сборъ взимается, при выдачѣ патентовъ на право производства напитковъ или на право торговли ими.

Управление питейнымъ сборомъ. Главное управленіе дѣлами, относящимися до взиманія въ казну дохода съ питей принадлежитъ Министерству Финансовъ, по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Мѣстное завѣдываніе, въ губерніяхъ и областяхъ и въ земляхъ войска Донскаго, питейнымъ доходомъ возлагается на губернское акцизное управленіе, которому въ уѣздахъ подчиняются окружныя акцизныя управленія. Губернское акцизное управленіе завѣдываетъ питейнымъ доходомъ въ одной только губерніи или области или въ нѣсколькихъ сосѣдственныхъ, смотря по числу и обширности заводовъ; точно также и окружное управленіе назначается для одного или для нѣсколькихъ уѣздовъ.

Губернское акцизное управленіе состоитъ изъ управляющаго акцизнымъ сборомъ, его помощника и ревизоровъ. Окружное акцизное управленіе составляютъ: надзиратель акцизнаго сбора и его помощники. Всѣ должностныя лица акцизнаго управленія имѣютъ, во всякое время, право свободного входа въ винокуренныя, водочныя, пиво—и медоваренныя заводы, а равно и въ заводы, приготовляющіе другія издѣлія изъ оплаченныхъ акцизомъ вина и спирта. Равнымъ образомъ они имѣютъ свободный доступъ во всѣ мѣста оптовой и раздробительной продажи питей, подлежащихъ акцизу, во всякое время, пока заведеніе открыто для публики, а когда оно не открыто, то, въ видахъ надзора, могутъ требовать впуска въ эти мѣста, днемъ отъ 5 часовъ утра до 9-ти часовъ вечера; ночью же осмотръ производится только въ крайней необходимости.

Главнѣйшія обязанности управляющаго акцизнымъ сборомъ слѣдующія: 1) наблюденія за исполненіемъ правилъ о винокурении, пиво—и медоварении и о выдѣлкѣ водокъ и издѣлій изъ вина и спирта; 2) наблюденіе за исполненіемъ правилъ о питейной продажѣ; 3) наблюденіе за дѣйствіями должностныхъ лицъ акцизнаго управленія; 4) наблюденіе за поступленіемъ доходовъ съ питей; 5) наблюденіе за ревизією дѣлъ и отчетности подвѣдомственными ему должностными лицами; 6) доставленіе вѣдомостей и отчетовъ надлежащимъ мѣстамъ; и 7) разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Помощникъ управляющаго исполняетъ его обязанности, во время его отсутствія, болѣзни, увольненія въ отпускъ и во время службы и кромѣ того, наравнѣ съ ревизорами, исполняетъ возложенныя на него управляющимъ порученія. Обязанности окружнаго акцизнаго управленія состоятъ: въ повѣркѣ описаній заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащія платежу акциза, и въ измѣреніи заводской посуды; въ выдѣлкѣ свидѣтельствъ на производство напитковъ и патентовъ на заводы и торговлю напитками; въ наблюденіи за выдѣлкою и продажей напитковъ; въ наблюденіи за поступленіемъ казенныхъ доходовъ; въ полученіи и доставленіи отчетныхъ свѣдѣній губернскому акцизному управленію и въ производствѣ дѣлъ, по нарушеніямъ правилъ положенія.

Казенная палата ревизуетъ отчетъ губернскаго акцизнаго управленія и представляемыя имъ заводскія, подвальныя и другія книги.

Уѣздное казначейство принимаетъ поступающія въ уплату акциза суммы, ведетъ отдѣльный счетъ акцизу, поступающему съ каждаго завода, продаетъ гербовую, для патентовъ, бумагу, доставляетъ, куда слѣдуетъ, вѣдомости и отчеты, по питейнымъ доходамъ.

Начальникъ губерніи, имѣя наблюденіе за исполненіемъ положенія, не только долженъ содѣйствовать акцизному управленію, по его распоряженіямъ и

представлениямъ, но и принимать непосредственно зависящія отъ него мѣры къ огражденію казны, во всѣхъ случаяхъ, вносящихся къ ущербу питейнаго дохода; онъ также ревизуетъ акцизное управленіе на общихъ основаніяхъ, поставленныхъ для обозрѣнія губерній.

Городскія и земскія полиціи, съ своей стороны, имѣютъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ, заводчиками и продавцами питей, установленныхъ въ положеніи правилъ.

О лицахъ, имѣющихъ право на выдѣлку напитковъ, подлежащихъ акцизу.

Напитки эти приготовляются на особыхъ для каждаго заводахъ, которые должны устроиваться отдѣльно одинъ отъ другаго и не имѣть никакой связи, какъ между собою, такъ и съ заводами, выдѣлывающими изъ спирта и вина другіе, высшихъ сортовъ, напитки и издѣія.

Правомъ винокурения, въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ и области Бессарабской, пользуются: 1) дворяне, владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями; 2) войсковые обыватели въ Харьковской губерніи, пользовавшіеся симъ правомъ до 12 февраля 1837 года; 3) колонисты въ Таврической губерніи, до истеченія дарованныхъ имъ привилегій; 4) владѣющіе въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ винокуреными заводами, по правамъ заставнымъ, традиціоннымъ и эксклизиторскимъ, на основаніи прежнихъ законовъ, если тѣ лица принадлежать къ потомственному дворянству, признанному департаментомъ герольдіи; 5) недворяне, владѣющіе населенными имѣніями въ Бессарабіи, только на тѣхъ винокурняхъ, которыя ими устроены, до изданія акцизнаго положенія 23 ноября 1849 г., или на устройство которыхъ они получили до означеннаго времени дозволеніе, и 6) лица, имѣющія право на фабричную и заводскую промышленность въ области Бессарабской.

Въ землѣ войска Донскаго право курить вино принадлежитъ: чиновникамъ и войсковымъ обывателямъ.

Правомъ дѣланія водокъ, изъ виноградныхъ винъ, винограда, выжимокъ и остатковъ его, и изъ фруктовъ, пользуются: 1) дворяне и чиновники; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) лица, коимъ даны особыя привилегіи; 4) всѣ войсковые обыватели въ землѣ войска Донскаго; 5) люди всѣхъ состояній, имѣющіе собственные виноградные сады, а въ области Бессарабской и Крымскомъ полуостровѣ и неимѣющіе собственныхъ садовъ, всякаго состоянія владѣльцы поземельной собственности и другія лица, въ томъ числѣ и государственные крестьяне.

Правомъ выдѣлки водокъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, пользуются лица, имѣющія сахарные и свеклосахарные заводы.

Правомъ приготовленія пейсатовой водки пользуются Евреи въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Волынской и Подольской.

Правомъ варенія пива, портера и меда, а также браги, на пивоварняхъ, для продажи, пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской, въ городахъ, а въ новороссійскихъ губерніяхъ и области Бессарабской и въ казенныхъ селеніяхъ: дворяне, чиновники, купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговые свидѣтельства. Въ землѣ войска Донскаго, право то имѣютъ: чиновники, войсковые обыватели, почетные граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и крестьяне, имѣющіе торговые свидѣтельства.

Въ селахъ и деревняхъ свободное вареніе пива, браги, меда, въ корчагахъ и котлахъ, для домашняго обихода, дозволяется всѣмъ, проживающимъ въ сихъ мѣстахъ, лицамъ, съ тѣмъ: а) чтобы, для производства сихъ издѣлій въ котлахъ, не было возводимо особыхъ постоянныхъ построекъ и чтобы вывариваемое пиво и медъ не были пускаемы для распитія въ другихъ деревняхъ, а также, чтобы пиво и медовареніе производилось только для храмовыхъ и мѣстныхъ сельскихъ праздниковъ, для свадебъ и такъ называемыхъ помочей, во время полевыхъ работъ, и б) вареніе же пива и браги въ корчагахъ можетъ быть производимо во всякое время.

Правила о винокурении. Учрежденіе винокуренныхъ, также, какъ пиво-и медоваренныхъ и другихъ заводовъ производится съ вѣдома акцизнаго управленія и мѣстной полиціи.

Система винокурения и устройства завода предоставляется усмотрѣнію заводчика, съ тѣмъ, что наименьшій размѣръ для винокуреннаго завода полагается въ 540 ведеръ емкости всѣхъ квасильныхъ чановъ въ совокупности при 4-хъ суточномъ броженіи, т. е. чтобы каждый чанъ былъ не менѣе 135 ведръ; устраивать заводы меньшаго размѣра не дозволяется, а гдѣ такіе существуютъ, то должны быть къ 1 января 1863 года или доведены до законнаго размѣра или закрыты.

Выкурка вина дозволяется изъ хлѣба, солода, свекловицы и картофеля, но безъ примѣси патоки и другихъ сахаристыхъ веществъ. Каждый срокъ винокурения, на который заводчикъ испрашиваетъ особое свидѣтельство, долженъ быть не короче двухъ недѣль, и въ разрѣшенный срокъ винокурение должно производиться безъ перерыва.

Объявленія заводчиковъ, желающихъ производить винокурение, должны быть подаваемы надзирателю акцизнаго сбора, по-крайней-мѣрѣ, за недѣлю предъ наступленіемъ срока.

О выдѣлкѣ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыхъ. Заводы, для выдѣлки этихъ питей, устраиваются съ вѣдома окружнаго акцизнагоуправленія и полиціи, всякихъ размѣровъ, но употреблять на нихъ можно только квасильные чаны и перегонные кубы.

Приготовлять водки изъ меда, медовыхъ остатковъ и такъ называемаго воронка запрещено; изъ этого исключаются только пейсаховыя водки, употребляемыя евреями, которыя дозволяется дѣлать изъ меда и патоки.

О пиво- и медовареніи.

Пивоваренный заводъ можетъ быть устроенъ, по совокупному объему заторныхъ и вспомогательныхъ чановъ и котловъ, не менѣе 100 ведръ, а медоваренный, если онъ устроенъ отдѣльно отъ пивовареннаго, не менѣе 35 ведръ емкости котла.

Порядокъ же осмотра завода, подачи объявленій и выдачи свидѣтельства на пиво и медовареніе почти тотъ же, какъ и для винокуренныхъ заводовъ.

Приготовленіе браги, на особыхъ для того заводахъ, подчиняется правиламъ о пивовареніи.

Объ акцизѣ съ вина и спирта. Для учета надлежащаго акциза за вино и спиртъ, выдѣлываемые на заводахъ, принимается въ основаніе: а) крѣпость

этих напитков и б) их выходы нормальные и действительные. Крѣпости, т. е. содержаніе въ винѣ безводнаго спирта опредѣляется по спиртомеру Траллеса.

Нормальная выкурка вина или спирта опредѣляется, по расчисленіи количества и рода припасовъ, употребленныхъ на винокурение, и сообразно установленнымъ нормамъ выходовъ вина изъ каждаго рода продуктовъ.

Выходы вина исчисляются на градусы безводнаго спирта, и для сего принимаются слѣдующія двѣ нормы, изъ которыхъ одна называется высшею, а другая низшею:

Изъ 1 пуда ржаной муки и всякаго сухаго

Солода	висшая 32°/о	высшая 34°/о
— Зеленаго солода	31°/о	23,3
— Пшеничной муки и кукурузы	34	36
— Ячменной муки	29	31
— Овсяной	24	23,3
— Гороховой	32	34
— Гречишной	29	31
— Проса	23,3	27
— Картофеля	8	8,5
— Свекловицы	6,3	7

Каждый заводчикъ можетъ избрать ту или другую норму, съ тѣмъ, чтобы по избранной изъ нормъ, курение производилось въ продолженіи цѣлаго срока; по избранной нормѣ и опредѣляется количество акциза.

Объ акцизъ съ вина и спирта, выдѣлываемыхъ изъ свеклосатарныхъ остатковъ и китайскаго проса и съ водокъ кизлярскихъ, пейсачовыхъ и вообще выдѣлываемыхъ изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ, сатарныхъ и свеклосатарныхъ остатковъ. Акцизъ съ этихъ издѣлій взимается также, по количеству содержащагося въ нихъ безводнаго спирта; подробныхъ же правилъ объ исчисленіи акциза съ этихъ предметовъ, въ положеніи не имѣется, и они будутъ изданы особо.

Объ акцизъ съ пива и медоваренія. Акцизъ съ пивоваренія взимается по совокупной вмѣстимости (въ ведрахъ) заводской посуды, по числу заторовъ производимыхъ въ сутки и числу 13 дневныхъ сроковъ, въ продолженіе которыхъ было разрѣшено производить пивовареніе.

Акцизъ съ медоваренія взимается, по вмѣстимости медоваренныхъ котловъ и также числу 13 дневныхъ сроковъ, на которые было разрѣшено медовареніе.

Огносительно продажи вина и спирта, безъ платежа акциза, и о возвращеніи акциза, постановлено: что вино и спиртъ, отправляемые за границу, не подлежатъ платежу акциза; при отправленіи жеводокъ, лака и другихъ издѣлій изъ оплаченнаго акцизомъ вина и спирта, акцизъ возвращается изъ казны отправителямъ этихъ издѣлій.

Спиртъ, употребляемый для выдѣлки освѣтительной жидкости, отпускается изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ, безъ оплаты акцизомъ, когда такой спиртъ будетъ измѣренъ и сдѣланъ негоднымъ для питья—примѣсью скипидара, въ количествѣ не менѣ $\frac{1}{50}$ ведра на одно ведро спирта.

О приготовленіи питьей и издѣлій изъ вина, оплаченнаго акцизомъ. Напитки и издѣлія всѣхъ родовъ, приготовляемые изъ оплаченныхъ акцизомъ вина, спирта, или водокъ, не подвергаются платежу вторичнаго акциза.

При этомъ, правомъ дѣланія для продажи разныхъ напитковъ пользуются: въ губерніяхъ западныхъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и области Бессарабской: 1) помѣщики въ ихъ имѣніяхъ; 2) лица, имѣющія на то особыя привилегіи, впредь до прекращенія оныхъ; 3) временныя владѣльцы казенныхъ имѣній; и 4, въ городахъ (исключая владѣльческихъ) лица, записанныя въ торговыя гильдіи.

Въ землѣ же войска Донскаго правомъ этимъ пользуются всѣ вообще обыватели.

Дозволяется учреждать въ городахъ повсемѣстно заводы, въ которыхъ изъ оплаченнаго акцизомъ вина приготавлиются на продажу разныя водки, настойки, наливки, лакъ, политура, освѣтительная жидкость, одеколонъ, духи и другія издѣлія.

Въ селеніяхъ устройство подобныхъ заводовъ вновь, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по введеніи сего положенія въ дѣйствіе, не допускается, а по истеченіи двухъ лѣтъ будутъ по этому предмету составлены особыя правила.

О патентномъ сборѣ съ заводовъ для выдѣлки напитковъ и разныхъ издѣлій изъ вина и съ заведеній для продажи питей.

Съ заводовъ, выдѣлывающихъ напитки, подлежащіе оплатѣ акцизомъ, и издѣлія изъ спирта или вина, а равно съ заведеній, изъ которыхъ производится продажа питей (за исключеніемъ заводскихъ подваловъ), взимается патентный сборъ. Сборъ этотъ получается съ содержателей заведеній, обязанныхъ ежегодно брать патенты, на установленной для того бумагѣ.

Слѣдующіе заводы для выдѣлки напитковъ, подлежащихъ акцизу, и издѣлій изъ вина и спирта оплаченныхъ акцизомъ, — обязаны брать патенты: 1) винокуренные; 2) выдѣлывающіе водки винограднаго, фруктоваго, изъ сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ и пейсаховыхъ; 3) пивоваренные и медоваренные; 4) выдѣлывающіе разныя водки изъ оплаченныхъ уже акцизомъ вина и спирта; 5) выдѣлывающіе освѣтительную жидкость; 6) приготавливающіе лакъ, политуру, одеколонъ и духи.

Заведенія, назначенныя для продажи напитковъ, обязанныя брать патенты, суть: 1) оптовые склады вина и спирта, открываемые частными лицами, за исключеніемъ складовъ собственно при заводахъ; 2) ренсковыя погреба, продающіе напитки на выносъ, постоянныя, а равно и временныя, на ярмаркахъ: Нижегородской, Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Кіевской (Контрактовой), и Полтавской (Ильинской); 3) погреба, продающіе исключительно русскія вина на выносъ и распивочно; 4) трактирныя заведенія, если въ нихъ пожелаютъ производить распивочную продажу; 5) питейныя дома, шинки и корчмы; 6) постоялыя дворы съ питейною продажей; 7) временныя выставки; 8) портерныя и пивныя лавки; 9) ренсковыя погреба съ распивочною продажей, постоянныя и временныя на ярмаркахъ.

Сверхъ того, обязаны брать патенты дома малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ, панцырныхъ бояръ и западныхъ однодворцевъ, живущихъ на собственныхъ или общественныхъ земляхъ, если въ сихъ домахъ производится продажа питей.

Общія положенія о торговлѣ напитками.

Оптовая и дробная продажа питей составляетъ предметъ свободной торговли; самая продажа напитковъ производится по вольной цѣнѣ, причемъ опредѣленной крѣпости питей въ продажѣ не устанавливается; напитки должны

быть доброкачественные, безъ вредной примѣси и могутъ быть всякой крѣпости.

Продажу питей дозволяется производить изъ заводскихъ подваловъ и, кромѣ того, а) изъ слѣдующихъ торговыхъ заведеній: оптовыхъ складовъ, ренсковыхъ погребовъ, штофныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ; б) изъ трактирныхъ заведеній, питейныхъ домовъ, шинковъ, временныхъ выставокъ, ренсковыхъ погребовъ (съ распивочною продажою), портерныхъ лавокъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ и постоялыхъ дворовъ (съ питейною продажою); в) изъ станціонныхъ и частныхъ домовъ.

Склады, для оптовой продажи вина и спира, дозволяется учреждать: а) винокурнымъ заводчикамъ безъ торговыхъ свидѣтельствъ, для продажи вина и спирта только собственныхъ своихъ заводовъ, и б) всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ гильдіяхъ, или имѣющимъ торговые свидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ. Ренсковые погреба (безъ распивочной продажи) могутъ содержать купцы и крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ первыхъ трехъ родовъ.

Питейные дома, шинки, временныя выставки, портерныя лавки, корчмы и постоялыя дворы (съ питейною продажою), а равно и погреба, назначенные исключительно для продажи русскихъ виноградныхъ винъ, предоставляется содержать всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право на мелочную торговлю.

Евреямъ, въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣлости, дозволяется питейная торговля только въ городахъ и мѣстечкахъ.

Открытіе питейныхъ заведеній, а также ренсковыхъ погребовъ съ распивочною продажою, разрѣшается: а) въ городахъ и посадахъ—думами и замѣняющими ихъ мѣстами; б) въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ—по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ утвержденія: въ казенныхъ селеніяхъ, палатъ государственныхъ имуществъ, а въ удѣльныхъ—удѣльныхъ конторъ; в) въ земляхъ казачьихъ войскъ—станичными сорами; г) на земляхъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ,—палатами государственныхъ имуществъ и удѣльными конторами; и д) на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, — владѣльцами сихъ земель.

Открытіе продажи питей, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, производится не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ владѣльцевъ; на земляхъ же, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ, (согласно мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, именно ст. 108-й положенія для губерній новороссійскихъ и малороссійскихъ; 80-й для губерній Кіевской, Подольской и Волынской), заведенія для продажи питей открываются съ согласія сельскаго схода и разрѣшенія помѣщика.

Въ губерніяхъ западныхъ и въ Бессарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало исключительно ихъ владѣльцамъ, право это сохраняется за ними.

Питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ сгѣснѣема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ. Равнобѣрно жители (не исключая живущихъ въ имѣніяхъ владѣльческихъ) имѣютъ полное право покупать для собственнаго употребленія, а не для продажи, напитки тамъ, гдѣ найдутъ выгоду.

О раздробительной продажѣ питей. Раздробительная продажа производит-ся: 1) распивочно и на выносъ — изъ питейныхъ домовъ, временныхъ выста-

вокъ, шинковъ, корчемъ, или заѣзжихъ домовъ, постоянныхъ дворовъ, портерныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и изъ частныхъ домовъ лицъ, имѣющихъ на то право; 2) только на выносъ—изъ штофныхъ, а также фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ и изъ ренсковыхъ погребовъ; 3) только распивочно—въ трактирныхъ заведеніяхъ, въ буфетахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ станціонныхъ домахъ.

Заведенія для раздробительной продажи дозволяется учреждать во всякомъ населенномъ мѣстѣ; но учрежденіе корчемъ и постоянныхъ дворовъ съ питейною продажею дозволяется и не въ населенныхъ мѣстахъ, не иначе однакоже, какъ на проѣзжихъ дорогахъ, на переправахъ и пристаняхъ.

Заведенія, производящія распивочную продажу питей, не могутъ быть помѣщаемы въ зданіяхъ, занимаемыхъ учебными и богоугодными заведеніями, казармами и тюрьмами.

Не дозволяется учреждать питейные дома, шинки и выставки ближе 40 сажень отъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ, равно учрежденіе сихъ заведеній не допускается въ срединѣ селеній, гдѣ существуютъ волостные сходы, и они должны быть помѣщаемы въ концѣ селеній.

Не дозволено быть содержателями питейныхъ заведеній или сидѣльцами въ оныхъ лицамъ, состоящимъ подъ уголовнымъ преступленіемъ или оставленнымъ по суду въ подозрѣніи, по такимъ преступленіямъ, за которыя опредѣлены въ законахъ наказанія, соединенныя съ потерей правъ состоянія. Въ селеніяхъ не дозволяется содержаніе питейныхъ домовъ и шинковъ должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій.

Во всѣхъ мѣстахъ, для продажи питей назначенныхъ, должны быть соблюдаемы чистота и опрятность и отнюдь не должно быть допуская неустройства и безчинства.

Продажу въ питейныхъ домахъ и выставкахъ разрѣшается производить въ зимнее и осеннее время съ 7 часовъ утра, а въ лѣтнее и весеннее отъ восхожденія солнца до 10 часовъ вечера; въ городахъ же и на ярмаркахъ,—съ того же времени до 11 часовъ вечера.

Въ воскресные и табельные дни въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ, воспрещается распивочная продажа: въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и въ городахъ до окончанія въ приходской церкви литургіи и во время крестнаго хода.

Въ селеніяхъ, гдѣ происходятъ волостные или мірскіе сходы, распивочная продажа запрещается въ тѣ дни, когда происходятъ сіи сходы, до окончанія оныхъ.

Питья не дозволено продавать въ долгъ, на счетъ будущаго урожая, или подъ закладъ платья, посуду или иныхъ вещей, и промѣнивать на хлѣбъ и другія сельскія произведенія, но всегда на наличныя деньги. Равнымъ образомъ воспрещается виноторговцамъ, подъ какими бы то ни было условіями, выговаривать и производить уплату, вмѣсто денегъ, виномъ, а также производить подобную уплату, по долговымъ обязательствамъ или за произведенныя для нихъ работы.

Запрещается продавать вино и другіе напитки распивочно малолѣтнимъ.

Виноторговцы и сидѣльцы обяваны не допускать покупателей напиваться до безпамятства; но еслибы это случилось, то присмотрѣть за такимъ лицомъ дежить на обязанности виноторговца или сидѣльца. Если же пьяный, остав-

ленный безъ присмотра, умереть, изувѣчить себя, или будетъ обокраденъ, то виноторговецъ или сидѣлецъ подлежитъ отвѣтственности.

За частыя уклоненія виноторговцевъ отъ правилъ для продажи напитковъ, если только они навлекаютъ неудовольствіе большинства мѣстныхъ жителей, предоставляется обывателямъ того мѣста просить подлежащее судебное мѣсто о закрытіи такихъ заведеній, хотя бы срокъ, на который дозволено существованіе заведенія, еще не истекъ.

При новомъ положеніи приложено росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво-и медоваренія.

1. Относительно патентнаго сбора постановлено, что онъ взимается: или въ одинаковомъ повсемѣстно размѣрѣ, или въ разныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстностямъ, которыя раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся обѣ столицы, ко 2-му разряду причисляются города: всѣ губернскіе и кромѣ того въ числѣ другихъ: Кишиневъ, Новочеркасскъ, Бердянскъ, Керчь, Николаевъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Аккерманъ, Бердичевъ, Кременчугъ и Елисаветградъ; къ 3-му же разряду относятся всѣ прочія мѣстности.

На этомъ основаніи патентный сборъ съ 1-го января 1863 года взимается ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А) съ заведеній для выдѣлки напитковъ.

1) съ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ квасильные чаны въ совокупности ёмкостью	въ 540 ведръ, 10 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
отъ 540 до 1,080 —	20 р.	
и затѣмъ на каждыя 540 ведръ ёмкости сихъ чановъ прибавляется по	10 р.	
2) съ пивоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ посуду ёмкостью	въ 100 ведръ, 20 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
отъ 100 до 150 —	30 р.	
и затѣмъ на каждыя 50 ведръ ёмкости посуды прибавляется по	10 р.	
3) съ медоваренныхъ заводовъ, имѣющихъ котлы ёмкостью	въ 35 ведръ, 20 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
отъ 35 до 50 —	30 р.	
и затѣмъ на каждыя 15 ведръ ёмкости котловъ прибавляется по	10 р.	
4) съ заводовъ водочныхъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	75 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
— — — — — 3-го —	50 р.	
5) съ заводовъ, выдѣлывающихъ лакъ, политуру, духи и освѣтительную жидкость, повсемѣстно	10 р.	

Б) съ заведеній для продажи напитковъ:

1) съ оптовыхъ складовъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	30 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
— — — — — 3-го —	25 р.	
2) съ пшочныхъ, фруктовыхъ, мелочныхъ и т. п. лавокъ: въ мѣстностяхъ 2-го разряда	25 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
— — — — — 3-го —	10 р.	
3) съ ренсковыхъ погребовъ:		
а) безъ расшивочной продажи: въ мѣстн. 2-го разряда	100 р.	} по всѣмъ мѣстностямъ
— — — — — 3-го —	35 р.	

6) съ распивочною продажею, добавочныхъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда 30 р.

— — — 3-го — 25 р.

Съ открываемыхъ на ярмаркахъ: Ирбитской, Коренной, Ростовской, Харьковской (Крещенской), Киевской (Контрактовой) и Полтавской (Ильинской) временныхъ ренсковыхъ погребовъ:

безъ распивочной продажи 35 р.

съ распивочною продажею 60 р.

На всѣхъ прочихъ ярмаркахъ, временные ренсковые погреба, открываемые безъ распивочной продажи, не обязаны брать патентовъ, а съ распивочною продажею каждый временный погребъ обязанъ брать патентъ того же размѣра, какой назначенъ для временныхъ выставокъ.

4) съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина (на выносъ и распивочно), въ мѣстностяхъ 2-го разряда 15 р.

— — — 3-го — 5 р.

5) съ трактирныхъ заведеній: въ мѣстностяхъ 2-го разряда 50 р.

— — — 3-го — 15 р.

6) съ буфетовъ повсемѣстно:

а) при театрахъ и на пароходахъ 15 р.

б) на станціяхъ желѣз- } главныхъ 75 р.
ныхъ дорогъ. } остальныхъ 15 р.

7) съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ:

въ мѣстностяхъ, 2-го разряда 25 р.

— — — 3-го — 10 р.

8) съ питейныхъ домовъ, шинковъ и корчемъ:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда 50 р.

— — — 3-го — 15 р.

Съ шинковъ, открываемыхъ въ собственныхъ домахъ малороссійскими козаками, войсковыми обывателями, колонистами, панцирными боярами и западными однодворцами, живущими на собственныхъ или общественныхъ земляхъ 10 р.

9) съ постоялыхъ дворовъ, гдѣ производится питейная продажа:

въ мѣстностяхъ 2-го разряда 35 р.

— — — 3-го — 10 р.

10) съ временныхъ выставокъ повсемѣстно по 5 р. за каждый разъ, на который она открывается, но за продолжающіяся болѣе недѣль по 3 р. за каждую недѣлю.

II Что касается до размѣра акциза съ выкуриваемаго на заводахъ вина или спирта, то онъ взимается по количеству содержащагося въ нихъ алкоголя или безводнаго спирта, и съ 1-го января 1863 г. назначается акцизъ по 4 к. съ градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) или по 4 р. съ ведра безводнаго спирта.

Съ 1-го же января назначается акцизъ а.) въ губерніяхъ: Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, и Черниговской и въ области Бессарабской съ пивоваренія: съ ведра емкости пивоваренной посуды за каждый день дѣйствія при одномъ заторгѣ въ день по 9 коп., при двухъ заторахъ по 15 коп. и при трехъ-по 21 коп., съ медоваренія: по 80 к. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла за каждый день дѣйствія завода; б.) въ землѣ войска Донскаго съ пи-

оваренія, съ ведра емкости цинковаренной посуды, за каждый день дѣйствія, при одномъ заторѣ въ день, по 13 коп., при двухъ заторахъ по 22 коп., а при трехъ—по 31 коп. съ медоваренія по 1 р. 20 коп. съ каждаго ведра емкости медовареннаго котла, за каждый день дѣйствія завода.

Въ повѣмъ положеніи особо изложены правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза за вино, отпускаемое изъ заводскихъ подваловъ и оптовыхъ складовъ. Согласно этимъ правиламъ, заводчику или хозяину оптового склада предоставляется право отпустить изъ подвала или склада въ продажу вино, съ получениемъ отъ покупателей слѣдующаго за оное акциза, но съ тѣмъ, чтобы у него никогда не оставалось невнесенной въ мѣстное уѣздное казначейство акцизной суммы болѣе 1000 руб. ср. и чтобы на первое число каждаго мѣсяца онъ непременно вносилъ сполна акцизъ за все вино, имѣя продажное, въ теченіи истекшаго мѣсяца, хотя бы собранная акцизная сумма и не доходила до означеннаго размѣра.

При отправкѣ вина изъ завода въ оптовые склады, разсрочки во взносѣ акциза допускаются для заводчика или хозяина склада, подъ залоги или ручательства благонадежныхъ и владѣющихъ недвижимою собственностію лицъ, въ исправномъ и своевременномъ взносѣ разсроченнаго акциза, управляющимъ акцизнымъ сборомъ той губерніи, гдѣ имѣется заводъ или гдѣ находится складъ.

Къ изданному положенію приложены правила о переходѣ къ казенному съ 1-го января 1863 года завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Главнѣйшія правила, по привилегированнымъ губерніямъ и по землѣ войска Донскаго, слѣдующія:

А. по привилегированнымъ губерніямъ:

1. *Мыры въ отношеніи заводовъ, приготовляющихъ питія, подлежащія акцизу и издѣлія изъ вина и спирта.*

Всѣ существующіе винокуренные заводы должны быть къ началу винокуренія 1862—1863 г. описаны, и посуда ихъ измѣрена и заклеимена, на основаніи новаго положенія, которому и подчиняется въ періодъ 1862—1863 г. производство винокуренія; для сего заводы должны быть снабжены патентами и свидѣтельствами, вести установленныя книги и состоять подъ наблюдениемъ и учетомъ акцизнаго управленія.

Всѣ обязанности, возлагаемыя положеніемъ объ акцизѣ съ хлѣбнаго вина, 23 ноября 1843 года, на заводчиковъ и покупателей, въ отношеніи куренія, продажи и провоза вина и платежа акциза должны исполняться, по 1-е января 1863 года, въ точности.

Винокуреннымъ заводамъ дозволяется, независимо отъ откупа вина на существующихъ правилахъ, на продовольствіе 1862 года, отпустить его оптовымъ торговцамъ, открывшимъ склады въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, для продажи въ 1863 году по ярлыкамъ уѣздныхъ казначействъ, на существующемъ нынѣ основаніи и по представленіямъ заводчикамъ покупателями разрѣшеній на открытіе оптовыхъ складовъ и по взносу въ казну акциза.

При этомъ откупщиками не должны дѣлать никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ взысканія понесенныхъ торговцами или заводчиками убытковъ. Пиво и медоваренные заводы должны быть къ 1-му января 1863 г. тоже описаны и измѣрены и съ этого времени они дѣйствуютъ, на основаніи новаго положенія. Къ 1-му января 1863 года приводится, чрезъ акцизное управленіе, въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и ледникахъ, принадлежащихъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти остатки пива и меда были оплачены акцизомъ по 20 к. съ ведра.

Заводы, для приготовленія хлѣбныхъ водокъ и разныхъ издѣлій изъ спирта, должны къ 1-му января 1863 г. снабдить себя установленными новымъ положеніемъ патентами и книгами.

Къ тому же сроку приводится на этихъ заводахъ въ извѣстность наличность, какъ вина и спирта, такъ и приготовленныхъ изъ нихъ издѣлій. При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина, принимается, по спиртомѣру Траллеса, содержаніе безводнаго спирта:

Въ ведрѣ рома, разныхъ водокъ и наливокъ 60%

въ ведрѣ лака и политуры, освѣтительной жидкости, гофманскихъ капель, одеколона и духовъ 73%

Всѣ виноиздѣлія на этихъ заводахъ, оказавшіяся въ наличности къ 1-му января 1863 г. оплачиваются акцизомъ.

2. О заготовленіи запасовъ питья на 1863-й годъ.

Винокуреннымъ заводчикамъ и купцамъ, желающимъ открыть оптовую торговлю виномъ изъ складовъ, въ мѣстахъ нынѣшнихъ чарочныхъ откуповъ, дозволяется учреждать эти склады не ранѣе, какъ за 4 мѣсяца до 1863 года, съ заявленіемъ о томъ мѣстному акцизному управленію и платежѣмъ акциза; вино же провозится, по ярлыкамъ уѣзднаго казначейства.

Вино, находящееся въ складахъ, нынѣ существующихъ по мѣстамъ, гдѣ уничтожены чарочные откупа, должно быть приведено къ 1-му января 1863 года въ извѣстность и оплачено акцизомъ, въ противномъ случаѣ должно быть подвергнуто публичной продажѣ. Продажа питья изъ откупныхъ заведеній, по чарочнымъ откупамъ, прекращается въ 10 часовъ вечера 31 декабря 1862 года.

3. О мѣрахъ къ отвращенію напуска вина.

Никто изъ нынѣшнихъ чарочныхъ откупщиковъ не долженъ, нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, открывать питьевой продажи, кромѣ нитейныхъ, въ откупъ каждаго, заведенія, которыя правительствомъ дозволены.

4. О приведеніи остатковъ питья въ извѣстность.

Всѣ, содержимыя чарочными откупщиками и частными лицами, заведенія для продажи питья, могутъ имѣть остатки оныхъ къ 1-му января 1863 года, и для того къ 20-му декабря 1862 года содержатели означенныхъ заведеній должны доставить объявленіе о количествѣ вина, спирта, водокъ, наливокъ, портера, пива и меда, могущихъ примѣрно остаться у нихъ къ 1-му января 1863 г.; повѣрка сихъ объявленій акцизнымъ управленіемъ производится 31 декабря 1862 года; при этомъ должна быть внесена разность между новымъ и прежнимъ акцизомъ.

Б. по землѣ войска Донскаго.

Мѣры, установленныя въ привилегированныхъ губерніяхъ относительно описанія и измѣренія заводовъ, приготовляющихъ питья, подлежащаго акцизу,

и издѣлій изъ вина и спирта и подчиненія ихъ новому положенію, примѣняются и къ землѣ войска Донскаго.

Винокуреннымъ заводамъ, дозволяется отпускать вино для продовольствія 1863 года: а) въ частныя оптовые склады и б, въ питейныя дома и штофныя лавки. Отпускъ вина въ оптовые склады производится, съ начала 1862 года, какъ изъ винокуренія 1861-1862 года, такъ и изъ винокуренія 1862-1863 г., а въ питейныя дома и штофныя лавки только изъ винокуренія 1862-1863 г., и не ранѣе 15 декабря 1862 года; за вино, выпускаемое изъ винокуренія 1862-1863 г. долженъ быть внесенъ акцизъ.

Къ 1-му января 1863 г. приводится въ извѣстность наличность пива и меда на заводахъ и въ ледникахъ, причемъ пива сии оплачиваются акцизомъ по 30 к. сер. за ведро.

При приведеніи въ извѣстность наличности разныхъ издѣлій изъ вина и спирта, принимается содержаніе безводнаго спирта: въ ведрѣ настоекъ и наливовъ 38% по Траллесеу; въ ведрѣ сладкихъ водокъ и ликеровъ — 33%; въ ведрѣ политуры, лака, духовъ и проч. — 95%.—

Казна заготовляетъ вино, на 1863 годъ, въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ признано нужнымъ и тѣмъ порядкомъ, какой окажется удобѣйшимъ, и хранитъ вино въ войсковыхъ подвалахъ. Оптовые склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся войсковые подвалы, а если не встрѣтятся препятствій, то и въ другихъ, дозволяется учреждать винокуренымъ заводчикамъ, купцамъ и всѣмъ, имѣющимъ въ войскѣ Донскомъ право на торговлю, соотвѣтствующую торговлѣ купцовъ 3-й гильдіи, съ разрѣшенія войскаго правленія по ярлыкамъ, для провоза вина, окружныхъ казначействъ; причемъ выпускъ вина изъ оптовыхъ складовъ въ питейныя дома и штофныя лавки не дозволяется ранѣе 15 декабря 1862 г.

Продажа питей изъ откупныхъ заведеній прекращается 31 декабря 1862 года.

Порядокъ заявленія остатковъ питей, въ войсковыхъ подвалахъ и во всѣхъ мѣстахъ продажи питей, а равно и у частныхъ лицъ, въ войскѣ Донскомъ, тотъ же, какъ и въ привилегированныхъ губерніяхъ. Войсковое вино приводится въ извѣстность, первоначально по расчету на пѣнное вино для окончанія счетовъ съ комиссіонеромъ, а затѣмъ доброта его опредѣляется по спиртомѣру Траллеса и оно принимается въ казну, по взаимному соглашенію министровъ военнаго и финансовъ. За тѣ остатки, которые окажутся къ 1-му января 1863 года въ разныхъ заведеніяхъ для продажи питей, у частныхъ лицъ и на заводахъ водочныхъ и выдѣлывающихъ разныя издѣлія изъ вина, и за которые войскомъ уже полученъ питейный сборъ, на основаніи дѣйствующаго положенія, причитающійся въ казну акцизъ возвращается войскомъ, съ которымъ казна и производитъ, по сему предмету, расчеты.

Всѣ расчеты съ комиссіонеромъ производятся войсковымъ правленіемъ на основаніи положенія о хозяйственномъ управленіи питейными сборами въ войскѣ Донскомъ.

Новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ. 1-го августа 1861 г. обнародовано новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ, вызванное, какъ видно изъ особаго высочайшаго указа, неудобствомъ дѣйствующихъ нынѣ о трактирныхъ заведеніяхъ правилъ. Въ этомъ указѣ сказано, что какъ устройство трактирныхъ заведеній тѣсно связано съ системою питейнаго сбора, и какъ новое положеніе о системѣ этого сбора будетъ приведено въ исполне-

ніе съ 1-го января 1863 г., то и новое положеніе о трактирныхъ заведеніяхъ должно быть приведено въ полное дѣйствіе также съ этого времени, для чего и должны быть опредѣлены и указаны, по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, тѣ предварительныя мѣры, которыя будутъ приняты, для введенія въ дѣйствіе сего положенія.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній за право содержанія ихъ опредѣляется мѣстнымъ городскимъ обществомъ, съ утвержденія губернскаго начальства; заведеніе, обложенное этимъ акцизомъ, платитъ его въ городскую казну, причемъ количество этого средняго акциза соразмѣряется какъ съ состояніемъ трактирнаго промысла въ городскомъ поселеніи, такъ и съ потребностями городской казны, для удовлетворенія общественныхъ расходовъ. Внутренняя раскладка общей суммы акциза, слѣдующей въ доходъ городского поселенія, производится особымъ платежнымъ обществомъ, составленнымъ изъ всѣхъ содержателей трактирныхъ заведеній; это общество, черезъ каждые четыре года, выбираетъ изъ среды своей, для раскладки акциза, депутатовъ, одновременно съ которыми выбирается и равное число кандидатовъ. Депутаты эти приступаютъ къ раскладкѣ акциза на слѣдующій годъ, не позже 1-го ноября каждаго года. При раскладкѣ средній годовоі акцизъ помножается на общее число трактирныхъ заведеній, и получаемая такимъ образомъ сумма составляетъ общую сумму акциза, подлежащую поступленію въ доходъ городского поселенія. Составленная депутатами раскладка выставляется, для общаго свѣдѣнія, въ самой думѣ, или замѣняющемъ оную мѣстѣ, съ 15-го ноября по 1-е декабря. Сверхъ того, не позже 20-го ноября раскладка печатается въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кто изъ содержателей трактирныхъ заведеній найдетъ себя несправедливо обложеннымъ, по раскладкѣ сравнительно съ другими содержателями, тотъ можетъ, не позже 1-го декабря, обратиться съ жалобою къ депутатамъ, которые, не входя ни въ какую переписку, постановляютъ окончательное, по сему предмету, заключеніе и утверждаютъ раскладку не позже 15-го декабря; причемъ объявляется каждому содержанию количество акциза, причитающагося съ него къ уплатѣ на слѣдующій годъ. Въ случаѣ прекращенія трактирнаго промысла, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, заплаченный за полгода акцизъ не возвращается городскою казною. Содержатели заведеній обязаны: 1) держать у себя въ услуженіи благонадежныхъ людей; 2) учредить въ заведеніяхъ внутренний присмотръ за недопущеніемъ безпорядковъ или воровства; и 3) имѣть у дверей прочныя запоры и замки.

Содержаніе постоянныхъ дворовъ и съѣстныхъ лавочекъ дозволяется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право торговли, и число сихъ заведеній не ограничивается. Свидѣтельства на содержаніе ихъ выдаются думою или замѣняющимъ ее мѣстомъ, порядкомъ, опредѣленнымъ для трактирныхъ заведеній вообще; но акцизъ, съ нихъ взимаемый, устанавливается не посредствомъ городской раскладки, а однообразно, и опредѣляется ежегодно городскимъ обществомъ. Правила, касающіяся благочинія и полицейскаго надзора въ этихъ заведеніяхъ тѣ же, что и въ трактирныхъ. Разрѣшеніе на содержаніе трактирнаго заведенія внѣ города дается казенною палатою, которая при этомъ взимаетъ съ просителя акцизъ, выдаетъ свидѣтельство на гербовой бумагѣ и увѣдомляетъ о выданномъ разрѣшеніи мѣстную земскую полицію. Число такихъ заведеній не ограничивается; къ содержанію ихъ допускаются купцы всѣхъ трехъ гильдій, мѣщане, цеховые и крестьяне, безъ записки въ торговые разряды.

Акцизъ съ трактирныхъ заведеній внѣ города раздѣляется на 3 класса: въ первомъ онъ составляетъ 60 руб., во 2-мъ — 30 руб., въ 3-мъ — 15 руб.; при подведеніи заведенія подъ тотъ или другой классъ, принимаются въ соображеніе выгоды, представляемыя каждою мѣстностью. Причисленіе по каждой губерніи трактирныхъ заведеній внѣ городскихъ поселеній къ тому или другому классу дѣлается казенною палатою, съ утвержденія губернатора. Что же касается до постоянныхъ дворовъ и корчемъ, внѣ города, то учрежденіе и содержаніе ихъ предоставляется всякому, безъ испрошенія особыхъ на то дозволеній и безъ платежа акциза въ пользу казны. (Сен. вѣд. 1 августа 1861 г., № 61.)

ВІСТІ.

Де-що зъ Полтави.

(до Редактора.)

Сёго року весна здавалась бути раннёю, а на ділі вийшло що пізня. Передъ Юріємъ траві зовсімъ не видно було, а зъ половини квітня дощі стали перепадать частійшъ и частійшъ. Зазеленіло поле и лўки, мовъ заткались травою та квітами; житá и пшениці, крий Боже, які гарні! яринами жъ похвалитись не можно. На йвана Купала тільки-що почалась у насъ косовиця. Дощі багато мішали: сонце вияснитця, косарі ударять у кóсі, а громадильники тільки-що поспіють згромадити, якъ дощъ знову пуститця и поміша роботі. Дощі и досі перепадають. Давно уже у насъ було таке літо: ажъ любо подивитись на траві та на лані зъ пашнёю.

Окрўгъ Полтави мало козачої землі, а хоча й е у якімъ селі, то и багато вже народилось на неї. Наші Полтавські козаки більшъ хлібороби и беруть землю за скішчину у панівъ, а траву косять зъ половини, та ще зъ того треба й покористуватись. Поневолі прийде та думка що:

Въ того доля ходить полемъ,
Колоски збірає,
А моя десь ледащиця..

Але-жъ, добродію, якъ би то ви самі подивились, сёго-літа, на нашъ край, то, може бъ, що й веселе згадали. У насъ, після знесення крѣпачтва, здаетця, усе помолодшало: и степъ, и лани, и лю-

де. Хоч воно нашимъ, тільки-що визволенимъ крепакамъ, и не все гараздъ... ну, та надія и воля—велике діло. Подивились би, кажу, ви, сёго щастливого літа, на косарівъ та на дівчатъ у стѣнжкахъ и барвінковихъ вінкахъ, або прислухались, якъ вітеръ повіє... почули бъ, якъ звенить коса гонівъ за п'ять, а пісня зъ усіхъ сторони такъ степомъ и розлягається, якимъ-сь новимъ та добримъ галасомъ... то й сказали бъ: «збрехали ті незвані пророки, що віщували катъ зна що!» Весело подивитись—якъ зіркі засяють на блакитнімъ небі и перепели начнуть перекликатись—якъ наші косарі и громадильники, напруцювавшись за цілісінкй день вдоволь, біля табору, повечерявши співають. Не знали ті пророки нашого працѣвитого народу, або й не хотіли знати...

Не впіли ми обізнатись зъ полемъ, нанюхались доволі того весняного паху и надивчились на васильки, на материнку, на петрівъ батігъ, що такъ блакитними квітами увесь степъ укривъ, на червону рожу—та куди вамъ! нашихъ усіхъ квітівъ и не перелічишъ... не впіли дослухати куковання зозулі и нескінчаємої пісні жайворінка, а вже треба, завгоді, лагодитись зъ своїмъ добромъ у городъ на ярмарокъ, бо вже земляки, битимъ шляхомъ, зъ різнихъ сторони, идуть зъ хурами, нізкою тягнучця москаліповозками зъ вагою, скриплять татарські гърби и тарабаниють, усі у шилу, якъ у диму, жидівські бріки...

Наша Іллінська, у послідні роки, безъ спору взяла гору надъ усіма українськими ярмарками. Обороти, котрий у Ромні не підіймався вище 9 мільйонівъ, теперъ сягає до 25 мільйонівъ, а часомъ и більшъ, бо й не диво: Катеринославщина, Херсонщина и Кримъ не тягнули до Ромна, а після переводу у Полтаву, стали висилати на сей ярмарокъ свої степові багатства. У Ромні вовна була на великі гроші, а тутъ відъ вовни залежить увесь ярмарокъ. Іллінська не одинъ ярмарокъ, а два, одинъ по другімъ: першъ кінний чи сільський, а потімъ *красний*, чи мануфактурній. Сей становитця у самімъ городі, у кам'янихъ и дощанихъ лавкахъ и шоплахъ. Про нѣго нехай хто другий напише. А що до сільського—то міні самому привелось на ній що дня товктися—то я зъ вами про нѣго и побалакаю.

Підъ ярмарокъ городъ відступивъ велику лощину, поміжъ Подоломъ и Ворскломъ. Есть то плащина рівна, котра сягає десятихъ трохи не на сто; е де поміститись и води хорошої вдоволі. Відъ виїзду зъ Полтави по праву-ручъ иде, самою серединою ярмарка, подовжня широка вулиця верстовъ на п'ять. По обохъ бокахъ тієї вулиці стоять, збу-

довані підъ ярмарокъ, дощані ятки й балагани зъ крамомъ низчого сорту: килимами, полóтнами, рядовиною, панчохами и иншимъ. Тутъ буває продажа и у гуртъ, и у розницю. Рядомъ стоять шопи зъ бакáлією, а по середині *зборний рядъ* (гостинниці, трахтирі, вино, пиво. .). Подовжня вулиця прорізується у перпендикулярі поперешніми; кожна зъ своїмъ особнимъ товаромъ, якъ отъ: залізомъ, ремінною роботою, кожухами, лінтварями, смухами, брилями, люльками, чобітьми... усёго не перелічишъ. За зборнимъ рядомъ по ліву-ручъ—тютюнъ. Поручъ зъ нимъ вовна—найбільшъ шпанка. Сей товаръ первий на весь ярмарокъ; вінъ займає одинъ велику плащину, по-надъ Вореклюю, геть ажъ до самої толоки. Вовна стоїть зложена високо рядами—ніби тіи мури—розділена перéулками. Черезъ шляхъ відъ вовни—шкура, на возахъ и купами, и кримські невироблені смушки; далій вози, колéса, скрині, бóндарська робота и усякий віробъ зъ дерева; ще далій вже починаютьца лúки, де, скільки око сягнє, розсипались по зеленому килиму чумацькі валкі и табуни. Ближай якъ Вореклю, простяглася друга подовжня вулиця, паралельне до першо. Сей е справжня *кінна*. Тутъ стоять, безъ перерву, по обидва боки, коні коло конóвъязівъ, шось верстви чи не на дві. Далій, у загонахъ товчуться косяки степовихъ коней. За ними скотъ и барани, а по надъ самою річкою стоять, одні проти другихъ черезъ вулицю, московські звощики и наші чумаки, дожидаючись одправи. Зъ другого жъ боку, по близу Подола по-надъ самою течією, котра-колись прозивася Полтавкою, иде третя подовжня вулиця; тутъ почуєшъ дзвінкий галасъ нашихъ перéкупокъ и перепечаёкъ; тутъ готується и продається зъїжа. Рядомъ зъ ними сіль, пóтімъ сіно на возахъ, а тамъ, поминувши цілий рядъ зъ бочками дёгтю, попадешъ знову на кінну. По тимъ вулицямъ и перéулкамъ снує народъ піший и кінний и переливається, мовъ водянá філя.

Україна и сусідні краї вислали сюди коженъ свое добро: Москва—красний товаръ, залізо, úпряжь; Донщина—коней, вино, кавъяръ и рибу; Кримъ—вина, бакáлію, шкура, смухи; Польща—коляси, нетичанки; Ніженъ, Прилука и Роменъ—тютюнъ; зъ-за Десни, Дніпромъ—дёготь, впрёвкі, дошки; Кременчукъ—волока, нéводи, мило; Біла Церква—машини; Черкаси й Сміла—сахаръ; Кавказъ и Чорноморьє—косяки коней. Вовни шпанки найбільшъ вислала Полтавщина и Екатеринославщина, а тако-жъ Слобідська Україна, Херсонщина, Німці зъ Молошноі и зъ підъ Маріо-поля (Маріуполя). Наші мі-

стѣчка: Грунь, Котельва и Водолаги вислали повозки, колѣса и инше зъ дерева; Решетилівка, Санжари и Білики—смушки; Полтава и Красний Кутъ—бондарські вироби; Опошня и Великі Будища—гончарські. Харчі, овесъ и сіно достачала Полтава и ближні села.

Найкращі коні у косякахъ були панівъ: Озеровського, Иловайського, Куликовського и баришниківъ зъ Курської губернии—Дятлова и Циганка. Жиди пригнали косяки коней найнизчого сорту. Кіньми висчого сорту, зъ панських заводівъ, Воронежської, Курської, Полтавської и Екатеринославської губерний и баришниківъ Курських и Воронежських, були биткомъ набиті великі стайні, на Подолі збудовані підъ ярмарокъ. Але-жъ заводські коні, на сѣгорочнімъ ярмарку, мали невеликий збитъ, бо для конниці мало закупали; за те коні зъ косяківъ збувались лѣгко: їхъ продавали по ціні відъ 40 до 70 карбованцівъ; найбільш брали наізжі жиди, москалі—звоцики, панки и для пограничнѣй сторожі, на пруську границю—туди куплено однимъ заходомъ 900 штукъ.

Вовна не вся продана; зъ Австрії и Пруссії було закупщиківъ сего року меншъ, якъ торікъ, а більшъ закуплено у Чернигівській губернии, Білгородъ, Москву, підмосковні губернии и Польшу. Привезено жъ було дуже багато: були партії и такі, що мали відъ 2½ до 4 тисячъ пудівъ, панівъ полтавськихъ и екатеринославськихъ (Базилевського, Струкова). Продавалась: обніжки відъ 8—ми до 11—ти, а перегонъ відъ 15—ти до 17—ти карбованцівъ. Тютюнъ продавався відъ 1-го до 2½ карбованцівъ за пудъ, дівлячись по зборці и сорту. Найкрасчий тютюнъ бувъ серебрянський, Прилуцького повіту. Пахарськихъ машинъ, на сѣгорочний ярмарокъ, було багато привезено зъ Білої Церкви. Мастакі того діла похвалювали найбільшъ парову мукомельню, Варшавської роботи, що меле за годину 15 пудівъ на три сорта борошна, а для винниці то й 20 пудівъ. Цінилась вона до 3-хъ тисячъ карбованцівъ. Молотилка зъ кінськимъ приводомъ, у 6 силъ, молотила по 8 кіпъ за годину; цінилась за 1500 карбованцівъ. Були виставлені на продажъ и для заказу: віялки, сіялки, соломорізки и кінські граблі Білоцерковської роботи. Жатоку не було. Скотъ хорший бувъ тільки зъ заводівъ князя Кочубея. Ціна на скотъ була не висока. Барані на розплідъ, електоральної породи, зъ добримъ руномъ, продавались тожъ поцінно. Сіно платилось відъ 1½ до 3-хъ карбованцівъ за візъ; овесъ черезъ пізню вѣсну бувъ тільки торіш-

ний и продававсь по 23 копійки за мірку. Чумаки платили, за пона́съ, зъ пари волівъ відъ 5-ти до 10 копієкъ на-день.

Ярмарокъ почався 12-го іюля; дощі перепали и поцували шляхъ, а 14-го підъ самий горячий торгъ на коні, обідніє пори, набігла хмара, заgrimотівъ грімъ и пішовъ чустрити дощъ, якъ зъ відра. Середъ народу блискавка убила въ смерть двохъ жидівъ и порозбивала багато телеграфнихъ стовпівъ. Народъ обступивъ вбитихъ; жида джеркотили, галасували... ажъ ось, надійшовъ чумаць, и почувши, що блискавка кого-сь убила, знявъ шапку и перехрестивсь. «Экой ты! Богъ жидовъ побилъ, а ты крестишся,» гукнувъ на нёго який-сь москаль съ гурту. «Хиба-жъ жида й не люде? Богъ надъ усіма!» одізвався чумаць. Жида, якъ почули, кинулись до чумака, обнимають, за руки беруть. »Правда, братіку, правда... Ось цоловікъ! сей правдиве у Бога вірує.» 20-го іюля стали роз'їзжатись хури зъ товаромъ. Чумаки брали підъ хуру до Австрійської границі по 90 копієкъ зъ пуда, у Чернігівську губернію по 30 коп., у Маріуполь по 40 к., у Харківъ по 20 к., у Кримъ на Бериславъ по 30 к. 30-го іюля на ярмарковому плацу вже було пусто; ярмарокъ стоявъ троха не три тижни.

Теперь, якъ слову, добавлю де які подумки, котрі навиявъ на мене сѣгорочній ярмарокъ. Коли нашу Іллінську дробити по націямъ, то можно вивести такий рішинець: на сільскімъ, чи кіннімъ, ярмарку найбільша груда товару йде зъ рукъ нашихъ земляківъ, чи то панівъ, чи прѣстихъ; тутъ наші беруть гору и лічбою и капиталомъ. Москалі у своїхъ рукахъ держуть тільки торгъ невисокимъ краснимъ товаромъ и то на половину зъ нашими. Залізо жъ и ремінна робота уся въ московськихъ рукахъ. Торгъ бакалією у рукахъ у орменъ, караїмівъ и греківъ та вони більшъ торгують не тутъ у самімъ гóроді, на особнімъ плацѣ. У татаръ тільки торгъ шкурами й смухами, а що до жидівъ, то сей народъ, по правді сказати, нічого не вироблює самъ, а тільки перекупає и перепродує чуже—найбільшъ вовну, коні, смухи и пір'я. Біднійші торгують, не маючи ніякого капіталу и якось-то перебиваються. На сімъ ярмарку жида й москалі мало у чімъ конкурируютъ поміжъ себе. Інакъ воно стоїть на ярмарку краснимъ чи то мануфактурнімъ, котрий починаетця у самімъ гóроді черезъ десять днівъ згоді, на сáмого Іллю. Тутъ уже нашимъ землякамъ нема про-світу; нашъ панъ тільки купуватель на роздробъ, а простий—за поти-кача. Московські купці, що торгують висчимъ краснимъ товаромъ, мають тутъ, у жидяхъ Бердичівськихъ и Польськихъ, жвавихъ и сильнихъ

капиталомъ конкурентівъ. Мабуть жахаютьця московські купці и фабриканти, що жида одібють у нихъ торги по Україні, коли такъ добиваютьця, щобъ постягувати усі наші ярмарки у Харьківъ, де вони позакуповували усі ярмаркові будови, та й жида тамъ великої сили не мають, бо жити імъ у тімъ місті не вільно. Гомонять москалі-себѣ то на більшу користь усѣму краєві, а навспражки для того, щобъ загарбати у свої руки усі торги зъ початку на сімъ боці Дніпра, а потімъ посунутись и за Дніпръ, тай тамъ поборюкатись зъ жидами. Гарний та далекий нюхъ у того купецтва! Знаємо ми дуже добре тую московську монополію, що бувало привезе український панъ у Харьківъ вовну, а московський купчина дає ціну яку самъ схоче, та, заклавши назадъ руки а шапку зігнувши на бѣкірь, усміхаючись и каже: «Ужъ, батюшка, напрасно-сь изволите безпокоитись, знаємъ-ста, что барышѣ платицо надо, а барышнѣ на башмачки,» та й вередує доти, ажъ поки панъ не поклѣнитця и на ёго волю здастця. Якъ дивитись очима московськихъ фабрикантівъ, то воно може й добре було бъ на світі, якъ би тільки самі фабрики процвітали та добрі зйскі давали, а багатири-монополисти, ще більшъ, кишені набивали; а якъ же подивившя очима тутѣшнього хлѣбороба, поглянешъ на нашъ плодучий край та поміркуешъ обѣ тѣмъ, що найкористнійше для нашого батьківського промислу-хлѣборобства, то й скажешъ спасибі тимъ жидамъ та чужоземськимъ закупщикамъ, що своєю конкуренцією, на усюди-роскинутихъ по краю ярмаркахъ, ціну на наші пахарецькі продукти підіймають, а красний товаръ, и красчий и дешѣвшій до насъ привозять. Якъ прислухаешя до того галасу купецького, то зразу зрозуміешъ, що се ті самі наші добродії, що не дуже давно такъ галасували за тарифъ: «не треба, казали, збавляти пошлинъ, бо якъ у московськихъ фабрикантівъ на копійчину буде меншъ барышівъ, то усімъ вамъ прійдетця вмірати, хочъ у васъ токі й набиті стогами.» Не диво, що наша плодуча країна бідна на гроші, бо такъ усе добре, спасибі за ласку, добродії умудрували, щобъ капитали постягати туди десь за Оку. «Продавайте, кажуть, вашу шпеницю у Одесь або Бердянськъ та привозьте ті грошики, що візьмете, до насъ—ми вамъ ситцівъ за те надаємо, такихъ що, може, черезъ тиждень й на ганчіркі згодятця; а у бусурменівъ не купуйте, бо й законъ не дозволя, та й дежъ той патріотизмъ буде? Продавати імъ своє добро, а гроші намъ, за хамло, віддати—то инше діло—таке, якъ слідъ доброму патріотові робити; бо то наше діло, за-

сівши у Харькові, далій відь чужої конкуренції, грошима орудувати та зь вашої праці розживатися, а ваше... у землі копатися, а гроші вамъ, хахламъ, на віщо здалися?.. »Эге жъ, правда! отъ хочъ бий до заліза; нашому хліборобові треба ёго, куди не киньсь; наші стени тільки дожидають заліза доброго и дешевого, щобъ прокинутись та за діго новимъ ладомъ узятись. Э! такъ, бачите; уральскі заводчики—отті бідні, що Европа на нихъ дивуетця—треба їхъ пожаліть—старцями стануть, якъ західне залізо у нашъ край (для користи нашого, багатири бъ то, хлібороба) пустять. Наша Україна найбільшъ, здаецця, витерпіла відь того тарифу, а її ще й лають, що, бачъ би то, до праці не здатна. Оце тежъ саме и зь нашими ярмарками; здаецця и сліпий побаче, що легше купцеві переїзжати зь своїмъ легкимъ крамомъ зь ярмарку на ярмарокъ, а ніжъ намъ, зь нашими важкими пахарськими продуктами, до одного пункту, з'їздитися та одинъ другому ціну збавляти, а чуже у дорожнєту підіймати. Тай зь самої натури того діла бачитця, що край, де пахарство покриває усякий другий роздобутокъ, повиненъ роскинути свої ярмарки по усімъ закуткамъ, а не стягувати у одинъ пунктъ. Отъ хочъ би на прикладъ: Владимирська губернія має усього 8 ярмарківъ, а у Полтавській їхъ безъ малого 300. Ще кажуть:—коли по шляхахъ покладуть залізні колії, то ярмарки самі зведутця ні нащо. Але жъ ми бачимо, що у тихъ краяхъ, де пахарство бере гору надъ фабриками, а земля поділена на невелички маєтности (якъ и у насъ), тамъ ярмарки держатця и тоді, якъ вже залізні колії покривають цілий край, а тільки де-які великі підупали. Та хочъ би й такъ, то на що жъ завгодя псувати те, що повстало зь самого життя народнєго и поки до чого—має ще свою силу? Сама наука навчає, що у те діло мішатись не треба, бо силоміць можно тільки зтурбувати ціле краєве господарство, а покористуютця тільки де-які капиталисти. Для нашого краю булобъ найкористнішъ, щобъ наші ярмарки зоставались такъ, якъ були, безъ жаднихъ добавокъ и переставокъ, а вже самъ часъ и місце покажуть, де торгъ вімре, а де зацвіте, бо того не вгадаєшъ; знаємо ми добре такі ярмарки, де тільки на папері торгують, а є й такі, що й не щитають ярмарками, а товару й народу повнісінько. Такъ чи тожъ насъ хліборобівъ послухають? Змагають московські багаті за центральний пунктъ для свого товару; годі, кажуть, швєдяти зь ярмарка на ярмарокъ—велика трата, такъ треба десь вище клопотатися, щобъ силою їхъ до одного міста позтягувати. А чи намъ

відъ того легше чи важче—проте хто дбатиме?.. А бодай васъ, панове купецтво, які жъ то ви патриоти для своєї кишені! Се вже, бачите, такé кôло: що зъ централизаціі, куди не верни, а вийде монополія; а зъ монополіі, централизація. Воно такъ усяди діялось.

В. Куликъ.

Полтава. Р. 1861, 4 авг.

Р. S. Я вже мавъ одсилати до васъ сей листъ, ажъ ось на-бігли дві новенькі звістки: перша та, що збóлено будувати у Полтаві великі кам'яні лавки підъ ярмарокъ, а друга — сарана. Сёго дива тутешні старі люде не пам'ятають. Добре тому, хто убрався зъ хлѣбомъ завгодя. У давні роки сарана зупинилась на степахъ, и до Полтавщини ніколи не долітала; сёго жъ року дотягла, кажуть, ажъ до Чернігівщини,

В. К.

ОТЪ МАРТА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЯРМАРКИ.

Вы слышали жалобы на ужаснѣйшіе снѣга прошлой зимы, на это безпримѣрное бездорожье въ нашей Украинѣ и знаете, что многимъ отраслямъ украинской производительности и торговли былъ нанесенъ чувствительный вредъ. Такъ, напримѣръ, для сахарныхъ заводовъ не было возможности заготовить дровъ. Снѣга были до-того глубоки, что въ лѣсахъ нельзя было рубить, самая же перевозка еще труднѣе потому, что и на большихъ транспортныхъ битыхъ дорогахъ тинулась узкая, едва отвердѣвшая полоса, съ неисчислимымъ множествомъ ухабовъ, ѣзда совершалась гуськомъ и при встрѣчахъ одинъ всегда тонулъ въ глубокомъ рыхломъ снѣгу: что же можно было сдѣлать съ нашимъ рабочимъ скотомъ, при вывозкѣ изъ луговыхъ или лѣсныхъ мѣстъ?

Крещенскую ярмарку и контракты, какъ вамъ извѣстно, торговали хорошо, но сахарники были очень наказаны: вмѣсто настоящей пропорціи сахара, у нѣкоторыхъ едва была получена третья часть. Снѣга на югѣ были глубже, чѣмъ на сѣверѣ — извозчики ѣхали по тридцати и болѣе дней тамъ, гдѣ обыкновенная ѣзда 10, 12 дней. Вслѣдствіе недостатка на Крещенскую изъ заводовъ сахара, у многихъ были незначительные сборы денегъ, а въ виду вслѣдъ затѣмъ

наступающихъ контрактовъ, гдѣ совершаются рафинерами главные покупки песку, это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла рафинадныхъ заводчиковъ.

Съ первыхъ чиселъ марта наступила весна, ознаменовавшая себя снесеніемъ во многихъ мѣстахъ мостовъ, но къ апрѣлю путь отвердѣлъ и появились извозчики на колесахъ. — Всякій съ жаромъ бросался дополнить несдѣланныя отправки, и цѣны на извозъ были не ниже зимнихъ. — Въ нашихъ мѣстахъ, особенно поддерживалъ цѣну на провозы Бѣлгородъ, по случаю большой отправки до Москвы сала. Несмотря, однакожъ, на дороговизну весеннія отправки обошлись выгодыѣ; товаръ пришелъ своевременно, межъ тѣмъ, какъ слышно, много товару, отправленного по зимнему пути изъ Кіевской губерніи, получено въ Москву чрезъ два и три мѣсяца.

Теперь о прошлой зимѣ, межъ украинскими торговцами, нѣтъ и помину, всякій смотритъ впередъ и старается разгадать «будущее», но это будущее, несмотря на опытность многихъ, закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Первая наша весенняя ярмарка Елисаветградская—Егорьевская. Благодаря Бога, въ этомъ году, эта ярмарка вышла хороша. Многіе покупатели—Евреи появились ранѣ настоящаго начала, т. е. 23-го числа, и хорошо покупали недорогіе бумажные, пестрядные и холщевые товары. Хорошіе покупатели были большею частію изъ тѣхъ мѣстъ, откуда прежде не бывали, какъ-то: Кишинева, Бердичева и Каменецъ—Подольска. Нѣкоторые полагали, что причиною хорошей торговли на этой ярмаркѣ отдаленность времени отъ зимнихъ ярмарокъ — Воскресенской и другихъ; положительно можно сказать — не это причина. Какъ увидите ниже, несмотря на возрастающую цѣну бумажныхъ товаровъ отъ дороговизны хлопка, этими товарами торгуютъ хорошо на всѣхъ ярмаркахъ, и потому, навѣрное, это можно отнести къ перемѣнѣ положенія крестьянъ, какъ все равно никто не похвалится торговлей шелковымъ товаромъ и т. п.

Егорьевская ярмарка, за немногими исключеніями, чисто мануфактурная. Цѣнность товара привозимаго я опредѣлить вамъ не могу; по мануфактурныхъ товаровъ было количествомъ до 2½ т. лошадей. — Эта ярмарка удалена отъ семьи украинскихъ ярмарокъ, отъ-чего, въ нѣкоторые года, она страшно наказываетъ торговцевъ. Наша яр-

морочная система такова: если товаръ остался въ Маслянской, то будетъ лежать до Вознесенской, если остался въ Вознесенской, отправится въ Ильинскую, оттуда въ Харьковъ или Крелевецъ. Все это разстоянія такія, что провозъ не составляетъ значительнаго расчета; но совсѣмъ другое если товаръ остался въ Егорьевской. До Елисаветграда провозъ всегда стоитъ особенно—дорого, по случаю весенняго времени и затруднительной переправы въ Кременчугъ. Въ этомъ году провозъ изъ Москвы былъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ рубл. съ пуда, да кромѣ того, въ Кременчугъ за переправу черезъ Днѣпръ на разстояніи 2-хъ верстъ платили 3 рубл. съ лошади, 6 рублей съ пары и 9 рубл. съ тройки!. Слѣдовательно, если къ этому провозу прибавить провозъ до Полтавы (куда обыкновенно отправляютъ остатки отъ Егорьевской), то это ужъ будетъ крайне большой расходъ на недорогіе мануфактурные товары.

Интересуетъ многихъ эта ярмарка продажою за деньги, не на кредитъ; но и при хорошей торговлѣ, какая была въ этомъ году, ярмарка приноситъ убытки. На многіе бумажные товары расходъ среднимъ числомъ составляетъ 15%, тогда—какъ на другихъ ярмаркахъ не болѣе 5 и 7%. Помѣщенія для ярмарки хороши: лавки каменные, цѣны за нихъ умѣренныя; дѣйствія комитета ярмарочнаго заслуживаютъ благодарности.

Вслѣдъ за Егорьевскою ярмаркою, слѣдуетъ Вознесенская.—Бумажными недорогими мануфактурными товарами, несмотря на прибавку въ цѣнѣ 3% и даже 5%, торговали также хорошо; были хорошіе покупатели для Ермолинца (Каменецъ—подольск. губерніи). Тонкими бумажными, шерстяными и шелковыми товарами торговали обыкновенно.—Я не былъ на этой ярмаркѣ, и потому, къ сожалѣнію, не могу сообщить вамъ, подобно Маслянской ярмаркѣ, статистическихъ данныхъ, относительно украинскихъ товаровъ,—могу только сказать вамъ, что гг. сахарникамъ съ Вознесенской пришлось выдерживать постепенное пониженіе цѣны на свой товаръ. Попричинѣ того, что Москва и Петербургъ мало требовали песку и отъ несвоевременной продажи его въ Крещенскую и др. ярмарки, накопились излишніе запасы на заводахъ и въ складахъ, и потому, несмотря на незначительность Вознесенской ярмарки, сахаръ понизился на нѣкоторые сорта 25 коп., а на другіе и 50 коп. на пудъ.—Воску оказалось до 4-хъ т. пудъ, но покупателей было мало и цѣна упала до 20 рублей.—О табакѣ свѣдѣній не имѣю.

Троицкая ярмарка (въ Харьковѣ) имѣетъ для нашего края большое значеніе. Характеристическая черта ярмарокъ, описанныхъ мною выше, состоитъ въ томъ, что къ намъ привозятъ мануфактурные товары, продаютъ, и везутъ отъ насъ деньги. Эта же ярмарка наоборотъ:—она какъ бы возвращаетъ назадъ увезенныя деньги своимъ солиднымъ товаромъ — шерстью; но, къ сожалѣнію, мы не такъ счастливы, какъ великорусскіе, мануфактуристы — Шерсть въ этомъ году значительно понизилась въ цѣнѣ и нашъ край противъ прошлаго года теряетъ въ этомъ товарѣ болѣе милліона рублей серебромъ!

Количество шерсти на ярмаркѣ было до 250 т. пуд.

Грязной помѣщичьей до 130 т. пуд.

Перегона « « « 100 т. пуд.

Нѣмецкихъ колоній и др. 20 т. пуд.

Грязная шерсть продавалась отъ 8 до 8 р. 75 к., нѣкоторыя лучшія партіи проданы отъ 9 до 9 р. 40 к. *Перегонъ* нѣмецкій и купеческій проданы отъ 12 до 13½ рублей; перегонъ помѣщичій—отъ 13½ до 15½ рублей; нѣсколько партій лучшаго сорта проданы отъ 16 до 18 рублей. *Обножки* изъ хорошихъ партій перегона проданы отъ 9 до 12 рублей.

Покупатели были изъ Австріи, Пруссіи, Москвы, Черниговской губерніи, Харьковскіе, Бѣлгородскіе и Изюмскіе моченики.

40 т. пуд. осталось непроданнымъ.

Разничная торговля въ городѣ шла тихо и многіе магазины очень жаловались.

О. Нез — ій.

УКРАИНЦЫ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Изъ Саратова.)

Прошло сто лѣтъ, какъ нашъ край наводнился различными колонистами, какъ-то: украинскими, татарскими, нѣмецкими, геригутерами и, наконецъ, переселенцами изъ губерній Тамбовской, Пензенской, Калужской и Костромской.

Колонисты-украинцы превосходятъ другихъ численностію; жизнь ихъ, по сравненію съ другими, также больше имѣетъ значенія для нашего края.

Волга для украинца едѣлалась извѣстной еще во времена бунта Стеньки Разина, у котораго много было охотниковъ изъ Украины попить на чужой счетъ. Они видѣли широкія степи саратовскія, привольныя землей и водой, и по ихъ слѣдамъ, земляки стали ходить на далекую Волгу, для заработковъ на судахъ или рыбныхъ ватагахъ. Дальній путь заставлялъ многихъ оставаться здѣсь у хозяина и на зиму. Мало-по-малу они сроднялись съ чужой вольной стороною и многіе изъ нихъ вовсе не торопились домой, гдѣ вольная воля была только богачамъ да чиновникамъ, замѣнившимъ польско-панскую администрацію въ Украинѣ. Облюбовавъ себѣ на Волгѣ уютное мѣстечко, захожіе селились, обзаводились семействами и забывали о своемъ родѣ-племеніи въ Украинѣ. Возвращавшіеся домой бурлаки рассказывали про привольное житье-бытье волжское, конечно съ безчисленными прибавленіями, и увлекали въ наши степи новыхъ переселенцевъ. Такъ было до временъ Екатерины II, которая, именнымъ указомъ 1763 года, повелѣла назначить огромное пространство свободныхъ земель на саратовскихъ степяхъ, для желающихъ тамъ поселиться. Украинцы, одни уже знакомые съ вольной приволжской жизнью, другіе наслушавшись рассказовъ о нашемъ краѣ, охотно бросали свои родныя села и переселялись къ намъ. Они селились гдѣ кому было любо. Первыми *хатами* большею-частью были *землянки*; но эти землянки устраивались на самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Стоить только посмотреть на слободы Покровскую, Никольскую, Дубовекую и Рыбинскую, чтобъ отдать честь украинскому вкусу и уму. Двѣ первыя особенно отличаются не только прекраснымъ мѣстоположеніемъ, но и выгоднымъ положеніемъ для торговли. Слобода Покровская (украинскія слободы никогда не называются *селами*) стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, на небольшомъ возвышеніи. Во время большаго разлива Волги, она стоитъ какъ бы на островѣ. Здѣсь и въ слободѣ Никольской первоначально построены были, въ 1797 году, по повелѣнію Екатерины II, запасныя соляныя магазины, куда они обязаны были возить соль съ Элтонскаго озера. Въ этихъ двухъ пунктахъ сгруппировалось почти все первое поселеніе, такъ-что впоследствии колонистамъ нужно было выселиться изъ этихъ слободъ,—что дало начало многимъ другимъ малымъ слободамъ и хуторамъ. Слободы Покровская и Николаевская называются, по своему богатству, городками. Въ той и другой—по три каменныхъ церкви, что рѣдко можно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По своей величинѣ и богатству,

эти церкви могутъ стать наравнѣ съ городскими—уѣздными. Что касается другихъ слободъ и хуторовъ украинскихъ, то объ нихъ можно сказать только то, что они всѣ живутъ лучше великорусскихъ селъ, т. е. и богаче и чище. Обогащаютъ ихъ поля и степи. Лѣтомъ украинцы работаютъ въ полѣ, а зимою возятъ сѣно для своего скота и для продажи. Лишь только вѣдешь въ украинскую слободу, ее сейчасъ можно отличить отъ великорусской: украинскія хаты всегда обмазаны бѣлою глиною, съ чистыми окнами и окрашенными ставнями. Дворъ у украинца очень рѣдко можно встрѣтить съ плотными тесовыми заборами или сараями, и съ крѣпкими воротами, особенно въ тѣхъ селахъ гдѣ украинцы живутъ одни. Жизнь открытая вытекаетъ у нихъ изъ ихъ нравовъ. Воръ—украинецъ—явленіе очень рѣдкое. Кони и волы никогда у нихъ не запираются замкомъ. Войдете въ хату—передъ вами печь безукоризненно—бѣлая, порядокъ въ домашней посудѣ и опрятность во всемъ домѣ. При этой виѣшней чистотѣ, нельзя не обратить вниманія на ихъ нравственную чистоту. Чтобъ узнать украинца съ этой стороны, нужно только побывать на ихъ *вечернїцяхъ*, куда у нихъ собираются *дівчата* и *парубки* въ осенніе и зимніе вечера. Здѣсь парубокъ и дівчина, единственно по свободному выбору влюбляются другъ въ друга и остаются вѣрными до гроба. Здѣсь нѣтъ корыстныхъ расчетовъ, а одна любовь чистыхъ и неспорченныхъ сердецъ. Оттого—то у украинцевъ царствуетъ любовь и въ семействѣ. Украинецъ очень рѣдко оставляетъ свой домъ, а если оставляетъ, то ужъ вмѣстѣ съ своей *жінкою*. Да и соблазнить украинку тоже почти невозможно.

Въ дѣлѣ религіи, украинецъ понимаетъ вещи просто и ясно. Сектантовъ и раскольниковъ нѣтъ между украинцами нашего края. Всѣ зажиточные украинцы отдають своихъ дѣтей къ дьячку, для обученія грамотѣ, чтобы имѣть удовольствіе слышать ихъ пѣніе на клиросѣ и чтеніе во время богослуженія. Прихожанинъ—украинецъ удѣляетъ отъ своего имѣнія для церкви очень охотно, не такъ, какъ дѣлають крестьяне селъ великорусскихъ, особенно приволжскихъ, гдѣ попъ долженъ выпрашивать, домогаться того, что ему слѣдуетъ, и при этомъ слышать укоры. Въ церковь наши украинцы ходятъ почти всѣ; одѣваются для этого всегда чистенько; стоятъ съ благоговѣніемъ. Украинецъ любознателенъ и понятливъ. Только бѣда въ томъ, что ему приходится читать книги на чужомъ языкѣ, и съ трудомъ усваивать смыслъ ихъ, особенно подъ руковод-

ствомъ безграмотныхъ грамотѣвъ. Украинецъ съ особенною охотою читаетъ книги на своемъ языкѣ, и еслибы на это обратили вниманіе, то дѣло образованія пошло бы гораздо успѣшнѣе. Украинецъ добръ, даже черезчуръ добръ, когда онъ имѣетъ дѣло съ своими сосѣдами въ торговыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Естественно, ихъ простота не иначе должна считаться, какъ глупостію, въ глазахъ такихъ сосѣдей, которые стоятъ на томъ, чтобы что продать, то и надуть,—а не обмануть, такъ и не продать. Торговать украинецъ нашъ мало способенъ, потому что онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ; а если онъ продаетъ, то единственно то, что у него лишнее, какъ на примѣръ: лѣтомъ — траву, а зимою—сѣно, хлѣбъ и проч. Украинское купечество, сосредоточенное въ Покровскомъ городкѣ, большею частію занимается закупкою зерноваго хлѣба.

Украинскія пѣсни поются иногда и нашими великороссіянами. Лучшими пѣвцами у саратовскихъ великороссіянъ считаются тѣ, которые, кромѣ своихъ пѣсенъ, знаютъ много и украинскихъ. Когда украинскіе купцы закупаютъ хлѣбъ въ великорусскихъ селахъ, то великоруссы имѣютъ дѣло съ ними всегда охотнѣе, чѣмъ съ своими, потому что украинецъ не обманетъ и не обвѣситъ.

Въ заключеніе, сообщу свѣдѣніе объ одномъ украинцѣ—самоучкѣ-механикѣ.

Никита Зуенко, уроженецъ Покровской слободы, всю свою жизнь ломалъ свою, непросвѣщенную наукой, голову надъ нѣсколькими машинами, и между прочимъ надъ такою, которая бы возила тяжести по водѣ безъ паровъ. Саратовцы видѣли эту машину, только вполнѣ сдѣланною. Одинъ купецъ брался отлить эту машину, но, кажется, смерть его уничтожила и послѣднія надежды бѣдняка-украинца. Онъ теперь живетъ въ Астрахани, и надѣется, съ помощію какого-нибудь богача, докончить свое давно-задуманное дѣло.

Великороссіянинъ 0—овъ.

О МАЛОРОССІЯНАХЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Оставляя Малороссію, быть-можетъ надолго, я думалъ, что, во все время моего пребыванія въ Сибири, я не увижу родного человѣка, не услышу родного слова. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Пермь, гуляя, или, вѣрнѣе, блуждая по берегамъ рѣки Камы, услышалъ я родные звуки! Я сначала самъ себя не повѣрилъ и подумалъ, что слышу мѣстный говоръ крестьянъ Пермской губерніи ⁽¹⁾, но прислушавшись, разубѣдился, и подошедши поближе къ кучкѣ людей, состоявшей изъ пяти человѣкъ, увидѣлъ тутъ козаковъ, изъ которыхъ два говорили по-малороссійски. Чтобы удостовѣриться, что они точно говорятъ по-малороссійски, я спросилъ у одного изъ нихъ: какъ называется эта рѣка? «Яка? де? оце, кажуть, Кама. Та ми сами не тутешні». — «А відкіля жъ ви?» началъ я по-малороссійски. — «Такъ и ти, мабуть, не тутешній, ти землякъ наш!» Распросивши, я узналъ, что они въ 1847 году вышли изъ Саратовской губерніи и поселились въ Петропавловскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи; нынѣ служатъ въ пограничномъ Тобольскомъ козачьемъ войскѣ, защищающемъ границу отъ набѣговъ Ташкенцевъ и Коканцевъ. Земляковъ нашихъ въ этомъ войскѣ около трехъ тысячъ. Потомъ я узналъ отъ нихъ, что они встрѣтились въ Перми, съ земляками же козаками Оренбургскаго войска и были очень рады этой встрѣчѣ. Выпроводивши ихъ въ Кіевъ, куда они шли на богомолье, мнѣ хотѣлось повидаться съ Оренбургскими козаками-земляками. Черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, я познакомился съ тремя изъ нихъ. Всѣ три отличались стройностью, проворствомъ, расторопностью и энергіей, и всѣ три отлично говорили

(1) Въ мѣстномъ говорѣ Пермской губерніи ъ выговаривается, какъ и у малороссіянъ за и, г за в, о не за г, о безъ ударенія за о, а не за а, и пр.; словъ также много сходныхъ съ малороссійскими, наприм. слобода, нехай и проч.; даже головная стрижка такая же, какъ у нашихъ земляковъ. Все это объясняется тѣмъ, что здѣшнія мѣста заселены выходцами изъ Новгородской земли, а Новгородцы, по мнѣнію профессора Н. Ив. Костомарова, часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ и удалившаяся на сѣверъ. *Основа*, кн. 1 и 3, статьи: «о федеративномъ началѣ» и «Двѣ русскія народности».

по-велико-руськи и по-малоросійски, такъ что, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, я имѣлъ хорошую практику малоросійскаго языка. Меня очень удивляло то, во-1-хъ, какъ они, живя постоянно между чуждымъ имъ населеніемъ, не забыли роднаго языка; во-2-хъ, какъ они не изуродовали его, что весьма часто случается у насъ, въ Украинѣ, съ тѣми земляками, которые поживуть съ великороссами или съ панами. Я хотѣлъ-было, по ихъ разсказамъ, составить полное описаніе быта нашихъ земляковъ Оренбургскихъ козаковъ, но, за вѣздомъ изъ Перми, не успѣлъ. У меня, впрочемъ, сохранились отрывки ихъ разсказовъ, которые сообщаю:

«Оренбургскіе козаки живутъ у Троицкому уѣзді Оренбургской губерніи; наши земляки (козаки) живутъ не вмістѣ зъ руськими, а особо. У Ключевскій станиці наши живутъ у двохъ селахъ, тільки не знаю, якъ звать; у Чисменскій ст., у селахъ Новому-Чорному, Богородиньскому и у Лищяхъ; у Миколаевскій стан. у Кулибчиньскому селі, у Шерпенюванскій ст. одно село, у Магнитній кріпості; 7-го полку на річці Судуку є одно село; 6-го полку село № 7-й, 5-го полку село Березовське; у степу на лінії на р. Тургай, на Иргизи (городокъ є Иргизъ); у городкахъ Ахмечети, Старо-Ореському и Ново-Ореському; у селі Кумакъ подъ Ореськимъ; коло Оренбурга по селамъ: Каминьському, Пиженському и Краснохолі 1-го полку (село велике, сотъ віснїй душъ; зъ ёго новиходили у самий степъ, у городокъ Карабутахъ и инші); 1-го жъ полку, по селахъ: Бурганці, Статинцевій, Озирній, Микольціяхъ, Пидгорнощському. У самому Оренбурсі живутъ козаки и міщане-земляки, а селяне живутъ відъ Оренбурга къ Самарі. У Челябінському уїзді у одному селі живутъ селяне.

Козаки наши спершу новиходили селянами зъ губерній: Харьковської, Самарської, Саратовської, Воронежської, Курскої и зъ иншихъ. Виселялись, бо тутъ славно, просторно було жити; лінія була, мало людей було. Такъ вони жили селянами до 1842 року. У козаки повернули, щобъ вони образовані були, щобъ оружје було и все чисто. Которі сами хотіли, бо гля дітей, щобъ у салдати не видавать и щобъ земля була; якъ у крестьянахъ жили, то землю миряли четвертями, а теперъ — скільки твоя душа бажа, стільки й орї. — —

Запорожці жили спершу у Краснохолі, ми по однімъ боці річки

Чорної, а вони по другімъ. Скільки ми жили у Краснохолі, такъ їхъ усе було дражнить:

Білогіріці дурні вівці —

Не молятьца Богу;

Запрягають и родичівъ —

Ідуть у дорогу.

Вони у церкву ходять и хрестятця, тільки мова якась така, що й ми не розберемъ. Зъ нихъ ще глузують такъ: ишовъ, кажуть, запорожець, зустрівся зъ руськимъ, та й каже: «чи не знаходивъ ти, шо я загубивъ, *тірбочки* (торбочки), симъ вилупеньцівъ (яйця), и три перешічки (пышка), висвищакою (батигъ) завязана?» Руській каже: я найшовъ торбочку зъ яйцямъ, та пышками, батономъ завязана. «Ні, це не моя.» Відъ своєї торби одперся! Піжаківъ (по їхньому *дики кабаньці*) іли. Жінки ходять, якъ и наші, у очіпкахъ, дергахъ, або запасакахъ, а дівчата у білихъ свиткахъ (куцина). Звичаї: вечерниці, різдвянські святки, паски святять, и всі звичаї, якъ и у насъ.

Теперь ми обжились у козакахъ, такъ лучче и привільній. Лісівъ багато: сосновихъ, березовихъ, дубовихъ, то-що; до якого села бліжче, то до того й ліси. У Орській стан. и у другихъ—гори, а у Краснохолі—степъ азійська, рівна, и у Чисменській стан. степъ, озера по лінії и у Чисменській стан. Зъ солонихъ озеръ сіль беремо даромъ, не одъ казни; тільки сіль тоді бува, якъ засуха. Річки у насъ: Ураль, Уй, Уильця, Иргизъ, Чорнивця, Буранка, Тузакъ, Сундукъ и Оръ; річки не великі, очеретомъ поросли; риба: лини, сазани, щука, окунь; у озерахъ одинъ карась. У Троїцькому уїзді е й болота. За нами починаютьца степи, днівъ десять безъ корму, тільки полинець росте, пісокъ. На Тургаї и Иргизи дикі коні, дикі свині, сайгаки, тигри, а за Тургаємъ полози. Полозъ такий ясний, наче луска риба, наче сребрений; де вінъ пролізе, тамъ и трава не росте, вінъ якъ махне хвостомъ, такъ и зобье, потімъ кровъ ссе.

По степу и у Троїцькому уїзді е могили, наче копані, середина западе, наче тамъ шо провалитця, кажуть, шо розбойники тутъ стояли и накопували: Мамай и Пугачъ; и клади е, тільки взять ихъ не можна, бо давно положені; которі добували, такъ ні — не йдуть уже. На нашому степу виведена—називаетця киркою, на церкву по-

хожа, и гробки кругомъ, верху нема. Ни хто не зна, відъ кого вона осталась.....

Хлібъ роблять зъ цілого и живуть. Пахатної, окрімe сінокосу и лісу, 30 десятинъ на душу; тільки родитця, заразъ и нарізують землю. Починають сіяти після паски, на 4-мъ тижні. и до паски тижнівъ за два, якъ весна тепла, и сіють до Тройці. Сіють года три зряду пшеницю, а потімъ якъ помякша, овесъ, або жито. Пшениця у насъ: кубанка, або турка, черноколоська, гирка и черногузка; ячмінъ: зъ остюками и голий, просо кійкувате. Горохъ сіють по цілині, просо, и лёнъ; коноплі по мякому, після лёну. Пшеницю и жита жнуть, а овесъ та ячмінъ жнуть и косять. Кісь—*горбушъ* нема ⁽²⁾. Жвуть після Петра, й місяць жнуть и неділь три жнуть. Хлібъ кладуть на степу, у токахъ, а до дому не возять, а уже возять чисте зерно. Молотять ціпами, биками и кінями. Пшенишний хлібъ щодня їдять, житне борошно Орда бере, у городі продають, ячмінъ у рудники на крупі беруть, вівсяною соломою кормлять биківъ, а житна, пшенишна, то-що, лежить, поки зогніе, бо сіна багато. Лёнъ и коноплі продають, а собі сім'я на масло йде, масло бьють.

Повинности: 25 асс. земельної повинности зъ душі, штрафова домівъ, якій домъ скільки стое, 3 р., 10 р., 15 р. то-що. За казенні кобиля 15 к. ср. зъ душі. Служба 25 літъ, 3 годи на службі, а годівъ 5 отдыхаемо. Коні и зброя—все своє. Якій бидний козакъ—йде у робітники.

Скотину пасуть Киргізи и Камличини, за корову 10 к. у літо, за пару биківъ тожъ 10 к., за вівцю зъ ягнямъ 27 к., за коней 30 к. с., за телятъ 6.

Оруть усю Петрівку на пшеницю, а весною на овесъ та жито. Оруть плугомъ та волами, у кого нема спрагаютьця. Якъ починають оратъ, Богу молятьця и землю цілують. На сорокъ святихъ, печуть хрестики изъ кіста и жайвороночки: хрестики кладуть у ту пшеницю, що весною сіють, а коли положить на ниві—и починае

(2) Косами *горбушами* въ Пермской губерніи называются косы съ выгнутымъ болѣе обыкновеннаго желѣзомъ и съ короткой рукояткой; онѣ поэтому очень неудобны. Косецъ долженъ находится непрерывно въ согнутомъ положеніи и трава скашивается только по верхамъ; наши косы въ Пермск. губ. называются *литосками*; ихъ здѣсь не много.

орати, з'оравши-з'їсть; а жайвороночки на сорокъ святыхъ їдять. Волочать волами и бороною (боронять), раломъ ралать овси и жита. Живуть всю весну и святкують на полі, поки одсіютьця, до самої Тройці. Тамъ и хати є, и бані. И по селамъ є бані, зімою у дворі, а літомъ на березі бані. Жнуть помочами: просять помочі и горілку пьють, наче весілля усе літо, хочъ не просипайся...

П. Ефименко.

Красноуфимскъ, Пермской губ.

Іюнь 1861.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№№ XIV и XV изображаютъ нѣсколько портретовъ, снятыхъ съ натуры И. И. Соколовымъ, въ Полтавской губерніи. На рисунокъ № XV, одинъ портретъ представляетъ чумака съ *чуприною* и въ шапкѣ, — снятый въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Вереміевкѣ.

Рисунокъ № XVI изображаетъ *старцівъ* (нищихъ) и снятъ мною съ натуры, на ярмаркѣ, въ селѣ Срібномъ, въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ гг. авторовъ извинить насъ за непомѣщеніе въ этой книжкѣ статей, которыя были для нея предназначены, но, по обстоятельствамъ, откладываются до слѣдующей.

Въ нѣсколькихъ письмахъ насъ просятъ высказать наше мнѣніе по поводу статьи, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Современника*, подъ названіемъ: «Національная безтактность.»

Не имѣвъ, до настоящей минуты, подъ-рукою русинской литературно-политической газеты — *Слово*, по затруднительности полученія

славянскихъ изданій изъ Австрійской имперіи,—мы не могли удовлетворительно отвѣчать на сдѣланные намъ запросы; теперь же, получивъ, наконецъ, при помощи с.-петербургской газетной экспедиціи, послѣдніе номера *Слова*, мы надѣемся, въ X-ой книжкѣ *Основы*, сообщить нашимъ читателямъ данныя, убѣдительныя для всякаго, что вина враждебныхъ отношеній между Русинами и Поляками вовсе не со-стороны Русиновъ и, въ-особенности, не со-стороны униатскаго духовенства, которое, въ Галичинѣ, лучше, чѣмъ гдѣ-либо, поняло свое призваніе посреди пренебреженнаго народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемыхъ и смѣло борется за его права, не смотря на свою бѣдность, на оскорбленія и поруганія, которыми щедро надѣляютъ своихъ противниковъ сильныя интригою, богатствомъ и политическимъ преобладаніемъ іезуиты—въ ксендзовской и не-ксендзовской одеждѣ, (какъ говоритъ авторъ польской же брошюры: *Ręce ze się pojednamy*) въ религіозной и не-религіозной сферѣ.

При этой книжкѣ, равно и при другихъ журналахъ и газетахъ, прилагается подробное объявленіе объ изданіи *Основы и Живописной Украины* въ будущемъ году. Просимъ поспѣшить подпискою, дабы дать возможность редакціи распорядиться своевременнымъ напечатаніемъ и доставленіемъ на почту надлежащаго числа экземпляровъ. Редакція принимаетъ все зависящія отъ нея мѣры для устраненія медленности въ выходѣ и пересылкѣ нашего вѣстника въ отдаленныя мѣста.

Остающіеся экземпляры *Основы* за текущій годъ могутъ быть уступлены: выписывающимъ не менѣе пяти экземпляровъ—по 9 рублей за экземпляръ съ пересылкою, и по 8 р.—безъ пересылки; выписывающимъ не менѣе десяти экземпляровъ—по 8 р. съ пересылкою, и по 7 р. — безъ пересылки.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бавитись — мѣшкать.

Ввередитись — надорваться.

Верствѣ — верста.

Вкинутись — приключиться.

Вигнѣваний — гладко выстроганный.

Виращковѣтий — съ большими вытаращенными глазами.

Вишарованный — вымытый, вычищенный (полъ).

Гидко — гадко.

Глива — родъ грушъ.

Голубити — лелѣять.

Гудзикъ — пуговица.

Дмухну́ти — сильно дунуть; быстро побѣжать, ускákatъ.

Дуженний — очень сильный.

Жердка — жердь, вѣшалка.

Закалі́тись — запачкаться; замазаться.

Заспі́ль — за-одно.

Збавну́ти — понять, уразумѣть.

Збіга́тись — сбѣгаться.

Здобичъ — добыча.

Злинути — улетѣть; взлетѣть.

Кану́перъ, кану́піръ — душистое растеніе.

Квасо́ля — турецкіе бобы; фасоли.

Кихо́ть — когти.

Кожнісінький — всякій безъ исключенія.

Колистраторъ — кол. регистраторъ.

Корі́тись — покоряться; повиноваться.

Мало-що — чуть-чуть, немного.

Ма́ри — родъ носилокъ для покойниковъ.

Меже́ (и) — межъ; между.

Миттю — скоро, орометтю; со всѣхъ ногъ.

Млинові́й — мельничный.

Мрець — мертвецъ.

Неда́внечко — (умен.) не такъ давно.

Німке́ня — Нѣмка.

Нуда — скука.

Обі́няти — обнять.

Обночува́ти — переночевать.

Овра́шокъ — хорець.

Око́лія — околодокъ.

Ону́прій — Онуферій.

Опѣ́нати — опутать, попутать, отуманить кого.

Опрі́скавий — сердитый; огрызающийся.

Орчи́ковий — пристыжной.

Па́дькатись — прина́дъ; ухажи-вать.

Пахо́ші — духи, благовонный запахъ.

Підію́кувати — подрубить.

По-близу́ — вблизи, возлѣ.

По-дру́зькій — по-дружески.

Поливня́ний —

Посі́яти — (въ переносномъ смыслѣ растерять.

Попі́сувати — кормить лошадей въ дорогѣ.

Просто́ро — просторно; пространно.

Прохо́лодити — прослудить.

Пти́шня — птичникъ.

Пуді́ти — бить, гнать.

Пунди́къ — сладкій пирожокъ.

Ра́тище — копье.

Розже́врі́ий — разгорѣвшійся, пышій.

Росплóдженнй—разведенный, взро-
щенный.

Садовѣи — сажать; усаживать.

Свóлокъ — балка, поддерживающая
потолокъ въ хатѣ.

Семѣй — сѣдью.

Сѣвъ — посѣвъ.

Сидѹха — сидѣлка.

Сѣрый — сѣрый.

Скрѣпечка — (уменьш.) сундучокъ.

Снага — способность, удача къ чему
нибудь.

Стерѣй — стерѣи соломѣ, остающіеся
на корню послѣ жнивья.

Степóкъ — небольшая степь.

Стѣлецъ — маленькая скамеечка.

Сти́матись — схватиться съ кѣмъ.
Суд́жений — суженный.

Урòстичъ — куда попало; во всё
слороны,

Филю́ватись — волноваться.

Хи́жий — хищный, жадный, свое-
корыстный.

Хо́льварокъ — родъ фермы.

Чѣ́гати — поджидать кого въ заса-
дѣ.

Чмо́кнуться — подлизываться.

Чужая-чужина — чужіе люди.

Ястру́бъ — ястребъ.

ПОПРАВКИ.

1) Въ статьѣ: *Украинскія незабудки*, стр. 37, строка 30, вмѣсто *закипала*,
слѣдуетъ читать — *закипѣла*.

На стр. 42, стр. 34, вмѣсто *и насъ въ ульѣхъ*, слѣдуетъ читать — *у насъ
въ ульѣхъ*.

На стр. 46, стр. 13, вмѣсто *Трещотки*, слѣдуетъ читать — *Чечотки*.

2) Въ примѣчаніяхъ къ думѣ *Кумейки*, на стран. 83, стр. 18 снизу напе-
чатано: *не чуждается*, должно быть — *на чуждалось*.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

IX-я книжка *Основы* была уже напечатана, когда мы получили 2-й номеръ *Дня*, издаваемого И. С. Аксаковымъ. Объяснивъ нашимъ читателямъ причину, по которой мы не могли обстоятельно отвѣчать на статью *Современника*: »Национальная безтактность« (см. IX книжку *Основы*, стр. 193), спѣшимъ добавить, что отвѣтимъ, со всею возможною откровенностью, и на нѣкоторыя положенія, высказанныя въ 2-мъ номерѣ *Дня*, Вл. Ив. Ламанскимъ и поддержанныя И. С. Аксаковымъ. Возразить имъ мы считаемъ своимъ долгомъ, хотя намъ приходится вступить въ борьбу съ неравнымъ оружіемъ.
